

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 11 (38)

ноябрь, 2019

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ! УВАЖАЕМЫЕ СОРАТНИКИ!

Сердечно поздравляю коллектив литературно-исторического журнала «Александръ» и наших читателей с первой значимой датой – трёхлетием со дня основания! Издание качественного полноцветного периодического журнала – дело, бесспорно, тяжёлое и кропотливое. Но мы совместными усилиями с ним успешно справляемся! На страницах журнала публикуются материалы на различные темы, так что каждый читатель всегда может найти для себя что-то интересное и познавательное. В течение всего времени существования журнала мы стараемся держать высокую планку, чтобы быть примером для многих начинающих изданий.

Вот уже три года «Александръ» отражает текущее положение литературного дела в России. И отражает вполне объективно. Все эти годы редакция открывала для читателей новые имена. Многие знаменитые сегодня писатели участвовали в создании журнала. В разные годы его авторами были Лариса Васильева, Николай Иванов, Сергей Котыкало, Валентина Дорожкина, многие другие писатели, поэты, публицисты, составляющие славу и гордость отечественной словесности. Вклад журнала в национальную культуру неоценим.

Множество раз авторы «Александра» ставили на повестку дня насущные нравственные и этические проблемы, направляя и воспитывая своих читателей, делаясь с ними своими радостями и бедами. Особенно ценно, что вопросы бережного отношения к родной культуре, к родному языку всегда имели первостепенное значение для редколлегии журнала.

Желаю всей редколлегии литературно-исторического журнала «Александръ» Божьего вдохновения и терпения в той поистине благородной работе, которую проделывают писатели и поэты, работая со Словом, ведя за собою умы и души своих читателей.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

УЖЕ НЕ МАЛЬЧИК... «АЛЕКСАНДРУ» – ТРИ ГОДА!

Три года по человеческим меркам – это возраст малыша, который не так давно научился ходить и говорить. Трёхлетие журнала – это уже стаж! 36 номеров! Десятки авторов из разных регионов – поэты, прозаики, публицисты, просто читатели... Глубокие по содержанию материалы на самые разные темы успели заинтересовать (и – смею надеяться! – обогатить) читателей разных возрастов и разных профессий, разных политических взглядов...

А кажется, давно ли... с надеждой, но без стопроцентной уверенности после выхода первого номера инициатор и главный редактор издания (подвижник!) Анатолий Сергеевич Труба думал: будет ли журнал выходить регулярно или его жизнь закончится, едва начавшись?..

Настойчивость, профессиональный подход издателя к благому начинанию и, конечно, поддержка «сверху» сделали своё дело – «Александр» уверенными шагами пошёл к читателю...

Помню свою радость, когда писатель Валерий Аршанский, тогда шеф-редактор журнала, предложил мне опубликовать в нём очерки о поэтах Серебряного века – Марине Цветаевой и Тихоне ЧуриLINE, потом – о Жемчужникове и других известных литераторах, связанных с нашим краем. А сколько новых имён молодых поэтов и прозаиков появилось на страницах «Александра»!

О солидности журнала свидетельствует состав редколлегии, в которую входят, помимо тамбовцев, писатели, журналисты, академики, художники, космонавты, театральные деятели из Москвы, Екатеринбурга, Луганска. Это ли не доказательство того, что «Александр» за короткое время расширил географическое и творческое поле, на котором укрепились известные имена и взошли новые?..

Поздравляю издателей, авторов и читателей – всех, имеющих отношение к журналу, с его трёхлетием. Расти и дальше, «Александр»!

Валентина ДОРОЖКИНА,

благодарный автор и читатель журнала

Журнал издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации.

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

член Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова»;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

В. И. ПОПКОВ (Мичуринск), почётный профессор МичГАУ, кандидат филологических наук, член Союза журналистов России, член Союза российских писателей;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор Агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 11 (38), ноябрь 2019 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 10.11.2019

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.
E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

- 6** Валентина Дорожкина.
У каждого – своя сторона
- 8** Виктор Герасин.
Суть зверя

ГODOVЩИНА

- 12** Валентина Черемисина.
Встречи с Ларисой Васильевой

ПАМЯТЬ

- 15** Анатолий Труба.
Батюшка, благослови!

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

- 21** Василий Попков.
Кого потеряла Россия

ПОЭЗИЯ

- 24** Анатолий Лебедев
- 28** Геннадий Халдин

ИСКУССТВО

- 32** Л. Хлебникова.
«В горнице моей светло...»

КЛАССИКА

- 40** Алла Новикова-Строганова.
«Велик и свят был жребий твой!»

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 44** Алексей Борычев
- 48** Георгий Кольцов

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

- 52** Виктор Елисеев.
По тылам красных

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

- 57** Александр Сухачёв.
Сгибнев. Линия судьбы

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 62** Валерий Румянцев

ЭХО ВОЙНЫ

- 64** Виктор Семенов.
Обделённое детство

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- 69** Виталий Даренский.
Преображение памяти

ДЕБЮТ

- 80** Ульяна Корчагина.
Соня

РОДНОЕ

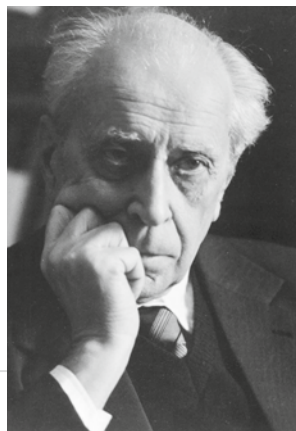
- 87** Екатерина Медведева.
Моя бабушка – инокиня Виктория

ДРУЗЬЯ «АЛЕКСАНДРА»

- 92** Наш наставник

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94** Анатолий Труба.
Саду Шолохова – один год

К 80-ЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ ВИКТОРА ГЕРАСИНА

*Анастасия
Трубе, рассказчице
писателю от
русского писателя
Виктора Герасина
с благодарностью.
Русские мы —
иного нам не
дают
В. Герасин
26.11.2015г.*

У КАЖДОГО — СВОЯ СТОРОНА

Поэт, прозаик, публицист Виктор Иванович Герасин родился 24 сентября 1939 года в рабочем посёлке Заметчино Пензенской области, но вся его творческая жизнь связана с Тамбовским краем, с городом Котовском, где он жил, работал и 5 января 2016 года скончался. Одна из последних его книг называется «Своя сторона». В неё вошли лучшие рассказы и повести писателя, в которых чётко прослеживается авторская мысль: у каждого человека есть «своя сторона». Чем бы он ни занимался, куда бы его ни заносила судьба, своя сторона словно следит за ним, направляет и зачастую... исправляет.

Герои произведений Виктора Герасина идут по жизни нелёгким путём, как, впрочем, и сам автор. Для них работа — это радостная необходимость, в ней они видят смысл жизни. Захар Иванович Слетков из повести «Не помни зла» говорит: «Работа — это хорошо. Наверное, человек жив до тех пор, пока вот так чувствует всего себя в работе. А отойдёт от неё — всё, это начало смерти...»

И тут налицо ещё одна сторона — сторона характера человека. Тоже у каждого своя...

Самая главная героиня произведений Виктора Герасина — Доброта. Не случайно в каждом рассказе, в каждой повести незримо присутствует вопрос: как нам жить друг с другом — с детьми, с родителями, с соседями, с товарищами? По принципу: ты — мне, я — тебе, как молодой тракторист из повести «От избы до избы», привозивший сельчанам хлеб и бравший за услугу «на бутылку», или как другой герой этой же повести, тоже тракторист, бескорыстно спешивший на помощь, не дожидаясь, когда об этом попросят? Так и идут рядом добро и зло. Вечная проблема борьбы между этими двумя жизненными категориями ставится и решается автором не «в любовную», не рассуждениями о том, «что такое хорошо и что такое плохо», а через взаимоотношения людей, через их поступки. Некоторые подчас не ведают, что творят: беря плату за привоз хлеба, молодой человек рассуждает так: «Совість — штука вредная... да и толку-то в ней, в одиночной совести. Вот когда она общая, тогда, я понимаю, она — сила. Одиночная же — это отклонение от нормы, это называется дурью...»

А другой, с «одионочной совестью», Сашка – синяя рубашка, как он сам себя называет, потеряв много драгоценного времени, делает изрядный крюк, чтобы довести до дома женщину, застигнутую пургой. И она, эта женщина, которой за минуту до встречи с весёлым парнем был не мил весь белый свет из-за людской чёрствости, сидит в кабине трактора, как на празднике великом. И кажется ей, что всё злое осталось позади. Она словно очистилась Сашкиной весёлостью и добротой и смотрит теперь на белый свет совсем другими глазами...

В каждом произведении, будь то рассказ или повесть, Виктор Герасин ненавязчиво подводит читателя всё к тому же вопросу. Но этот вопрос из частного – как нам жить друг с другом? – перерастает в общий, глобальный: как нам вообще жить в этом мире, где с добром соседствует зло?

Авторские сюжеты несложные: всё, кажется, лежит на поверхности; язык прост – мы слышим фразы, произносимые героями в общественном транспорте, в магазинах, на улице. За каждой фразой – живой человек, собеседник писателя и читателя. Но за простотой языка и сюжета скрывается подчас такая сложность человеческих отношений, которую нарочно не придумаешь, она – из жизни.

Тревога за судьбы людей звучит в повести «Мосты», в рассказах «Чёрный омут», «Изба с краю», «Под грозой», «Волки». Автору удаётся избегать монотонности и однообразия повествования. Он с любовью рассказывает о земляках, которых хорошо знает, потому что живёт с ними рядом, оценивает их поступки, болеет за них душой. Чувствуется, как дорога писателю каждая история, рассказанная в книге, как нравится ему язык сельчан. Он не придумывает специально колоритные фразы, не перенасыщает речь героев неологизмами. Язык героев – это язык самого автора.

Органично вписывается в произведения Виктора Герасина природа. Она не живёт у писателя какой-то самостоятельной, отдельной от человека жизнью. Правда, далеко не все замечают её красоту. Как открытие воспринимает городской человек богатство красок леса, просторы полей, размеренную деревенскую жизнь. Такое чувство

испытывает он, приехав на отдых в Листвянку – типичную русскую деревню: «Мне так и хотелось вслух воскликнуть: Боже ты мой, благодать-то какая!.. Хороший сентябрь в нашей средней полосе, та же нейтральная полоса года – между весной и летом, с одной стороны, и осенью и зимой – с другой. В нём есть всё от четырёх времён года: тепло и прохлада, увядание и цветение...»

И рассказчик, в душе которого всегда живо лирическое начало, с удивлением и восторгом описывает сентябрьское цветение какого-то «неведомого кустика»: «Вот-вот холода подступят, обжигающие утренники подрежут последнее тепло, повалят на землю с деревьев лист, а он – цветёт. Цветёт, невзирая ни на что! Что с ним? Поверил в осеннее тепло? Шутка природы? Нет, быть того не может, чтобы природа так шутила. Зацвести, когда всё вокруг увядает... Что это? Вызов? Непокорность? На это-то мне и не ответить никогда. Потому и принять надо просто, как должное: за чем-то это кому-то нужно...»

Знаменательным оказался для Виктора Герасина 2012 год: ему был вручён Почётный знак Русского общества имени А. С. Пушкина, действующего во Львове, на Украине. В удостоверении к знаку написано: «За большие заслуги в развитии русской культуры, создание высокохудожественных литературных произведений международного уровня, укрепляющих гуманизм, лучшие человеческие качества, писатель Виктор Иванович Герасин награждён Почётным знаком Русского общества им. А. Пушкина». Этому предшествовал выход книги о нашем земляке украинской журналистки Светланы Демченко «Философия "выживания" в творчестве Виктора Герасина».

Немало на счету писателя Герасина книг, немало добрых дел. С 1988 по 1993 год он возглавлял Тамбовскую областную писательскую организацию, затем перешёл на журналистскую работу – стал редактором котовской городской газеты «Наш вестник». Много внимания уделял работе с молодыми котовскими авторами, которые помнят своего наставника и в память о нём продолжают творческую деятельность...

Валентина ДОРОЖКИНА

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

РАССКАЗ

Виктор ГЕРАСИН

СУТЬ ЗВЕРЯ

Дух всевидящ и вездесущ. Ему не дано миловать или наказывать. Он – дух. Он присутствует во всём и каждом, но не оберегает, не спасает, не уничтожает – это всё делает каждый по-своему, каждый по себе...

Волчица имела всё своё, всё то, что перешло в неё от её очень далёких и совсем не далёких предков. И всё, что она имела, ей надлежало передать потомству. Ей не дано было прерывать связь прошлого с будущим. И она это исправно исполняла.

Была она ещё молода. У неё были развиты чутьё, интуиция, хитрость, упорство. И всё это подкреплялось зоркими глазами, чуткими ушами, сильной челюстью с крепкими зубами. Она имела мускулистое лёгкое тело под шелковистым волосяным покровом и не устающие гибкие ноги, легко выносящие её на кручи. Она видела себя глазами предков и глазами потомков и оставалась довольна собой. В ней было неистребимое желание жить, любить своего Волка, давать жизнь потомству, которое она любила больше себя и больше своего Волка.

Она родилась в тихом уголке огромного лесистого буерака. Здесь же, неподалёку, в земле лежали кости её родителей. А в сухой и тёплой норе она раз в год в установленное время в начале весны исправно разрешалась одним или двумя волчатами, вскармливала их своим густым молоком, окрепших выводила из норы, обучала тому, чему сама была научена родителями, а уже заматеревших к началу зимы и как капли воды похожих на неё и её Волка отпускала в большой простор за волчьим буераком. Зимой же чутким ухом улавливала их вой и оставалась довольна собой. И всё чаще уводила своего Волка к крутояру под белые берёзы, где в длинные зимние ночи они вновь предавались любви.

Волк принёс к норе заднюю часть туши молодого барана. Положив добычу на землю, проурчал, подав знак Волчице и Волчонку, а сам отошёл в сторонку, припал животом к земле, положил голову на вытянутые передние лапы и, почти не мигая, внимательно смотрел, как его Волчица учит Волчонка отрывать от туши и проглатывать большие куски мяса. У

Волчонка пока не получалось так, как делала мать. Вцепившись зубёнками в мясо, он пятился, урчал, не осиливая оторвать кусок. Волчица показывала ему, как боковым прикусом надо отделять от туши кусок. Раздосадованный на свою неумелость, Волчонок повизгивал, отходил от мяса, возвращался и вновь начинал рвать, трепать пищу. На душе у Волка было светло и радостно от этого зрелища...

Волчица перестала заниматься с Волчонком, насторожилась, подняла голову и пристально посмотрела на Волка. Её Волк – она это знала – насколько был дерзок, настолько и неосторожен, он больше надеялся на свою силу, чем на хитрость.

Материнской и звериной интуицией Волчица вдруг поняла, что Волк допустил оплошность, добыл барана где-то неподалёку от их логова. У неё испортилось настроение, ей стало не по себе от неотвратимых последствий его дерзости. Нет, риск здесь неуместен. Об этом говорил её взгляд. Но ей не было дано поучать Волка, и она не сделала этого.

А Волку её взгляд не понравился. Он поднял голову, глаза его предупредительно сверкнули, посуровели. И Волчица не выдержала взгляда Волка, опустила глаза.

Настроение совсем испортилось. И, чтобы успокоиться и обезопасить Волчонка, Волчица носом стала подталкивать его к норе. Но Волчонку совсем не хотелось уходить со светлой солнечной поляны, не хотелось забиваться в тёмную нору. Волчонок сердито огрызался, пытался ухватить зубами нос матери, но она так и закатали его в нору, залезла сама, перекрывая собой свет. Поурчав немного, Волчонок ткнулся носом в живот матери, поймал сосок и потянул в себя тёплое и сладкое материнское молоко. Насытившись, вскоре уснул, ровно дыша и подёргивая во сне лапами. Волчица аккуратно выползла из норы и легла на траву, вытянув по земле шею.

Она впадала в дремоту и слышала, как Волк тихо подошёл к ней, лёг напротив, головой к её голове, легко лизнул и раз, и другой её в нос, будто извиняясь за то, что причинил ей беспокойство. Волчица открыла глаза и лизнула

ответно Волка в нос. На том они и примирились, наслаждаясь солнечным теплом и пахнущим зелёной листвой свежим ветерком...

Из дремотного состояния их вывели посторонние звуки, вошедшие в равномерный шум леса. Уши их напряглись, медленно передвигались, исследуя на звук доступное слуху пространство.

Ветер медленно ворочался в кронах деревьев, покачивая их. Лепетали листья ниже крон. Поскрипывали надломленные стволы, суетились, щебетали птицы. Всё это было привычно и опасности не представляло. Но где-то наверху буерака, ближе к его горловине, птицы вели себя по-особому, встревоженно. И эта встревоженность птиц медленно перемещалась по обеим сторонам над буераком. Там явно кто-то был – тот, к кому не привычен лесной мир. Такую тревогу могло вызвать стадо коров. Но стадо сюда никогда не заходило. Могли потревожить птиц лоси. Но их никак не могло быть так много, чтобы двигаться по обе стороны буерака. Тогда что же?

Волк встал и, крадучись, хоронясь под нависшими сучьями деревьев, пошёл разведать, кто потревожил устоявшуюся жизнь буерака.

Волчица подошла к норе, послушала, как спит Волчонок, села, загородив собой вход в нору. Вдруг ей показалось, что ветерок сверху донёс до неё запах железа. И тут же вкралось сомнение: почудилось?..

С самого раннего детства она запомнила холодный и злой запах железа. Тогда по соседству жили несколько семей волков, каждая семья в своей норе. И вот однажды на рассвете волк-сосед притащился к норе с железными челюстями на ноге. Лежал он, прикрыв глаза, постанывал от боли. Его окружили волки, сидели, пристально наблюдая за несчастным, но близко не подходили. А к вечеру волк стал грызть свою ногу. Грыз, взвизгивал, останавливал кровь, зализывал рану и снова грыз. Сколько времени он грыз свою лапу, она, тогда ещё полугодовалый волчонок, не знала.

Волк остался жив, но прыгал на трёх лапах, правой передней лапы у него не было по сустав. Она – эта отторгнутая лапа в железных

челюстях – лежала под берёзой, пугая своим присутствием волков и особенно волчат.

С тех пор Волчица уяснила, что запах железа – это запах беды, запах боли...

Вдруг наверху и раз, и другой щёлкнули выстрелы, гулкое эхо прокатилось по всему лесу. В низину буерака пополз дым, остро запахло гарью. Волчица встала на ноги, насторожилась и поняла: это беда. Она уже нашла её Волка, она вслед за дымом и гарью подберётся и сюда, к ней самой и её Волчонку. Предчувствие было самое нехорошее, безысходное...

Волчица сунулась в нору, схватила зубами спящего Волчонка, поволокла его наверх. Он спросонья подумал, что с ним мать играет, начал извиваться, пытался обхватить её лапками за морду. И скоро понял: нет, матери его не до игры. Перехватив малыша зубами за шею, она стала медленно уходить от норы, ещё не решив, куда, в какую сторону надо двигаться, чтобы не встретиться с бедой.

В той стороне, куда шёл Волк, лаяла собака. Волчица стала уходить от лая в противоположную сторону. Поднялась на берег буерака и чуть не столкнулась с людьми. Они шли навстречу ей с обеих сторон. Она нырнула под густые, шатром нависшие над землёй ветви молодой липы. Подошла к стволу старой липы и медленно встала на задние лапы, передними поднимаясь вверх по стволу и к стволу же прижимая примолкнувшего Волчонка. Она слилась со стволом, пропуская людей мимо себя. Сердце её не колотилось, а медленно, размеренно постукивало. Задние ноги устали от непривычной стойки, но были готовы в любой момент спружинить и вынести её из-под липы, спастись от беды.

И люди, остро и по-особому пахнущие своей плотью и тем железом, которое несли в руках, прошли мимо.

Волчица опустила на землю Волчонка, отдышалась, вновь взяла его зубами за шею, подняла с земли и вынырнула из-под ветвей липы.

Она пошла по большому кругу к тому месту, куда ушёл Волк. Ей казалось, что беда миновала, что вот-вот Волк увидит её, и они

уйдут полем в запасную нору, которая была ими вырыта на бугре, вокруг которого лежало топкое, кочкастое болото. И там они будут в безопасности, так как от норы во все стороны было далеко видно, подкрасться к ним незамеченными не могли ни человек, ни собака, никакой другой зверь.

Им надо было бы и жить в той норе, что на бугре посреди болота, но она опасалась за здоровье Волчонка, так как от болота всегда тянуло холодом и сыростью. Только поэтому жили они в сухой и тёмной норе в буераке...

Дойдя до берёз, где они зимними ночами проводили любовные забавы, Волчица остановилась. Это было их условленное место: если случаем придётся расстаться, то встречаться под берёзами. Ей казалось, что вот-вот Волк подойдёт сюда, в условленное место. Но его всё не было. Ветерок донёс до неё запах крови. И она пошла на этот запах. И вскоре остановилась поражённая: на поляне лежал её Волк. Лежал он на боку, передние ноги полусогнуты, будто он бежал. А в груди зияла рана, из которой вылилась кровь и уже запеклась.

Подойдя к Волку, она увидела его полуоткрытые глаза, оскаленные зубы. Лизнула его в нос. Ещё раз лизнула. Волк не ответил ей тем же. Она поняла – его уже больше нет и никогда не будет. Присев на задние лапы, подняв вверх нос, она тихонько завывала. Вернее, не она сама, а все её предки и потомки заголосили в ней.

Неподалёку хрустнула ветка. Волчица напряглась, схватила зубами за шею Волчонка и рванулась в сторону. И поняла – поздно. Её окружали люди. Нет, с волчком в зубах ей не уйти. А отдать его... Это было выше её сил. И зубы её сжались. Под ними хрустнули ещё мягкие кости Волчонка. Он слабо визгнул и тут же отяжелел, обвис безжизненно. И в ней всё застонало, заплакало, завывало: ей не дано было прерывать связь поколений, связь прошлого с будущим, а она сделала это, она прервала

вековечную связь...

Бросив уже мёртвого детёныша, она рванулась вперёд. Выстрел откинул её в сторону. Но кости не были задеты, её тело было всё таким же упругим и стремительным. Она рванулась прямо на человека, остановив взгляд на его пальце. И только по своей звериной интуиции смогла на мгновение опередить новый выстрел, бросить тело в сторону.

И снова смерть пролетела мимо, выстрел её не задел. Что-то необъяснимое или кто-то необъяснимый подал ей знак: «У тебя будет Волк, у тебя будут Волчата...»

В последнем прыжке она бросила себя на человека, направив челюсть на его горло. Удар по голове опередил её зубы. Кровь залила глаза. Чья кровь: её или человека? Или и её, и его?..

Она теряла сознание, а что-то необъяснимое или кто-то необъяснимый кричал в ней: «У тебя будет Волк, у тебя будут дети...»

Ей не было дано прерывать связь прошлого с будущим...

Дух всевидящ и вездесущ. Он присутствует во всём и каждом. Но поступает каждый по своей сути...

Данный номер журнала — дань уважения людям внёсшим неоценимый вклад в русскую литературу. 23 ноября исполнилось бы 84 года со дня рождения писательницы, являющейся душой журнала «Александръ». Редакция свято чтит память о Ларисе Васильевой и представляет читателям неопубликованное с Ларисой Николаевной, взятое во время совместной поездки в Екатеринбург. Светлая память Ларисе Николевне!

ВСТРЕЧИ С ЛАРИСОЙ ВАСИЛЬЕВОЙ В БИБЛИОТЕЧНОМ ЦЕНТРЕ «ЕКАТЕРИНБУРГ»

В библиотечном центре «Екатеринбург» состоялась встреча с известной писательницей, поэтессой Ларисой Васильевой, дочерью конструктора танка Т-34 Н. А. Кучеренко, автором таких бестселлеров, как «Кремлёвские жёны», «Дети Кремля», «Жёны русской короны», «Жена и муза. Тайна Александра Пушкина». Она приехала в наш город ночью. Город в лучах прожекторов показался ей очень красивым. А утром было морозно. Но ей было не страшно, а даже привычно. Ведь в годы войны она была в эвакуации в Нижнем Тагиле. Сама об этом говорила так: «Заснеженный посёлок у подножья уральского завода. Тёмным коридором стоят на снегу люди. Из ворот завода выходят первые танки Т-34». И потом ей всё время снилось это детство на Урале: «Наспех застегнув шубу и замотавшись в платок, выбегаю. Мороз в лицо. Уральская зима... Я огибаю дом, перебегаю через дорогу и... ныряю в... снежное поле...»

«ОКАЗЫВАЕТСЯ, Я ИНДИГО...»

Тогда же началась и её творческая деятельность. Стихи начала писать рано. Мать пригласила даже доктора – соседку, тоже эвакуированную, – чтобы проверить, всё ли у неё в порядке с психикой. «Девочка в порядке, – сказала та, – просто она рано развивается». «Оказывается, – говорила Лариса Васильева, – я была индиго, но тогда мы такого слова не знали».

КАК ОНА НЕ СТАЛА АКТРИСОЙ

Летом 1953 года, когда она окончила школу, решила пойти в артистки, поступить в ГИТИС. Что тут началось!.. Начался большой совет. Вера Марецкая – большой друг семьи – в отъезде. Мама её советуется с Пляттом. Он неуверенно одобряет: «Хорошая будет характерная актриса». Завадский морщится: «Ничего в ней не вижу. Толстуха. В очках». Приезжает

Вера Петровна. Узнав о её намерениях, сразу же зовёт к себе. Убеждает: «Тебе придётся всю жизнь говорить чужие слова. У тебя есть свои – ты стихи пишешь». На что Лариса резонно отвечает: «А как же вы?» – «Думаешь, мне не хотелось переписать Гольдони, Чехова? Часто я по-своему видела своих героинь. Бывали случаи, одной интонацией я меняла образы, мужчинами созданные». Посоветовали ей поступить в МГУ на филологический. Учиться там было интересно. Там был Либан, Николай Иванович. Он умел открывать миры. Он научил всех писать диссертации. «Пользуясь его методом, – вспоминала писательница, – я могла написать диссертацию на любую гуманитарную тему». Но ей это стало уже не интересно. И она решила посвятить себя литературе.

ВИКТОР БОКОВ ПРЕДВОСХИЩАЕТ ЕЁ СУДЬБУ

Она начала печататься с 1957 года, ещё до того как встретила с Виктором Боковым. Он увидел её в метро. Она поднималась наверх, он спускался вниз. Впился в неё глазами и спросил: «Пишешь стихи?» – «Да», – ответила она. «Приходи сегодня на поэтический вечер». И дал адрес. Она пришла с опозданием и написала ему записку: «Вы меня приглашали». Он спустился в зал, поднял её на сцену. Там уже было 30 молодых поэтов. После чтения всех стихов он сказал: «Никто из вас не останется в поэзии. Только она». И показал на Ларису. И действительно, она никого из них больше не встречала в литературном мире.

ИСТОРИСТИКА ЛАРИСЫ ВАСИЛЬЕВОЙ

В 1983 году в результате долгих поисков и многочисленных встреч с ветеранами – танкостроителями и танкистами – был опубликован её роман-воспоминание «Книга об отце». Роман вызвал большой интерес среди людей, причастных к созданию танка Т-34. Лариса Николаевна получила много откликов и писем с воспоминаниями, фотографиями и документами. Директор государственного музея-запо-

ведника А. С. Пушкина «Михайловское» Семён Гейченко посоветовал ей организовать музей. И в 2001 году музейно-мемориальный комплекс «История танка Т-34», единственный в мире, был открыт. Сегодня он получил мировую известность. Но память, связанная с войной, эвакуацией на Урал, продолжала жить.

И вот она снова на Урале – на встрече с читателями всё в том же библиотечном центре «Екатеринбург». Успешно сложилась за это время её творческая биография. Она автор почти 50 книг: увлекательных романов, повестей, рассказов, эссе, стихов, публицистики. Особый интерес вызывает её мемуарная литература. Например, «Кремлёвские жёны» были изданы в 80 странах мира. Свои исторические вещи она называет истористикой. Именно так она ответила на вопрос одного из читателей: «Какие исторические вещи сегодня вы посоветуете читать?» Ответ был лаконичным и неожиданным: «Я не историк. Ряд книг у меня имеют своё название, не истории, а истористики, я его сама изобрела. Ничего достоверного в истории нет, всё недоговорено, всё приблизительно, можно посмотреть с другой стороны».

ОН ГЛУХОЙ, НО НЕ НЕМОЙ

Например, её очень интересовал император Александр I. О нём написано немало книг. Почему? Она задумалась над его жизнью и поняла, что в детстве у него случилась беда. Он стоял рядом с пушкой, из которой стрелял его отец Павел, и у него от выстрела лопнула барабанная перепонка. Васильева предположила, что Александр I был глухой и с возрастом глухота увеличивалась. Глухой император не император. Он должен был общаться. Но всё устроили его мать и жена. Они обставляли так ситуацию, что ему не надо было спрашивать и отвечать. Ему важно было улыбаться и говорить ничего не значащие слова. Он был глухой, но не немой. Так она написала книгу «Исчезновение императора». Она имела большой успех, вышла на разных языках. Потом такой же успех имела книга «Кремлёвские жёны». Книга переведена на разные языки и продавалась в разных стра-

нах. Почему такой успех? Как говорит сама писательница, она впервые приоткрыла занавес над запретной темой. В разных странах стали появляться книги о жёнах королей, кайзеров. Ещё одна книга имела большой успех – это «Альбион и тайна времени». Она написана об англичанах. Лариса Васильева жила в Англии с 1973 по 1978 год. По просьбе читателей она вспомнила некоторые эпизоды из её жизни там.

ПОЛ МАККАРТНИ

В Лондоне по утрам она бегала в парке. Рядом бегал какой-то паренёк в белых трусах. Она его не знала. Он здоровался, улыбался. Но эта улыбка – знак вежливости. С собой она брала маленький термос и время от времени садилась пить чай. «А можно мне чай с вами попить?» – услышала она как-то. И начали они вместе пить чай. Бывало, что он ждал её прихода, в другой раз – она. В Лондоне она любила приглашать к себе гостей. Народу приходило много. И вот как-то она говорит мужу: «Можно мне пригласить паренька, с которым я бегаю по утрам?» Муж согласился. И вот она, как всегда, собрала много людей и пригласила и этого паренька. Он пришёл. И она его послала в большую комнату, где

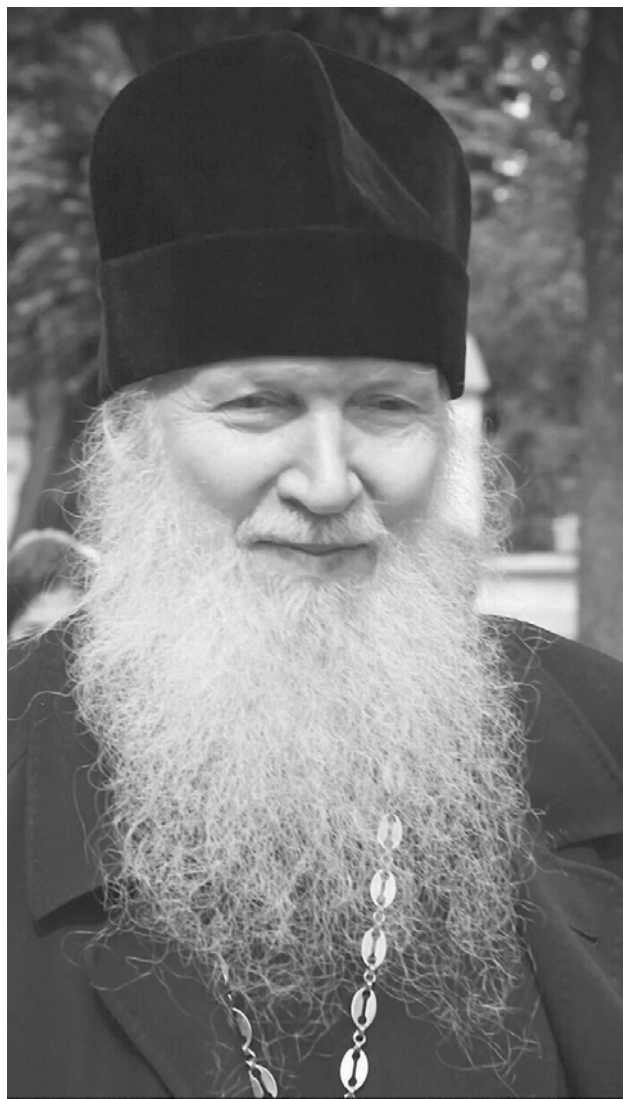
уже все собрались. Вдруг она услышала крик, а затем громкие аплодисменты. Оказывается, это был Пол Маккартни. Ну, и конечно, встреча с гостями вылилась в торжество певца. Потом, уже в Москве, она с ним разговаривала по телефону, и он первым делом спросил: «Ты бегаешь?»

ОНИ СИДЯТ С ВАШИМИ КНИГАМИ В ИНТЕРНЕТЕ

Встреча с Ларисой Васильевой закончилась вполне в духе писательницы. Критики и читатели отмечают парадоксальность её мышления. И вот одна из читательниц, поблагодарив её за интересную встречу, которая дала им почувствовать уверенность, стабильность, ощутить неразрывную связь времён через её рассказы о прошлом, литературном процессе сегодняшнего дня, сказала в конце: «Как я завидую молодым людям, которых у нас сегодня много на встрече, что их ожидает настоящее наслаждение, счастье, когда они откроют книги Ларисы Васильевой и познакомятся с её творчеством». На что писательница ответила: «Но ведь они сидят все в Интернете!» – «Да, – ответила благодарная читательница, – но они сидят с вашими книгами».

Валентина ЧЕРЕМИСИНА

БАТЮШКА, БЛАГОСЛОВИ!

28 января 2019 года упокоилась душа великого духовника России, иеромонаха Павла (Лысака). В православии бывают разные духовники или старцы. Одни из них известны. Другие скрываются от людской славы. И тот и другой путь имеют право на существование. Но известно одно: без скорби и страданий за Веру и людей быть истинным духовником невозможно! Отец Павел был и останется в памяти его чад как пример искренней, глубочайшей веры.

товился к беседе, подбирал вопросы, волнующие меня. Отец Павел же всегда с улыбкой расспрашивал о семье и родных. Удивительная особенность – имея такое количество духовных чад, он помнил их всех.

Любое дело начинается с благословения, и если уж получал благословение от о. Павла, то, казалось бы, самое неразрешимое дело удавалось и приводило к положительному результату.

Если же говорить о духовных дарованиях человека, оставившего неизгладимый след в сердцах тысяч людей, которые с ним соприкасались, то не будет большим дерзновением сказать словами горячо любимого батюшкой святого апостола Павла, чьё имя он носил. Лучшей характеристикой его пастырского служения были бы слова святого апостола Павла из Послания к коринфянам: «Я был всем для всех, чтобы спасти хотя бы некоторых. Это делаю я для Евангелия, чтобы стать соучастником его». Во Втором послании к коринфянам тот же великий апостол говорит: «Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы и я не воспламенялся?» Пожалуй, очень точная характеристика пастырского служения.

С большой благодарностью вспоминаю священников, познакомивших меня около десяти лет назад с батюшкой Павлом, – иерея Иоанна (Честных) и архимандрита Диодора. Скорблю о том, что мало времени отпустил Господь для общения с этим старцем. Но когда батюшка находил время и позволяло ему здоровье – это было настоящим праздником.

Отец Павел у меня чётко ассоциируется с посещением Троице-Сергиевой лавры. По пути в обитель, заранее спросив разрешения, обязательно приезжал на квартиру к батюшке, как правило, в три часа ночи. Батюшка Павел, всегда бодрый, в это время молился, что для меня, человека мирского, было удивительно. Каждая встреча была событием. Заранее го-

Родился батюшка Павел на Украине, в Винницкой области, в селе Счастливое, 5 июня 1941 года в многодетной благочестивой крестьянской семье тринадцатым ребёнком, получив при рождении имя Пётр. Начиная с рождения и заканчивая последними днями жизни суждено было этому человеку преодолевать трудности и проходить проверку на преданность Богу вместе с русским многострадальным народом. И очень тяжёлые военные и послевоенные годы пришлось ему пережить. Война, голод, лишения. С самого детства его мама (родителей звали Владимир и Анна) научила его молиться и возлагала надежды, что он будет действительно молитвенником за всю семью. Так он и стал её опорой, не гнушался никакой работы. Пережив в детстве очень непростые испытания, Пётр стал тем избранником Божиим, каким мы его знаем, помним и каким с благодарностью храним в памяти и в наших сердцах.

В итоге школу он окончил в 1958 году с отличием. Имел возможность поступить в любой институт, но не был комсомольцем, что и стало причиной того, что вначале не выдали золотую медаль, а после не приняли документы в институт.

С 1961 по 1964 год служил в Советской армии. За время службы показал себя с самой хорошей стороны, всегда был первым: быстрее всех бегал, выше всех прыгал, по всем показателям воинской службы был образцовым и за время службы заслужил 47 благодарностей. При этом не переставал молиться и ни разу не нарушил поста. Терпеливо переносил насмешки над своей верой, потому что вера была глубоко в его сердце.

Однажды Петра специально не отпустили в увольнение на Пасху, тогда он самовольно ушёл в церковь, за что был посажен на гауптвахту. В последующем его увольнение из армии преднамеренно задерживали, чтобы было упущено время для поступления в семинарию. Это не сломило сильного духом Петра, и он объявил голодовку, беспрецедентный шаг в то время. Этот поступок переполюсовал всю дивизию, на разговор с рядовым приезжал даже командующий, уговаривая прекратить голодовку. При-

шлось же ему самому пойти на уступки перед молодым бойцом.

Армия всё же помогла Петру в дальнейшем. Кроме закалки характера, приобретённая за время службы специальность электрогазосварщика помогала прокормить себя и семью. Почти три года после демобилизации он работал на Винницком хлебокомбинате по этой специальности.

И только после этих испытаний в 1967 году поступил в Одесскую духовную семинарию, где сразу подал прошение и был принят в братию Свято-Успенского Одесского мужского монастыря. В этой обители и нёс он своё послушание – до начала занятий должен был подмести весь монастырский двор, поэтому приступал к работе в 5 утра. После занятий трудился в саду, после на кухне, а вечером пел на клиросе. Самой собой, необходимо было готовиться к занятиям, сдавать экзамены и читать домашнее правило.

«Я монах. Когда меня постригали, мне дали чётки и сказали: молись. Это работа монаха. Почему здесь говорят, что монах не работает? У нас 19 монастырей, в них живут монахи и официально заняты работой – молитвой за весь мир...»

Из речи о. Павла на суде

Ещё через три года, 29 марта 1970 года, высокопреосвященнейшим Сергием, архиепископом Одесским и Херсонским, был пострижен в монашество с именем Павел в честь святого первоверховного апостола и со временем рукоположён в сан дьякона.

В том же 1970 году о. Павел с отличием окончил Одесскую семинарию, а уже 7 апреля, в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, рукоположён в сан иеродиакона.

Не откладывая, о. Павел поступил в Московскую духовную академию, которая находится на территории горячо им любимой Лавры преподобного Сергия.

Через год, 2 мая 1971 года, владыкой ректором, преосвященнейшим епископом Филаретом, о. Павел был рукоположён в сан иеромонаха. С великим благоговением батюшка Павел

относился к лавре – Дому Святой Троицы. Именно с этого момента, с момента рукоположения, и открылись изобильно те благодатные дары, которыми его Господь наделил. С того момента, как он начал нести послушание духовника.

Пастырский крест по определению не может быть лёгким. Люди, которые недавно пришли к вере (может быть, 15–20 лет назад), даже не представляют, что такое быть глубоко верующим человеком в то время, а тем более пастырем и монахом. Действительно, во всей полноте можно было ощутить справедливость слов святого апостола Павла, что всякий, только даже желающий жить благочестиво во Христе Иисусе, будет гоним. Вот люди старшего поколения помнят, что в советское время даже покрестить ребёнка нужно было тайно, порой ездили в другую область, венчаться тайно приходилось. А представьте себе человека, который поставлен служить Богу и людям и уклониться от своего пастырского служения уже никак не может.

В лавру потянулись люди. Наиболее известные духовники той эпохи: схиигумен Савва (Остапенко), архимандрит Тихон (Агриков), архимандрит Адриан (тоже недавно почивший, он своё служение совершал в Псково-Печерском монастыре) и многие другие. Верующее человеческое сердце потянулось к таким духовникам. Если выстраивалась очередь к пастырю, который не отказывал в совете, молился с болью и любовью за других, то в советские годы были сочтены дни пребывания такого ревностного пастыря во многих обителях. Этот крест пастырского служения самоотверженно понёс и отец Павел.

У него был удивительный дар от Бога, о котором нельзя не сказать, – исправлять человека примером своей жизни. То есть это минимум слов. Все, кто имел возможность с ним общаться и хотя бы один раз в жизни ему исповедоваться, обращали внимание, что даже одной встречи с ним было достаточно, чтобы жизнь человека поменялась навсегда.

В одну из поездок в Троице-Сергиеву лавру со мной поехал мой отец, Сергей Анатольевич, пообщался с о. Павлом и получил от него в подарок молитвослов с иконой Божией Матери «Утоли моя печали»: батюшка всегда дарил

книги. Он не знал, что отец рождён 25 января, в день чествования этой иконы. А позже он стал помогать в храме Сергия Радонежского и со временем читать «Апостола».

Даже одна встреча, одна беседа, его лучезарная, жизнеутверждающая улыбка, его широкое благословение, ободряющие слова – и после этого у тебя появлялась внутренняя сильная мотивация исправлять свою жизнь. Это удивительно на самом деле. Сейчас мы видим изобилие негативных примеров в мире, окружающем нас, много примеров грехопадений, пороков, нарушения христианской нравственности.

Отец Павел был одним из смотрителей патриаршей резиденции. Он рассказывал, как на приёмах с иностранными гостями наливал патриарху Пимену воду вместо водки.

Но в 1975 году о. Павел был удалён из горячо любимой им лавры. Эта несправедливость произошла под сильным давлением властей. Не угодил ревнитель веры своей активностью, общительностью с народом, твёрдостью. Он поднял волну против негативных явлений в духовной среде. Затронул самую болезненную тему. Также под давлением властей попал под прещения.

Иеромонаха Павла под конвоем милиции привели в отдел внутренних дел города Загорска, поставили в паспорте штамп о выписке и выдали подписку о выезде за пределы Московской области в течение 72 часов. Таким образом, лицо в священном сане, человека с высшим богословским образованием, мгновенно превратили в бродягу и бездельника «без определённого места жительства и рода занятий». К тому же подписка о выезде сделала его без пяти минут уголовником.

Только помощь близких людей помогла о. Павлу избежать уголовной ответственности. Оформили прописку в городе Кимры (Калининская область), что помогло избежать статуса бродяги, и он перестал попадать под «нарушение паспортных правил».

В это время о. Павел официально нигде не служил, жил на квартире у своих духовных чад, один в маленькой комнатке. Сам себе готовил. Никогда не обращался к врачам, лечился травами. Читал псалтырь, акафисты, принимал

народ. Утром и вечером ходил в разные московские храмы, днём к нему шёл поток людей. Появлялся на престольных праздниках, в Елоховском соборе на патриарших службах. Ходил в гражданской одежде с длиннющей бородой. В храме подрясник, закатанный под плащ, раскрывал.

Познания о. Павла в медицине вызывали удивление и восхищение. Казалось, что он знал все болезни, без труда их диагностировал и предлагал способы лечения, простые и надёжные. И люди действительно получали исцеление. Очень жалею сейчас, что не записывал за батюшкой способы лечения, а говорили о них очень часто.

На квартире проходили исповеди, было много молодёжи, интеллигенции. Были беседы, трапезы для всех пришедших. Вокруг него собралась огромная, в несколько сот человек, паства. Он никогда не раздражался, всегда относился ко всему с улыбкой, с юмором. Откликался на все просьбы, совершал требы, освящения, соборования. Был совершенно бескорыстен. Притягивал к себе людей.

Всепобеждающая сила доброго примера! Достаточно только видеть – и ты уже получаешь назидание, пищу для ума и внутренние силы для того, чтобы жить праведной жизнью. Отец Павел как раз обладал таким даром: одной только встречи с ним было достаточно, и люди, которые доселе могли вести светскую жизнь, далёкую от Церкви (ни Евангелие не читали, ни святых отцов, в храм не ходили, ни разу не исповедовались), начинали в корне менять свою жизнь.

Наивно было бы полагать, что такая подвижническая деятельность в 70–80-е годы могла остаться без внимания властей и КГБ, разумеется, сам о. Павел лучше других понимал, что вероятность его ареста и изоляции увеличивалась пропорционально числу его встреч с верующими, а люди ехали за советом к этому человеку за сотни и тысячи километров.

Не было ни одного раза, чтобы отец Павел на повышенных тонах с кем-то говорил или с раздражением, пристрастием за что-то ругал. Бесед в форме осуждения кого бы то ни было никогда не было. Более того, несмотря на то,

что он нёс очень тяжёлый пастырский духовнический крест, никто ни разу не слышал – и это могут засвидетельствовать множество духовных чад, которые у него окормлялись, – слов, что он устал, что больше нет сил, что он не может тебя выслушать, принять. Как бы ни было ему тяжело, никогда ни одного слова ропота. Он мог быть уставшим, но никогда не видели его раздражённым или озлобленным. Именно этот благодатный мир, как один из даров Духа Святого, как один из плодов правильной духовности, постоянно обитал в его сердце.

Всё это приводило в бешенство представителей органов. С помощью студентов-комсомольцев было проведено несколько мелких, типично «молодёжных» вылазок. В московской квартире, где о. Павел отдыхал, дважды были выбиты стёкла. Квартира располагалась на первом этаже, и под окном было подложено и взорвано устройство. Поставленные хулиганские пикеты несколько раз цепляли о. Павла с целью вынудить его к обращению в милицию, где можно было бы в очередной раз отобрать прописку.

Но все ухищрения секретных сотрудников разбивались о невозмутимое спокойствие и тихую стойкость о. Павла. Тогда в начале Великого Поста 1984 года, поздно вечером 9 марта, дождавшись в засаде прихода верующих в квартиру, где находился о. Павел, туда обманом вломилась группа молодых людей. Они быстро разбежались по всем углам крохотной двухкомнатной квартиры. Лазили в шкафы, хватали разные вещи, книги, листки. Санкции на обыск не было. После этого батюшка был доставлен в отдел милиции, где у него отобрали прописку и заставили подписать протокол о незаконном пребывании в столице.

Последующие несколько месяцев ушли на проверку, допросы задержанных вместе с о. Павлом людей. К чести этих людей следует отметить, что ни один из них, несмотря на запугивания и угрозы, не дал показания против своего пастыря.

Спустя полгода, 4 августа, о. Павла задержали во второй раз. На этот раз пришли с документами на обыск. Обшарили все шкафы. Уловом «доблестных» чекистов стало несколько

экземпляров Нового Завета, два молитвослова и пластинка «Пасха Христова». Зато были составлены документы о нарушении о. Павлом паспортного режима.

Этого оказалось достаточно, чтобы 4 декабря в суде был вынесен обвинительный приговор.

«...Меня выгнали на улицу, а потом обманом посадили в тюрьму. За что? Я, священник, сплю на полу между двумя убийцами... Думаю, в аду не хуже, чем где я нахожусь... Сплошной мат день и ночь... Почти ничего не ем: кусок хлеба, иногда кашу. Остальное всё мясное, а я монах... Кому я сделал зло?»

Из речи о. Павла на суде

Мат о. Павел не переносил ни в каком виде. Запомнились наставления, которые говорил он моим детям, о чистоте русского языка. Человек крайне образованный и набожный, что мог чувствовать он среди разлагающей атмосферы тюрьмы? Страшно подумать.

Отца Павла приговорили к 10 месяцам лагерей общего режима за «нарушение правил паспортной системы» (проживание в Москве без прописки).

«Судите меня не вы. За вами стоит более серьёзная организация – КГБ. Она и судит меня. За что? За то, что я каждой клеточкой своего существа предан Богу. За то, что я был нужен людям, а они шли ко мне за советом...»

Из речи о. Павла на суде

10 месяцев исправительно-трудовых лагерей. Срок, казалось бы, небольшой, но необходимо помнить невесёлую поговорку – когда на человека ничего нет, берут самого человека. Жизненный опыт показывает, что из осуждённых по убеждениям, как правило по подложным уголовным статьям, редко кого выпускают на свободу по отбытии срока, разве тех, кого удаётся купить, утратить или сломать. А для тех, кого приручить не удаётся, есть испытанное средство – убраться или давить руками уголовников.

Бумага не может охватить всего подвига отца Павла. Трудно в наше благополучное с точки зрения веротерпимости время понять твёрдость, необходимую, чтобы принимать муки за Христа. Не подобрать слов, чтобы описать подробности того, как батюшка был избиваем уголовниками до крови в камерах Бутырки.

Отца Павла взяли, чтобы попытаться сделать послушным, как все. Но не зря в этом незаурядном человеке, получившем от родителей имя Пётр, что значит «камень», был заложен железный стержень веры. В отличие от многих он не променял православную веру на блага безбожного режима.

11 января 1985 года Московский городской суд утвердил незаконный приговор. В тот же день о. Павел был этапирован в пересыльную тюрьму на Пресне.

Заключение закончилось, но мытарства батюшки только начинались. Отец Павел всегда и всюду, во всех обстоятельствах и со всеми людьми был прост и открыт: таков, каков есть. Это в нашей жизни кажется вызывающим и дерзким. Неспособные поверить в искренность чувств люди, в том числе и церковные архиереи, принимали его прямооту за особую, непонятную им хитрость.

А он был прост и не понимал, зачем люди усложняют себе жизнь запутанными взаимоотношениями, а сам принимал слова и обещания церковных властей за чистую монету. Люди, которым он доверял, постарались удалить его от веры, церкви, верующих.

Итогом этого стало долголетнее хождение по бюрократическому кругу, невозможность узаконить своё положение ни в светской, ни в церковной жизни.

Видя, что бюрократические меры не помогают, против о. Павла применили проверенное средство – клевету. Трагизм времени и людской сущности заключается в том, что это делали те люди, которые должны были ему помочь.

Сам батюшка Павел от ответственности не уклонялся и пастырскому долгу не изменял, решительно не пожелав добровольно расстаться с паствой, покинуть её. И это тоже преподносилось как беспримерный фанатизм

и упрямство теми, кто готов был на любое соглашательство с властями и карательными органами, гонителями православия. А батюшка всего лишь учил ограждать душу от лжи и прочих тлетворных влияний и хранить бескомпромиссную ревность об истине, сам являя пример самоотверженного и безбоязненного следования православной вере в её апостольской святоотеческой чистоте.

В Троице-Сергиевой лавре всегда помнили и любили изгнанного брата, хотя некоторым и непонятна его неуступчивость, которую им преподносили как упрямство, сводя его веру к духовному изъяду – непослушанию. Но никто из знавших о Павла не назовёт монаха послушнее его. Он учил духовных чад, поступавших в монастырь, делать всё, что ни скажут, не рассуждая, и приводил пример из Патерика:

«Заставят сажать дерево корнями вверх – сажайте! Но только в монастыре. Здесь всё просто. Здесь все хотят спастись, и здесь всё – для того чтобы спастись. Поэтому забудь о своей воле, о своём уме».

Но ему приказали выселяться; не потому, что нашли иное послушание вне монастыря, а потому, что «власти отказали в прописке».

Его обвинили даже в лени: не служит, мол, потому что ленится. Подвергались издевательствам его строгость в посте и исполнении молитвенного правила, жёсткие требования, предъявляемые им к нравственному облику христианина.

Он понимал время получше других. Он жил на стогнах, к нему не стеснялись подойти и те, кто никогда не приблизился бы к блистающим ризам церковнослужителей. Отец Павел всегда был довольно заметен в толпе молящихся. К нему подходили, он благословлял, в том числе и на улице, и в метро. В метро едет, кто-то начинает смотреть на его бороду, посмеиваться. Он откроет молитвослов, отвернётся в сторону, читает, опустив глаза.

Наставления отца Павла были очень немногословные. Он никогда много не говорил, всегда кратко, по существу. Хотя его речь была достаточно простой по содержанию, без каких-то ораторских приёмов, его слова обладали такой внутренней жизнеутверждающей силой, были

наполнены такой любовью и заботой о человеке, с которым он говорил, что забыть это было невозможно. И хотелось ещё и ещё раз с ним встретиться. Поэтому люди потянулись к нему с самого начала его пастырского служения, открывали ему своё сердце, могли поведать обо всех своих невзгодах, скорбях (чаще всего к священнику вообще приходят не для того, чтобы радостью поделиться, а со своими скорбями, искушениями). И почувствовали силу его молитв.

Батюшка Павел всегда был аскетом, спал на жёсткой кровати, регулярно вычитывал правило. Скончался от сердечного приступа на семьдесят восьмом году жизни. Причастился в этот день. Последний сигнал от него был в половине девятого вечера, а в девять он уже не отвечал. Тут же к нему приехали несколько человек и увидели, что он сидит в кресле, склонил голову, руки сложены крестообразно с троеперстным крестным знамением. Вид его был тёплый и просветлённый.

Отпевание о. Павла проходило 31 января 2019 года в храме Петра и Павла на Басманной улице. Храм был построен по чертежам Петра I в первой четверти XVIII века в виде корабля. Звонница была пристроена позднее, в середине XVIII века. Этот храм был известен в двадцатые годы как один из центров обновленческого раскола, при нём была академия обновленцев. Первым настоятелем был протоиерей Стефан Жила с Украины, он положил начало возрождению храма. Убранство храма – то, что вскрыли – в живописном стиле, но новое – иконостас, иконы – уже в строгом каноническом. На престоле мощевик, там две небольшие частицы апостолов Петра и Павла.

Храм был битком заполнен народом. Литургию возглавлял архимандрит Диодор из Троице-Сергиевой лавры. Настоятель храма тоже его духовное чадо. Почивший оставил очень глубокий след в духовной жизни России. Целая плеяда духовных мужей ушла: лаврские старцы Кирилл и Наум, даниловский духовник схиигумен Рафаил и др. Отца Павла хоронили под день памяти св. Марка Эфесского, это тоже о многом говорит.

Царствие ему Небесное!

Анатолий ТРУБА

КОГО ПОТЕРЯЛА РОССИЯ

Дмитрий Сергеевич Лихачёв окончил свой земной путь 30 сентября 1999 года. «С ним ушла целая эпоха», – сказал Сергей Аверинцев. Да, он наиболее ярко отразил время – в числе немногих деятелей XX века, таких как Леонид Леонов, Андрей Сахаров, Юлий Харитон, Александр Солженицын...

Конечно, для специалистов Лихачёв, прежде всего, символизировал древнерусскую литературу. Он так глубоко копнул, что, кажется, глубже и нельзя. Его многочисленные труды и обычного читателя вводят в контекст не только русской, но и мировой культуры; каждое литературное явление он рассматривал на широком культурологическом фоне, и, может, потому и засверкала всеми красками забытая древнерусская литература, стала фактом живым и постоянно обновляющимся.

...В горах Гарца мне посчастливилось заглядывать в самый глубокий колодец Европы. Его копали в горной скале сначала немецкий рыцарь, построивший замок, потом, по его завещанию, сын его. Копали с постоянством и немецкой педантичностью сорок лет. В наше время только чистили его 20 лет... Голова кружится, когда заглядываешь в глубину, удивляешься и делу рук человеческих, и тому, что в ясный день на вас смотрят звёзды... Работы Лихачёва вот такой же глубины. Он и времени на них затратил почти в два раза больше, нежели вместе немецкие отец и сын. Из глубин его работ смотрят сонмы подвижников церкви,

святых, русских летописцев, открываются тайны забытых жанров, стилей.

Он обладал огромными познаниями, феноменальной трудоспособностью и обширной памятью. Свидетельство этого – и его книги, и выступления на научных симпозиумах различного ранга. Он самый популярный учёный в наше время. Его труды по филологии цитируют не только учёные-медиевисты, но и богословы, лингвисты, историки и теоретики литературы, искусствоведы, культурологи; одним словом, Лихачёв – это огромное явление нашей культуры.

Хочу поделиться воспоминаниями от встреч с этим выдающимся человеком. Первая встреча состоялась в мае 1970 года. Аспирантом, будучи в научной командировке в Ленинграде и сомневаясь в значимости найденных мною литературных памятников демократического характера, относящихся к Смутному времени, решил я проконсультироваться у самого большого знатока древности. И пришёл в Пушкинский дом Академии наук на заседание Отдела древнерусской литературы. Д. С. Лихачёв вёл заседание.

С интересом прослушав доклады аспирантов и молодых исследователей о литературе XIV–XV веков, я по окончании заседания подошёл к столу Дмитрия Сергеевича. А его уже окружили десятки жаждущих пообщаться. Он без спешки и суеты отвечал на вопросы каждого, внимательно выслушивал и успевал, опережая, поблагодарить за вопрос, что меня тогда особенно удивило, надо же... Я представился, сказал, над чем работаю, задал свой вопрос и, к моему великому удивлению, услышал: «Это те повести, о которых академик М. Н. Тихомиров писал? Правильно, что вы взялись за них; у нас всё руки до них не доходили. Очень нужная тема... Поезжайте в Псков, в книгохранилище к Творогову...»

Меня поразило, что даже о таких, казалось бы, малозначащих псковских повестях Лихачёв

помнил... В монбланах рукописей, которые он переворошил за свою жизнь, быстро откопал в своей памяти и эти. Его одобрения хватило на то, чтобы я утвердился в мысли о необходимости работы над ними, которой, как потом оказалось, хватило на диссертацию.

Второй раз я встречался с Д. С. Лихачёвым в 1975 году. В Ленинградском университете он открывал научную конференцию, посвящённую 175-летию первого издания «Слова о полку Игореве»... Присутствие и выступление академика придавали необыкновенную торжественность и приподнятость, дух древности царил в актовом зале, где не было ни одного свободного места.

С того-то, кстати, времени и решил я заняться «Словом о полку Игореве». Повлиял, конечно, Д. С. Лихачёв.

Третий раз я встречался с Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым в сентябре 1980 года в Туле, на торжествах, посвящённых 600-летию Куликов-

ской битвы. Целую неделю жили в гостинице «Тула», посещали Куликово поле, Ясную Поляну. Дышали одним воздухом.

Доктор военно-исторических наук, генерал, выступая с докладом о Дмитрие Донском, убедительно доказывал гениальные способности стратега, сумевшего удивительно точно выбрать время, место битвы и довести её до победного конца... Но – ни слова о Сергии Радонежском.

И вот на трибуне Дмитрий Сергеевич Лихачёв. Он говорил об исихазме в русской литературе, и все представили величие игумена земли Русской Сергия Радонежского, святость князя Димитрия и его жены Евдокии, хотя они тогда ещё не были канонизированы; говорил

о Епифании Премудром и сам представлялся всем нам таким премудрым человеком.

На Куликовом поле всё было по самому высокому разряду застойных лет: и ансамбль Советской армии под управлением Александрова, и известный на всю Европу Красноярский ансамбль песни и пляски, и генералитет, и космонавты А. Николаев и В. Севастьянов, и знаменитый победитель шахматных баталий А. Карпов. Но не было чего-то главного... Не было христианского начала: ни патриарха Пимена, ни даже архиепископа – атеизм тогда был в апогее... Всё это заменял собой Д. С. Лихачёв. Он символизировал дух древности и дух православного начала.

На память о тех незабываемых днях, о магической роли личности Лихачёва у меня осталась общая фотография да том «Куликовская битва и подъём национального самосознания» с дарственной надписью: «Дорогой Василий Иванович! От души желаю Вам всего самого хорошего. Д. Лихачев. 4.IX.80».

...Он был по заслугам удостоен высшей награды России – ордена Андрея Первозванного.

Лихачёву этот орден дан заслуженно, он был рождён для него, да и сам был подобен апостолу, если не сказать пророку.

Лихачёв, вспомним, вошёл в содружество с Горбачёвым и возглавил Фонд культуры. И это имело историческое значение: с 1985 года передаются верующим Оптиная пустынь, курская коренная пустынь и ещё сотни памятников культуры... Именно Лихачёв приближал это время, именно он сыграл роль в том, что отмечали во всём мире и год «Слова о полку Игореве», и год Сергия Радонежского, и год тысячелетия принятия христианства на Руси, в том, что Андрей Рублёв и Дмитрий Донской были причислены к лику святых.

И сам он напоминает святого... Хотя и не вписывается в схему святости. Он был гражданином мира, для него все народы, все национальности, все религии близки.

Но преданность России, любимому делу останутся примером для многих поколений.

Человек родился в своё время. Испытал всё: и невзгоды ссылки, и тяготы блокады, и

всемирное признание. Как хотелось бы нам с таким человеком одолеть перевал из второго в третье тысячелетие. Всё же с опытным ведущим было бы и надёжнее, и спокойнее. Но его нет с нами.

Колодец, который он копал, не надо засыпать даже из праздного любопытства, даже цветами, даже монетами, ибо ими можно забить его.

Подойдём к этому колодцу с почтением. Перечитаем труды Д. С. Лихачёва, посмотрим кадры телеинтервью.

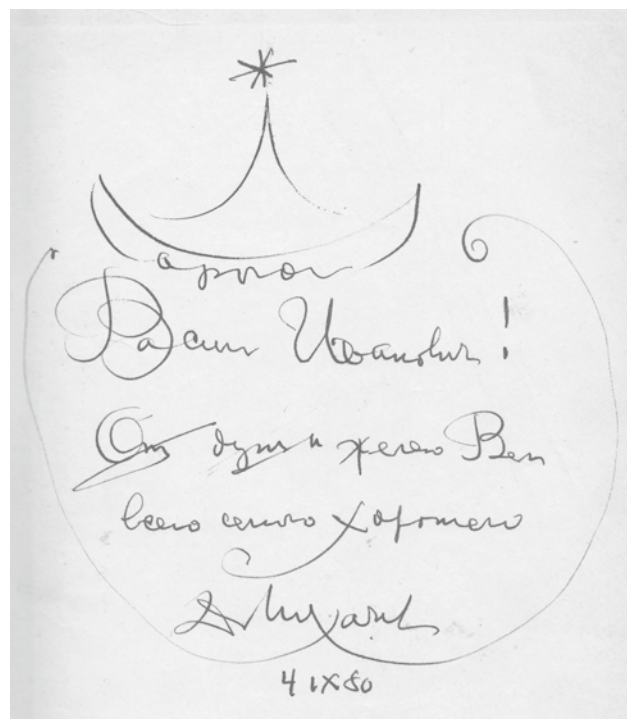
Солнце русской культуры закатилось.

Кого мы погребли, россияне, кого потеряли? Ушёл атлант, державший на своих плечах небесный свод нашей науки и культуры. Свод этот стал ниже, тяжелее.

Напряжёмся, братия, возьмём часть тяжести на свои плечи и не будем ссылаться на немочи. Будем стараться, сколько хватит сил...

Дни и труды Дмитрия Сергеевича Лихачёва, память о нём – в этом нам пример и подмога.

Василий ПОПКОВ,
заведующий кафедрой литературы
Мичуринского педагогического
института, профессор

Анатолий ЛЕБЕДЕВ

Родился 2 февраля 1951 года в городе Ржеве Тверской области.

Стихи пишет с детства. В 1962 году, в возрасте одиннадцати лет, получил золотую медаль из рук Юрия Гагарина как победитель конкурса чтецов на II Всесоюзном слёте пионеров в «Артеке».

В первые годы учёбы в УрГУ Анатолий Лебедев посещал поэтические и журналистские кружки, печатался в газетах.

К стихам вернулся спустя почти сорок лет. Печатался в ряде литературных альманахов, выпустил восемь поэтических сборников. Стихи в его исполнении можно услышать на творческих вечерах поэта в Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, Москве, Праге, Пафосе... Академик Российской академии им. Державина, член художественного совета программы «Вечерние стихи» первого созыва. Финалист литературных премий «Поэт года» и «Наследие» (2011–2017 годы). В 2017 году стал лауреатом литературной премии «Русь моя» имени Сергея Есенина.

Анатолий Лебедев ведёт большую общественную работу. Возглавляя Свердловское региональное отделение Российского союза писателей, оказывает помощь начинающим поэтам и писателям, помогает в публикации их произведений. Издал сборники стихов и прозы «Двадцать поэтов» и «Уральский край». Награждён общественным орденом святого князя Александра Невского, медалями «За трудовую доблесть», Сергея Есенина, высшей наградой РМСП «Звезда Пушкина».

ВО РЖЕВЕ И ТОРЖКЕ

Во Ржеве и Торжке, где протекают крыши
И стенам не сдержать напор эпохи злой,
Воспоминаний дом промок, и уголь вышел,
И печи холодны забвения золой.

Я дважды не войду в одну и ту же реку,
Омоют долгий век и Волга, и Тверца:
Крестильное тепло, туман ночного млека,
Они купали мать и помнили отца.

Куда всё унесло? Мне говорили – в море.
А дым из наших труб на небо улетел.
Разрушены дома, и нас разрушат вскоре.
Но память и душа превыше бранных тел.

Капризная судьба по свету помотала,
Я плакал и любил от дома вдалеке.
Но родина моя не кончилась вокзалом.
Не зарастёт родник во Ржеве и Торжке.

ЗИМНИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Зима замыкает замки
Мостов над замёрзшей рекою.
Дрожит полынья под рукою
Метели, сужая зрачки.
Зеркальную Мойку протри.
Дом мёрзнет в сырой штукатурке,
Но, словно в картофельной шкурке,
Тепло сохраняет внутри.
Там люстры во льду хрусталя,
Лепнина в огне позолоты.
Там музыка хочет кого-то
Любить в глубине февраля.
Сиятельный Санкт-Петербург
Вдоль Мойки выходит к Дворцовой,
Где цокает счастье подковой,
Столетий доносится звук.
Над площадью ангел скворцом
Летит, осеняя в полёте.
И греется кот на капоте
Машины за Зимним дворцом.

ПИТЕРСКИЙ ТУМАН

Туман на берегах Невы,
Он – утешение и благо.
Льют слёзы ветреной весны
По чёрным липам чистой влагой.

Сквозь дымку золото блестит
Особенным, осенним светом –
Исаакий потушил гранит,
Парит над парком не одетым,

Где скачет всадник молодой
К Неве узреть большую воду,
Он долго замерзал зимой
И нынче рвётся на свободу –

Туда, где крепость, сев на мель,
Взрывает в полдень дымный порох,
Где плачет над рекой апрель
И каждой жизни слышит шорох.

ПОНЕДЕЛЬНИК. ЗАКРЫТ ЭРМИТАЖ...

Понедельник. Закрыт Эрмитаж.
Рыжий мальчик гуляет без шапки.
Засыпаются снегом лошадки,
Пётр Первый и первый этаж.

Утро – сумрачный северный сплин.
Мокрый снег на Большую Морскую.
Над «Асторией» купол ликует
Золотой в окружении льдин.

Невский дух первобытных болот
Затуманил высокие шпили.
Под ногами сугробы поплыли,
И скользит под водой гололёд.

Петропавловка, тучи проткни.
Спят под шубами синие реки.
Но на Мойке февраль не навеки,
Под мостами живут полыньи...

МОСКОВСКИЙ ВОКЗАЛ В ПИТЕРЕ

Верчу из буден самокрутки.
Вокзальный воздух, догорай.
И питерские проститутки
На час мне обещают рай.

Бомжи снимают купол яркий
У привокзальных новых урн,
Отбросов мятые подарки –
Спасение душевных струн.

По хоботам обмякших членов,
По водосточным трубам дня
Светлеет небо постепенно
До сигаретного огня.

Холодный город горд и вечен.
Весна на Невском сквозняком.
И каждый навсегда просвечен
Казанской Матери зрачком.

«МОСКОВСКИЙ ДВОРИК» ВАСИЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА ПОЛЕНОВА

«Московский дворик» нравится невольно
Тропинками, травой и детворой,
Лошадкой и усадьбой родовой,
Колодцем и верёвкой бельевой
И тем, что за сараем – колокольня.

Молитвы небу, лопухов жульё.
Гордится храм своими куполами.
И лето, лето уплывает с нами –
Ромашкой, перспективой, облаками –
В московское привольное жильё.

Московский дворик... Купола присели.
Несоразмерно-каменный Арбат
Забыл сарай (высотке МИДа брат),
Ромашки, лопухи, простых ребят,
Колодец, лето, лошадь... В самом деле,
Зачем о прошлом горевать, ребята?
Мы сами станем прошлыми когда-то.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРАГЕ

Закат окрасил высоту,
Нарисовал на красном шпигли.
Мы с Вами здесь когда-то жили,
Вон там – у башни на мосту.

Чернел над нами потолок
Из деревянных перекрытий.
Мы были бедными. Событий
Предугадать никто не мог.

Жгла революция мосты
В России красного террора.
Как страшно, гибельно и скоро
Здесь оказались я и ты.

Кров, кроны бедным землякам
Вначале Чехия давала.
Дней было много. Денег мало.
И неспособность к языкам.

Кто знал? Кто догадаться мог,
Что эти нищенские годы
Оденет строками свободы
В тебе неугасимый Бог?

Из родников текла река
По перекатам русской речи,
Звучали радостные встречи
И оставались на века.

Под Прагой флейту находил
Любви мерцающий фонарик.
И Брунsvик не курил чинарик,
А как свидетель проходил.

Пусть меч его горит, звеня,
Недалеко от башни нашей.
Вы были молоды. Я старше.
Зеленоглазая моя...

ВЕНЕЦИЯ

Венеция – девицы, пацаны
Царапают приезжего улыбкой
На фоне облупившейся стены
И тени на воде изящно-зыбкой.

Здесь хорошо. Не надо объяснять,
Откуда эта тяга всё увидеть,
Потрогать, раствориться и обнять,
И унести в себе, и не обидеть.

Апофеоз: на площади закат
Позолотил стекло, причёски, крылья
У ангелов и направляет взгляд
К Спасителю, и Бог летит над пылью.

Уставшие сидим и пьём вино,
В каналах лакируют взгляд гондолы,
И звук оркестра, речи, все равно,
Нас поднимает и кружит над полом.

Венецию поцеловал творец.
Здесь каждый раз я надеваю маску
С улыбкою... Стекланный леденец
Дрожит в руке и освещает сказку.

ВЕНЕЦИЯ ЗИМОЙ

Венеция – невеста нецелована.
Над зимней занавеской чистых вод
Она плывёт, как облако над оловом,
Туманя разноцветный разворот.

Венеция заснеженной Италии.
Холодный дым целуется с водой.
Под мостиками узенькие талии
Каналов, отливающих слюдой.

Венеция не знойная распутница,
А скромница, чья кружевная шаль
Кружит и растворяется над супницей,
Где в изморози варится январь.

В ТИХОМ БАДЕНЕ

Сквозь стекло, через капли дождя –
Сажу серого зимнего утра.
В парке мокрые птицы галдят.
Дома пыль, как холодная пудра.

Положите тетрадку на стол.
Ноты в ней соберутся, как мыши,
Если гений к столу подошёл,
Даже если он ноты не слышит.

Будет музыка в сердце звучать.
А потом, заполняя страницу,
Бесконечной печали печать
Сквозь мелодию станет струиться,

Где деревья в зелёных чулках
Сбросят ноты прозрачные с веток.
Крылья фраз позабудут про страх
И вспорхнут из коричневых клеток.

Нотный стан не застонет от нот,
А подставит пять линий под лапки.
Разлинованный лист оживёт
И впитает созвучий охапки.

Солнце снег золотых облаков
Гладит сверху довольной улыбкой.
А над домом февральский покров
Сеет дождь неуютный и зыбкий.

Свет и тьма тишину разорвут
Сильным звуком, то нежным, то рваным.
И усталые струны поймут,
Что оркестром звучит фортепьяно.

Вдохновенный, взлохмаченный бог
Вызывающе мудр и греховен...
В тихом Бадене, мрачен и строг,
Сочиняет великий Бетховен.

РОССИЯ

Россия – лиственная сила
Раздольных рек и родников.
Не покорялась, не просила
Ни у друзей, ни у волков.
В державе дерзкой, беспредельной
Была невестой и вдовой.
Своим – улыбка колыбельной,
И меч – над вражьей головой.
И как бы враг ни ухмылялся,
Россию никому не взять.
Мир соблазнялся и кривлялся.
Но ты, моя родная мать,
Источник жизни поколений,
Не поддавайся силе зла.
Среди столетий и селений
Тебе надежды и дела.

СОЛОВКИ

С отливом целует волна
Лобастых камней поплавки.
Зачем посылает страна
Служивых людей в Соловки?

За верой в святой монастырь?
Заблудших монахов карать?
В далёкий, холодный пустырь
За новую власть умирать?

Здесь красного лагеря мрак
У древних икон на челе,
Пульсирует ночью маяк
На смертной, Секирной горе...

Спаслась островная земля,
Где святость и муки сплелись,
И белые башни Кремля
Крестами царапают высь.

Пусть чаек небесную боль
Не тронет чекистов кирза.
Пускай соловецкая соль,
Очистив, не выест глаза.

Геннадий ХАЛДИН

Родился в 1939 году в г. Челябинске.

После 2000 года он серьёзно занялся литературной деятельностью. В 2009 году издаёт сборник стихов с репродукциями своих картин «Рефлексия». В 2010 году публикует в книге «Зарождение и становление дизайнерского образования на Урале» эссе «Цвет по Оппенгеймеру». Для периодической печати написан футурологический рассказ о дизайне «Прасковьины ноги». В 2011 году вышел в свет сборник стихов «Поэтография», а в 2012-м была проведена литературно-художественная выставка с одноимённым названием, где были представлены стихи, написанные в виде креолизованного текста. Наиболее из интересных стихотворений-картин следует отметить такие как: «Симметрия», «Тектоника», «Вороны городские...», «Дожди», «От наковальни молот отлетел...», «Пацанёнком он прибыл на фронт...» и др. Позже были опубликованы повесть «Каиштак» (2013), сборники стихов «Тектоника» (2012), «Стайлинг» (2013), «Метрика» (2014), «Статика» (2016). Г. Е. Халдин является членом Российского союза писателей.

Его произведения легли в основу литературно-музыкальной постановки «Поэтические души говорят... Стихи и картины Геннадия Халдина», осуществлённой Театром Слова под руководством народной артистки России Т. Н. Ворониной. Межрегиональным координационным общественным советом при Общественной палате РФ постановка выдвигалась на Губернаторскую премию 2015 года, а автор отмечен благодарственным письмом.

ЭТЮДЫ

Этюды – мазками, но пишутся словом,
Картины рисуют о прожитом,
О времени прошлом, о времени новом,
Сцены являют об этом и том.

Травы июньские, буйно растущие,
Стелются плотно листом на восток;
Солнца лучи, уж по-летнему жгущие,
Поздним растениям дали росток.

Корзина полна и прикрыта листвою,
А дух земляники неповторим;
Идёшь по тропинке: летит над тобою
Ярко-зелёный лесной херувим.

ПАССАКАЛИЯ

Вознеси, ветер, радость,
Унеси, туча, скорбь.
У одних цветов – сладость,
У других – горечь, соль.

Закружился листочек
И упал на плетень.
Этот сделал виточек
И прилип на ступень.

Один днём любовался,
Думал думу: как жить?
День благому являлся –
Счастьем всех окружить.

Забелела ромашка,
В черноте белена.
Днём чирикает пташка,
Бдит ночами сова.

Отступило ненастье,
Вёдром тешился день.
Кралось по веси счастье,
Тень бросая в плетень.

А ты вышла на стерню
В платье белом летать,

На главе было терние,
Вышла милость сретать.

Из небес, поклон делая,
Ангел блага слетел,
На чело твоё белое
Позумент он надел.

Наступило говенье,
Благо радости дня,
Отступило смятенье
На душе у тебя.

И взлетели вверх блики
Из берёзовых глаз,
И пролил свет на лики
Милость дарящий Спас.

* * *

Лебединые плечи саней:
Снежный хруст от них издали слышен;
Понукнуть бы по крупам коней,
Прокатиться по Суздаю, выше.

В Боголюбове тишь и покой:
Земля прашуров снегом покрылась;
На Нерли отразилась главой
Покрова – вроде шалью накрылась.

Её апсиды снежно-белы,
Купол стройный в златистом уборе,
А рельефы на стенах даны
Сказкой каменной в древнем декоре.

Здесь земля по-иному тиха,
Здесь земля не боится угрозы:
Землю эту хранят Покрова;
Здесь лишь зимы и летние грозы.

* * *

Я тебя ощущаю капелью,
Я тебя ощущаю небом
И растущей зелёной елью,
Свежевыпеченным ночью хлебом.

Я тебя ощущаю ветром
И порхающей в выси мыслью.
Я тебя ощущаю метром
В стихе ладном, написанном кистью.

Я тебя ощущаю солнцем,
Неоглядно бегущей далью,
И глядящим чрез воду донцем,
И скрывающей лик вуалью.

Я тебя ощущаю сердцем
И сердечной ночью болью;
Я тебя ощущаю перцем
И посыпанной в рану солью.

ПОМИНАНИЕ

Памяти П. А. Флоренского

Над Белым морем чайка красная.
Стране не нужен Леонардо,
Ей нужен крап, ещё кувалда
Да тишина в ночи ужасная.

Да помяни его, загубленный
Народ, безбожный и бесправный!
Преобразись, народ базарный,
В единовѣрный и разумный.

На островах погода серая,
Крестов узоры, в камне холод.
Не дай, Господь, нам страх и голод...
Над Белым морем чайка белая.

КАРИАТИДА

Она устала мраморный держать карниз,
Согрела кровь, из камня в плоть переродилась,
Афине поклонившись, поспешила вниз,
Из стен Акрополя ушла, за фризом скрылась.

Она по долам голубым себя несла,
Ветра трепали канелюры, солнце грело.
Она изящество фигуры берегла,
Её пропорции и гибкость бронзы тела.

Её желание – собой украсить мир,
Облагородить зачерствелость серой ткани,
Для стрел сердечных приспособить лучный тир,
А ойкумену отбелить от грязной длани.

Мир был наполнен злобой, ложью знатных виз;
Среди цветов у белены взрастала серость...
Эрехтейон пред ней. Вновь подняла карниз
И замерла пред Никою Аптерос.

РЕНЕССАНС

Своды неба слогом расцвели,
Цветом изумительным и ясным,
И химеры в храмах не плели
Неразумных дев убор напрасно.
С ликом Богородицы взошёл
Дух пространства, просто говорящий,
Против мрака серого нашёл
Свет небесный, серебристый, вящий.
И каменье тяжкие пуды
Обнажали мраморное тело,
И Петрарки светские труды
Жизнь Лауры пронесли умело.
Фресок известковых, красок век
Прошагал с триумфом, величаво,
И Давид пращу держал, как стек,
Чтоб пустить её во вражье жало.
Там свелись великие умы,
Там весна качалась на качели,
Там прельщенье было у луны,
Как в картинах Сандро Боттичелли.

УЛЫБАЮЩЕЙСЯ

Улыбка Её от лица отделится,
Напишется файлом в пространстве планет;
Улыбка Её крупной цифрой внедрится
В сверхпамять носителя дальних комет.

Улыбка Её все разрушит преграды
В общении между людьми на земле:
Она как подарок, как гость у ограды,
Как солнечный зайчик на чистом стекле.

Желанное благо всему улыбаться
В течение дня и в предутренних снах;
Желанное благо с улыбкой встречаться
Навстречу идущим на ваших губах.

Улыбка Джоконды в загадке нетленна,
Но писана на Возрожденья холсте;
Её же улыбка жива, безвременна
И в Космос уйдёт на кометном хвосте.

Всё так же от ладана розовый лился
Тот свет от младенца к апсидам в крестах,
Когда Симеон к небесам удалился
С такой же улыбкой на ветхих устах.

* * *

Содержи Россию в чистоте,
Свою душу вымой прежде тела,
Сохрани в российской красоте
Лучшее, что та всегда имела.

Поддержи Россию на витке,
Оборону – в жёстких рукавицах.
А не то окажется в руке
Паутина на вязальных спицах.

Придержи Россию на узде,
Беспредел – карающей ступицей,
Чтоб не появились вновь везде
Только жмых да водка с чечевицей.

Возлюби Россию в простоте
И найди в ней ценное, святое,
Поддержи в извечной правоте,
Вымети наносное, пустое.

* * *

*И Тебе самой оружие
пройдёт душу.*

Мадонна смелая,
Прощать умелая,
Ступила на покрытое крыльцо

Невинной девою.
Ступила Евою
Согнуть у блуда дённого кольцо.

Лик умиления –
В снега падении,
Открыто всепрощения окно.

* * *

Прилетели снегири,
На оградку сели,
С ясноокиим ангелом
Литию пропели.

И взлетели, как мячи,
Дичку поклевали,
И окно, где свет свечи,
В лоб поцеловали.

А потом, вспорхнув душой,
Вихрем улетели –
На снегу остался пух
Брошенной кудели.

Улетели вверх, туда,
Где Господь трудился,
Где повисли облака,
Небосвод кружится.

* * *

Приподнялся – и в дорогу,
Снова манит горизонт.
Помолись, скиталец, Богу –
Обретёшь из древа дом.

Вот и дом, над ним – сень сосен,
Тёмных, выше, чем окрест;
Бугорочек плодоносен,
И на нём – дубовый крест.
И деисусному чину
Поклонись лада слогу,
И Отцу, и Его Сыну.

Уступи место в рае,
На небесной перине,
На космическом крае
И на куполе синем.

Вознеси полотенце
К другу, Божьему лику,
Преклони два колена
Перед жизнью великой.

* * *

И снизойди к нам, благодать,
Нас светом окропи весенним.
Нам снити велено, предстать,
Как неумным поколениям.

Не утруждай себя мольбой
О нраве чад благочестивых,
Сойди Божественной звездой
У врат подковою счастливой.

Мы воздадим тебе за мир,
За бескорыстье, откровенье,
За красоту расцветших лир,
За день Христова воскресения.

«В горнице моей светло...»

«Я думаю, что самое ценное не те признания, в которых восторг, а те, в которых благодарность». Прочтя эти слова о творческом успехе в воспоминаниях князя Сергея Волконского, я сразу связала их с именем Валентины Панкратьевой.

Она тот художник, чьи работы зрители воспринимают именно с благодарностью, говоря, что в их атмосфере освящается душа. Её кисть поэтически и сердечно передаёт всю красоту и мудрость житейского уклада человека Земли, того уклада, который пришёл к нам из глубины веков, стал основой русской государственности и национального достоинства и который нёс с собой самую близкую к природе красоту.

Она мастер натюрморта. Необычного, торжественного натюрморта-картины. В её произведениях, любовно сотворённых из современных и старинных предметов домашнего очага, из плодов труда и ремёсел, рукоделия и даров природы, оживает созидательная жизнь простых людей, их ежедневные труды.

В них всё, что сохранила её память, всё, что тепло бьётся в душе, множество дорогих черт и опыта времени, от нас уходящего. Её неподражаемое чувство равновелико поэтическому восклицанию Николая Клюева:

*Вновь молюсь я, как ране,
Тишине избяной
И к шестку и лохани
Припадаю щекой.*

Этим «припаданием щекой» дышат все работы мастера. Мы не только ощущаем её любящий, сострадательный взгляд на напряжённые будни поколений, за нами стоящих. Не только испытываем неотразимое притяжение прелести её композиций. В нас возникает понимание соб-

ственных семейных поколений, трудом вошедших в вековую цепь страны, происходит принятие верховных смыслов русского бытия. И мы благодарны ей за самую нежную крепкую связь с творцами этих смыслов, незримо живущих в её живописных поэмах.

Восторгаются обычно мастерством, искусностью отделки произведения. А благодарность возникает из покорённой образом души, из струн сердечных, зазвучавших под обаянием мира творческой личности. Для художника кроме мастерства важны искренность, глубоко чувствующая душа, отзывающаяся на всякий символ, которым дышит мир вокруг нас. Переживания, духовные вопрошания художника – это и есть собственно творчество. А мастерство – проводник.

В этом смысле Валентина Панкратьева удивительно цельный человек. Искренность провела её сквозь разнообразие современных направлений живописи, выработала совершенно неповторимую технику, неспешную манеру письма и явила собственный образный космос. А весь её творческий путь есть восхождение от простого и такого естественного для всех художников любования красотой природы и человека до композиций, говорящих о созидательном духе целых поколений, умевших работать и творить с великим терпением в единстве с природой.

*И, эти струи будущего хлеба
Сливая в звонкий глиняный сосуд,
Клянётся Ангел нам, что истина, как небо,
Земля, любовь и труд.*

(В. Ходасевич)

Валентина Панкратьева окончила художественное училище в 1983 году, будучи уже зрелым человеком. За её плечами были горный

Ель покоя жильё осеняет,
А в ветвях её сирин гнездится:
Учит тайнам глубоким хозяйку,
Как взвесить нежных красок опару.

Н. Клюев

В мастерской, 2004, б., 85х69, см. тхн

Спас Хлебный, 98х80, 2006., б., см. тхн.

Автопортрет с котом Прокопием.
65х78, 2000 г., б., см. тхн.

Яблочный спас

Вербное воскресенье. 2003, б., см. тхн., 100х92

В ожидании Ивана-Купалы. 2003, б., см. тхн., 80х98

институт, художественная студия, семья и вполне осознанное решение изменить свой профессиональный путь. И этот жизненный багаж был основой творческой самостоятельности самых ранних работ. Овладевая всеми техниками и жанрами, она словно испытывала их свойства, искала нужные ей особые сочетания качеств. В «Натюрморте с красным подносом» (1985) она пробует прозрачную акварель. В «Натюрморте с красной розой» (1984) – более плотную. Пробует свойства мокрой бумаги в акварели «Два букета» (1975). Пастель привлекает мягкостью тональных переходов, возможностью обобщения и декоративностью одновременно – так появляются «Ромашки» (1979). В пейзажах, портретах, натюрмортах 80-х годов в полную силу явлен присущий ей от природы вкус, светит лиризм души. В них нет ничего постановочного, они яркие и убедительны, но авторская личность ещё не сразу узнаваема. Зато есть главное – образная глубина.

В 2000-х годах она создаст небольшую серию акварельных и гуашевых пейзажей: «Вечерние дымы» (2002), «Розовое утро» (2001), «Серебристая ночь» (2002), «Вечерние птицы» (2002). Все они очень лиричны. Это картинки сельского мира в сказочно-декоративной интерпретации. В них своя негромкая мелодия маленьких новелл.

Они перейдут в её натюрморты-картины как образное дополнение основного сюжета, как связь рукотворного и природного мира с видом из окна или панорамой дальнего горизонта. Как, например, в композиции «Натюрморт с красной смородиной» (2007). Деревенская даль с едва виднеющимся собором становится фоном для стола, на котором хозяйственными хлопотами оставлены сито с ягодами, кружка, туес, букет полевых цветов. Всё как обычно, когда закусывают на вольном воздухе в радостный летний день, если семья живёт на земле.

*О, вид смиренный и родной!
Берёзы, избы по буграм
И отражённый глубиной,
Как сон столетий, Божий храм.*

(Н. Рубцов)

Как крепчают философские звуки композиций, видно по её автопортретам в двадцатилетнем отрезке времени. В самом раннем, «Автопортрете в берете» (1983), она предстаёт молодой стильной горожанкой. Перед нами изысканная чёрно-белая композиция богатых тональных сочетаний. Этот же образ молодости продолжается в автопортрете «На фоне августа» (1983). Лик солнечный, нежный, в руках цветы, за фигурой в окне трамвая летний город. Всё в лёгких тонах акварели. Классический портрет в принципах возрожденческой композиции с говорящим фоном и атрибутами. В последующих автопортретах она сознательно опрощает себя. Внешне женскому очарованию предпочитает достоинство будничного облика. В автопортрете «На даче с котом Прокопием» (2000) она предстаёт в простой косынке, в телогрейке, с рыжим котом и веткой рябины в руках на фоне бревенчатой избы. У стены дома видны связка чеснока, корчага с рябиной, овощи... Брёвна избы и швы телогрейки как продолжение одно другого. Они родственны по сути. Изба – телогрейка всей семьи.

*Дом крепкий, пространный и убранный,
Училище красоты простой.*

(Н. Клюев)

И она сторонница этой «красоты простой». И второй её «Осенний автопортрет с подсолнухами» (2003) тоже из простой красоты. В нём она отодвигает своё изображение в верхний левый угол, делая себя только частью картины, отдавая основную роль осенней красоте плодов и растений. Мы видим, что для неё приобретает ценность жизнь сама по себе, будничное трудовое течение. Её заботит не внешний облик, а внутренний человек, его свет – свет добра.

*Потому так и светлы всегда
Те, что в жизни сердцем опростели
Под весёлой ношею труда.*

(С. Есенин)

Всю красоту земли олицетворяет для Валентины Панкратьевой бесконечное разнообразие цветов и растений – полевых, садовых, самых роскошных и самых простеньких. На протяжении всего её творчества ещё со студенческих, а может

быть, и с детских лет, прошедших на природе, сохраняется её особая привязанность к цветам. Они богатая манящая натура, неизбежная для художника. Кажется, всё, что цветёт, распускается, приносят домой и переводят в творчество: «Шиповник» (1985), «Нарциссы» (1984).

В её авторской эстетике – простые цвета, простые предметы, из которых создаётся праздничная изысканная живопись: «Цветы полевые» (1983), «Лето кончается» (1999). Она любит заполненное пространство картины, богатое по цвету и живописному движению, с любовной проработкой каждого сантиметра фона. Очень часто ставит два букета в одной композиции или создаёт большие букеты. В них ярче луговая и садовая роскошь, больше оттеночности, живописной бравурности, как в работах «Осень кончается» (1997), «Цветы луговые» (2004), «Корзина, полная цветов» (2005). Это целые снопы полевых цветов на цветной скатерти с упавшими цветочками и бутонами – всё заполняющее живописное буйство. Она любит осеннее терпкое состояние: «Последние цветы» (2002), «Осенний букет в корзине» (2002). Эти натюрморты – её восторг каждым днём земли. Одни и те же цветы в разные годы всегда иного настроения. Они проводник, интерпретация её чувства. Взять хотя бы натюрморт «Солнечным летом» (2003) – не букет, а застывшее движение сухих цветов в холодных тонах. Или сирень, которую она часто изображает, очевидно, при ежегодном цветении. И всякий раз с новым стилистическим оттенком, в разной технике, с новым ощущением. В 1997 году – сирень с подробностью каждого соцветия. В 2002-м – сирень бархатной гуаши с обобщённым мазком до утраты очертания грозди. А «Сирень в прозрачной вазе» (2003) написана с реалистичностью голландских натюрмортов. Вообще натюрморты голландского типа, завораживающие мастерством исполнения, будут появляться время от времени в разные годы творчества. Быть может, как тренировка мастерства там, где этого требует натура. Или как отдохновение от напряжения, которое неизбежно для работ больших тематических циклов, для создания которых само собирание предметов и объединение их смыслом уже есть творчество,

требующее обдумывания и времени. А цветы или голландский набор благоденствия всегда под рукой: «Белые лилии» (2006), «Натюрморт с тыквой» (2006) и т. д.

Всё цветочное богатство земли, неисчерпаемое обилие оттенков, форм, градаций, состояний от бутона до увядания, сама их природа хранят огромный потенциал для разнообразных стилистических решений и живописных находок, накопленных художниками всех времён истории искусства. В. Панкратьева это чувствует и проявляет очень интересно. Это небольшие композиции ван-гоговской живописной динамики: «Белая корзина» (2002), «Чертополох» (2002). Или «Натюрморт с красками» (1984), по своей пластике напоминающий русских сезаннистов. Или серия натюрмортов в природе в духе направления 70-х годов советской живописи XX века: «Осень с ромашками» (2002), «Натюрморт с окном на море» (2002).

Думается, все эмоциональные и смысловые достоинства её работ и сама своеобразная смешанная техника больших картин оттачивались во множестве цветочных композиций, каждая из которых вносила своё зерно опыта и чувства. Цветы останутся в её натюрмортах-картинах не только как живописное обогащение, но и как образный ключ, мелодия поэтического и даже философского наполнения идеи. Благоухающие и сухие, они будут переходить из работы в работу то букетом в центре, сочетаясь с рукоделием («Медовый спас», 2005), то сопутствуя по флангам, усиливая колорит и время («Старые книги», 1999), то заполняя всё пространство как продолжение природы, видимой за окном («В ожидании Ивана Купалы», 2003). А ещё, быть может, цветы – её душевное движение, её личный поклон благожитию людей простых, трудов напряжённых, уклада, от века идущего.

Цветы вносят возвышенную ноту, даже соединяясь с хозяйственной утварью. В «Натюрмorte с бочонком» (2003) громадный букет торжеством цветения превращает бочонок в вазу, вскрывает праздничную сторону обыденности. В самой натуре Валентины Панкратьевой жив стержень народной эстетики, в которой польза и красота нераздельны. Её жизнь небогатой географии с

заботами обычного человека, когда нужно растить детей, содержать дом в порядке, работать на огороде, преломляется творческим видением. По некоторым её работам прямо чувствуется, как в домашних заботах, среди случайно оказавшихся рядом вещей не дремлющий в ней художник видит возможность сюжета. И, добавив, допустим, связку чеснока, завершает цельность вдруг возникшей композиции. И тут же садится писать или по крайней мере откладывает в глубину сознания для будущего применения. Кажется, что именно так создавались «Скамеечка» (2004), «В мастерской» (2004), «Натюрморт с рассыпанным шиповником» (2004), «На даче» (2007). Так проявляется её естественное жизнетворчество, подлинность, когда «творящий дух и жизни случай» в каждом моменте бытия нераздельны, когда кисть в согласии с волнами души – с задумчивостью, с ощущением праздника, или печали, или благодати... Тогда простая ежедневность становится неиссякаемым источником вдохновения.

*Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольётся
Молоко твоих рыжих коров.*

(С. Есенин)

Казалось бы, простой натюрморт «Грибы» (2004). Но чтобы создать это радостно-цветоносное умиротворение лета, нужно именно чувством выбирать из реальности и потёртости на дереве стула, где расположился натюрморт, и целую гамму бурых оттенков за стулом. И бросить цветовым аккордом красную горку ягод и белоногих грибов на зелёные листья. И рассыпать этот аккорд красными ягодными точками в коричневатой охре грибных шляпок. И увенчать всё роскошным букетом садово-полевых цветов в сиренево-красно-белом соцветии бутонов. Продолжить красоту букета веткой рябины около ягод и тонким стебельком веточки оранжевых цветочков на самом краю стула, завершив этим цветочные объятия ягод и грибов. И щедрая улыбка лета и самого автора живёт на полотне. Так можно описать множество её работ. Без чувства и мысли их у неё нет. И хотя цветочные натюрморты как непреходящее

очарование и как отклик на течение жизни будут являться на протяжении всего творчества, всегда исполненные с восхищённостью этим даром природы, главным героем её творческой философии станет собрание предметов, объединённых размышлением души о земледельце, о народной судьбе в разных её проявлениях.

Любой предмет или событие имеет свою моральную сторону, свой смысл, не всегда явный. В её композициях это прикровенное обретает осязаемую жизнь. Таковы работы на тему памяти, выполненные в год шестидесятилетия нашей победы над фашизмом в Великой Отечественной войне.

«Здравствуйте, я живой» (2005) – начатое бойцом письмо, недокуренная папироса, фотографии родных, в котелке цветы, в гильзе свеча... Как будто начавший письмо вышел ненадолго. Так ненавязчиво, тонко зарождает автор у зрителя вопрос: а будет ли дописано письмо? Или «Пока сушится гимнастёрка» (2005) – краткий отдых между боями. В пилотку собранная черника, кiset, раскрытая книга, букетик ромашек на пне... Во всём острота желаемого мира. А «Время и память» (2005) – картина, соединившая военные поколения в наградах разного времени. Все три картины повести – её сердечное прикосновение к военным, мучительным и героическим дням страны.

Она умеет почувствовать настрой времени в простых вещах («Железные вещи», 2002). Умеет погрузить зрителя в ностальгически-философское состояние, изображая уходящий, дорогой для неё мир, как в композиции «Последний привал». В ней боль вопроса: людей ли это последний привал или вещей, которые им служили? Особенное чувство вызывает колесо, оставшееся без службы, как солёный знак на закате дня. Закате, живопись которого так эмоционально-напряжённо прочувствована, что воспринимается закатом судьбы. На этом пути смысловой насыщенности идеи ясно видится её творческое восхождение от классического натюрморта впечатления и красоты до натюрмортов-картин, а затем и до цикла православных и трудовых праздников, в которых всё лично дорогое сплавляется с обычаями, святынями и историей народа.

И первые из ряда работ, ведущих к праздничным циклам, это «Натюрморт с прялкой» (1997), «Столик на веранде» (1997), «Старые книги» (1999). «Натюрморт с прялкой» – проникновенный образ тишины и уюта. Уголок дома, где рядом с прялкой незримая рукодельница оставила своё плетение. Эта композиция очень красива по цвету и мелодическому движению освещённости. Мягкий свет из центра картины, из белой кружевной салфетки и белых же ромашек в кринке тонко выстроенной тональностью разливается на мотки ниток, на корзину, оставленные очки и гаснет в складках красной скатерти. Философским настроением веет от композиции «Старые книги». Приглушённый колорит, которой создаёт таинственность и эмоционально соответствует задумчивости над потоком прошедших времён, живущем в каскаде старых книг, в образах Христа и Богородицы на репродукциях в центре картины. Тот же уединённо-интимный мир в работе «В мастерской» (2004). Видение таинственной тишины спокойствия и опять чудо освещённости продолжает гармония работы «У травницы» (2002). В ней свет, падающий из предполагаемого окна в центр, на корзину, мягко пронизывает окружающие предметы, играя всплесками на коврике, страницах книги, высвечивая ленточки, пучочки трав, рождая у зрителя желание рассматривать, проникаться образом спокойствия и неспешности. Эту особую авторскую осязаемость мы встретим во многих натюрмортах созерцательного настроения: «В ожидании Ивана Купалы» (2003), «Сундучок» (2009), «Праздник на Авдотью-Малинницу» (1999), «Яблочки к Спасу» (2012) и т. д. Это душевно переосмысленная освещённость, как «Свете тихий», гармония кротости. И создаётся она несравненным изобилием оттенков, удивительно тонкими нарастаниями или угасаниями звучности цвета. Дар чувствовать и использовать эмоциональную сущность цвета помогает художнице выразить ласку души, возвысить над бытом – совсем непоэтическими, простыми и даже грубыми вещами, – создать впечатление светлого удовлетворённого чувства красоты, как в «Яблочках к Рождеству» (2008) или «Рождественском сундучке» (2009).

В них есть что-то сказочное благодаря подчеркнутому контрасту полушубка, еловых веток, платка грубой шерсти с блеском ёлочных игрушек и светонесущих яблок, драгоценных плодов, хранимых до праздника. Везде в таких работах воспевается житейская простота, бесхитростная светлая основа незримого труженика. А икона как символ духовности и гармонии в напряжённом, аскетическом бытии народа переходит из работы в работу.

*Там образок Купины –
Чаша ржаной глубины;
Тела и крови Руси,
Брат озарённый, вкуси!*

(Н. Клюев)

В этих картинах уже есть всё: и поэзия повседневного труда, и духовный импульс дорогого для неё мира житейской гармонии, и её авторская личная родственность с уходящим мироустройством, ускользающие, истончающиеся следы которого она улавливает в собственной жизни и памяти. Автор наполняет праздничный цикл торжественностью, светом добра, который «выше счастья и без которого нет счастья» (Иоанн Шаховской). Какое победное достоинство в пшенично-оранжевых тонах картины «Спас Хлебный» (2006). В золотистом снопе пшеницы, в осеннем букете, который тоже как сноп в большом берёзовом туесе, в каравае хлеба на белом платке и в рыжем осеннем пейзажике угасающего дня за окном. Та же красочная победность, умиротворение и сладость окончания трудов царят в композициях «Праздник всех плодов» (2007), «Яблочный Спас» (1998), «Медовый Спас» (2005). В них союз урожая с земной красотой цветов и рукоделием хозяйки в звучном колорите торжествует «звонким вестником добра» (В. Хлебников). В них ненавязчиво царит народная правота и достоинство, за которыми столько дорог, созидания, бедствий и творчества жизни...

Но праздники – это не только светлые паузы в годовом круге труда. Праздники – это незабывание Неба. Они хранят иерархию бытия, духовную «Лестницу» в горизонталь трудового напряжения, которое в России всегда было выше, чем в Европе. Поэтому обобщённый образ праздничного цикла

торжественен. В нём есть эмоционально-нравственная приподнятость.

*Ставьте ж свечи Мужичькому Спасу!
Знание брат и наука – сестра.
Лик пшеничный с бородой солнцевласой –
Воплощенье любви и добра!*

(Н. Клюев)

Делая варианты картин к одному и тому же празднику, она отражает разные оттенки восприятия. Взять хотя бы два пасхальных натюрморта – «Большой натюрморт на Пасху с искусственными цветами и снедь» (2005) и «Вербное воскресенье» (2003) с большим букетом сухостоя. Первый – собственно, сам праздник с пасхальным столом, с доминантой красного цвета в ткани, брошенной на самовар, в кружевах на букетике вербы, в яблоках... Всё радостно, красно. За теснотой праздничной снеди слышатся даже звуки: песенно, шумно... Другой – «Вербное воскресенье» – атмосферы духовно задумчивой. Самовар остаётся, но уходит в сень большого букета сухих растений. Букет по форме растений и цветовой гамме сближенных тонов составлен изысканно. Он сдерживает цветной шум лоскутного фона и всего яркого на подносе, красное как бы расступается, лишь окружает сосредоточенно-задумчивую мелодию центра натюрморта: книгу, икону, вербу. Всё соответствует скоромному преддверию праздника. Глядя на «Рождественские щедровки» (1999), на «Кружевную Масленицу» (2000), на «Гуляние на Троицу» (2004), чувствуешь, сколько за всем этим привета, уюта, тепла, гостевания, собирания... Понимаешь, что художница любит не сами предметы, ею изображаемые, а мир, за ними стоящий. Все благородные, благодатные черты народной жизни, тёплый исток самоотверженного национального бытия человека Земли-матушки. Создавая выразительное соборное предстояние предметов в праздничном цикле, она силой своего поэтически возвышенного, можно даже сказать, силой живого литургического чувства поднимает их до светлого явления, возносит из функциональной жизни в символическое поле, где композиции звучат национальным символом веры: «Всё прекрасное мира пришло из простой мужичькой жизни, из таинственной

связи её упорных трудов и милосердия Божия, из сознания, что "добро выше счастья, что человек соработник Богу в создании красоты и блага"» (Иоанн Шаховской).

Как художник, Валентина Панкратьева обострённо чувствует схождение уже почти электронного человечества с орбиты живых связей с природой. И потому во всех оттенках, которыми она выразила дорогой для неё нравственный мир народной жизни, улавливается чувство утраты, рубежа. Оно нежно-сердечной нотой пронизывает всю мелодию её творчества. Более явственно она слышна в композиции, посвящённой царской семье.

Автор старается удержать, оградить этот мир своим творчеством, как в заповеди, надеясь, что творческий ключ этого общинного мира земледельца, веками создававшего наше отечество, может быть востребован на ином уровне мироустройства.

Этими чувствами она вступает в творческое единство с «Ладом» В. Белова, «Матёрой» В. Распутина, «Мезенскими вдовами» В. Попкова и крестьянским циклом А. Пластова. Она вместе с ними могла бы повторить слова Ивана Шмелёва из повести «Валаам»: «Вот нити протянулись от "ныне" – к прошлому, и это прошлое мне светит...»

PS. Начав это изложение о творчестве замечательного художника Валентины Панкратьевой словами князя Сергея Волконского, я хотела бы и закончить его же замечательными словами о русской деревне: «Можно ли любить Россию, если не любишь русскую деревню, да вообще не способен деревню любить? В этом, мне кажется, наибольшая причина той пропасти, которая лежит между иностранцем и Россией. И не по отношению к одной только России этот пробел; я думаю, что знают только половину жизни те, кто не знает настоящей деревни».

В деревне виднее природа и люди.

Конечно, за всех говорить не берусь!

Виднее над полем при звёздном салюте,

На чём поднималась великая Русь.

(Н. Рубцов)

Л. ХЛЕБНИКОВА,
искусствовед

К 220-ЛЕТИЮ А. С. ПУШКИНА

*Я одарю тебя молитвами души <...>
Молитвами любви, смирения и мира...**

А. С. Пушкин

Поэтический гений Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837) был явлен миру как истинное чудо. «Наш поэт представляет собою нечто почти даже чудесное, неслыханное и невиданное до него нигде и ни у кого», «ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось» **, – справедливо утверждал христианский писатель-пророк Ф. М. Достоевский.

* Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. – М.: ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 3. – С. 268. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

** Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1880 // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. – Л.: Наука, 1988–1996. – Т. 14. – С. 436, 438. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

Сам Пушкин воспринимал ниспосланный ему талант не только как дар, но и как задание свыше – нести человечеству проповедь Божественной истины:

*И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей» (2, 149–150).*

Стихи словно объаты божественным пламенем горения духовного. Сердце поэта-пророка – это «уголь, пылающий огнём», в согласии с апостольским призывом: «Духом пламенейте; Господу служите» (Рим. 12:11). Не случайно **«Пророк»** явился духовным ядром пушкинского творчества как служения пророческого,

вместившего «в себе идею всечеловеческого единения, братской любви» (14, 419).

«Велик и свят был жребий твой!..» – восклицал о Пушкине Ф. И. Тютчев. Он же выразил задушевную мысль, излившуюся из самого сердца России:

*Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..*

Последующие поколения русских писателей и читателей, «благоговевя богомольно перед святыней красоты» (если говорить пушкинскими же стихами), в надежде вдохновения и творческого озарения припадали к родникам литературного наследия поэта. Неразделимый с родиной проникновенный лирик С. А. Есенин писал, что Пушкин «русской стал судьбой». Поразительный есенинский образ соединил величайшего поэта России с главным христианским Таинством:

*А я стою, как пред Причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.*

В торжественном венке, сплетённом «дивному гению», сверкает множество драгоценных жемчужин – художественно-поэтических образов, восторженных слов признательности, изумления, восхищения, благодарности. И в то же время – скорби о ранней трагической гибели великого поэта России, разделившего участь других убиенных русских поэтов-пророков.

Об их общей судьбе, предчувствуя собственную скорую гибель, писал современный поэт Николай Мельников, убитый при невыясненных обстоятельствах вблизи Оптиной пустыни:

*На мне стоит клеймо поэта,
А у поэта на Руси –
Так довелось – недолги лета.
Мне тридцать. Господи, спаси!*

Во все времена талантливое честное слово русских писателей и поэтов ненавистно властям предрежащим, страшит их. «Свободы, ге-

ния и славы палачи» избавляются от неугодных самыми изощрёнными способами.

При этом в каждой любящей Пушкина душе утешительным упованием отзываются строки его заповеди о жизни вечной:

*Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит
(2, 460).*

Как послушание Богу сформулировал поэт программу своего творчества: «Веленью Божию, о муза, будь послушна...» (2, 460). Покорный «веленью Божию», создавал Пушкин нетленные типы и образы своих чудесных сказок, поэм, повестей, «маленьких трагедий», драмы «Борис Годунов», романа в стихах «Евгений Онегин», всей своей многогранной, сверкающей алмазной россыпью лирики: пейзажной, любовной, элегической, анакреонтической, патриотической, вольнолюбивой, философской, религиозно-мистической, молитвенной... И «тут целое основание, тут нечто незыблемое и неразрушимое. Тут соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святынею», «свидетельство того мощного духа народной жизни, который может выделять из себя образы такой неоспоримой правды» (14, 434–435).

Ниспосланная величайшему русскому поэту «та особая характернейшая и не встречаемая кроме него нигде и ни у кого черта художественного гения – способность всемирной отзывчивости», способность «любить человечество и носить в себе всеединящую душу» (14, 418–420) сотворила это дивное чудо пушкинского творчества. Во всякой человеческой душе, прикоснувшейся к нему, находит оно свой благодатный отклик. Вот почему каждый с полным основанием может сказать: «Мой Пушкин». Вчитываясь в него, важно сердцем найти самое для себя сокровенное – то, что выбирает душа.

Мой Пушкин – это прежде всего великий «духовный труженик», томимый «духовной жаждой», стремящийся «сердцем возлетать во области заочны»:

*Дабы скорей узреть – оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата
(2, 442).*

Это пламенеющий духом, рождённый «для вдохновенья, для звуков сладких и молитв» поэт-молитвенник:

*Молитесь – да взйдет к Небесам
Усердная молитва православных (4, 210).*

«Пробудясь, Господню волю Сердцем он уразумел», и это дало возможность создать настоящие духовные сокровища русской литературы.

Таковы **«Отцы пустынноики и жены непорочны...»** – не просто поэтическое переложение великопостной молитвы преподобного Ефрема Сирина, но подлинное молитвотворчество. Всем сердцем обращаясь ко Господу, с покаянным смирением испрашивает Пушкин благодатных душеспасительных даров:

*Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи (2, 456).*

Как учил преподобный Максим Исповедник, «у человека два крыла, чтобы взлетать к Богу: свобода и благодать». Пушкин прославлял истинную свободу в Боге как одну из главных ценностей бытия. Он мечтал о ней, «как узник из тюрьмы замысливший побег» (2, 441). Невольником Пушкин ощущал себя не только в ссылках, куда власти изгоняли его за «свободный, смелый дар». Чувство подневольного, рабского положения, отведённого гениальному художнику в «стране рабов, стране господ», всегда угнетало поэта:

*Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег
(2, 387).*

Свободе посвящён маленький шедевр пушкинской лирики **«Птичка»** – крохотное и трепетное, словно певчая птичка, стихотворение, созданное на «чужбине», во время южной ссылки:

*В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.*

*Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать! (2, 7).*

Это поистине универсальное творение, которое воспринимается разумом и чувством и в самом малом возрасте, и в юности, и в зрелости, и в глубокой старости. Стихи написаны в связи с умиляющим сердце русским народным обычаем на Благовещение и Пасху выпускать из клеток перезимовавших в домах певчих птиц: «Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в Светлое Воскресение выпускать на волю птичку? вот вам стихи на это» (9, 66), – писал Н. И. Гнедичу Пушкин. Благою весть, пасхальную радость воплощает отпущенная в небеса поющая вольная птица. Слышатся в стихах Пушкина и великая вера, и надежда, и любовь. Но любовь, по слову апостола, «из них больше» (1 Кор.13:13). Согласно толкованию преподобного Максима Исповедника, «вера и надежда имеют предел: любовь же, соединяясь с пребесконечным и всегда возрастающей, пребывает в бесконечные веки».

Пушкину в его прозрениях и предчувствиях, несомненно, были открыты духовные тайны «жизни будущего века», Царствия Небесного. Поэт прямо говорил о действии Божьего промысла в своей судьбе:

*Но здесь меня таинственным щитом
Святое Провиденье осенило,
Поэзия, как ангел утешитель,
Спасла меня, и я воскрес душой (2, 746).*

За два года до гибели у Пушкина сложились удивительные, таинственные стихи:

*Чудный сон мне Бог послал –
С длинной белой бороδοю
В белой ризе предо мною
Старец некий предстоял
И меня благословлял.
Он сказал мне: «Будь покоен,
Скоро, скоро удостоен*

*Будешь Царствия Небес.
Скоро странствию земному
Твоему придёт конец.
Уж готовит ангел смерти
Для тебя святой венец... (2, 634).*

Загадочное видение из иного мира отзывается в замирающей душе отрадой, благой вестью: «сон отрадней, благовещней». Но лирический герой, сознавая земность падшей человеческой природы, искажённой первородным грехом, не может в то же время не испытать смущённого замешательства, разноречивых чувств:

*Сердце жадное не смеет
И поверить и не верить.
Ах, ужели в самом деле
Близок я к моей кончине?
И страшуся и надеюсь,
Казни вечныя страшуся,
Милосердия надеюсь:
Успокой меня, Творец (2, 635).*

Всё в Божьей власти и Божьей воле. Отходивший ко Господу Александр Сергеевич Пушкин, по свидетельству В. И. Даля, внятно произнёс: «Ну, подымай же меня, пойдём, да выше, выше, ну, пойдём»*. Душа его начала восхождение. Поэт удостоился святого венца и Небесного Царствия по беспредельному милосердию Божию. Он пребывает в вечной гармонии и бесконечной любви Божией. Но нет на земном языке слов, чтобы выразить то, что непостижимо человеческим разумом. Ибо, как благовествовал апостол Павел, «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его. А нам Бог открыл это Духом Своим» (1 Кор. 2, 9–10). Человеку остаётся только уповать на волю Божию – святую, благую, совершенную.

«Да будет воля Твоя», – это прошение ежедневно повторяют христиане в молитве Господней «Отче наш...», испрашивая того, что душеполезно, спасительно, богоугодно, неподвластно человеческому уму. Отказом от самоволия и

покорным приятием воли Божией завершает Пушкин своё стихотворение – в полном созвучии с молитвой Господней:

*Но Твоя да будет воля,
Не моя (2, 635).*

Поэт осознал и прочувствовал это «своим глубоко прозорливым и гениальным умом и чисто русским сердцем» (14, 416). И он же, по мысли Достоевского, «дал и великую надежду <...> что русское общество может быть излечено, может вновь обновиться и воскреснуть» (14, 417). Пушкинское творчество, как и вся русская классическая литература, подобно православному символу веры, проникнута христианским пасхальным упованием на воскресение «мёртвых душ»: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века».

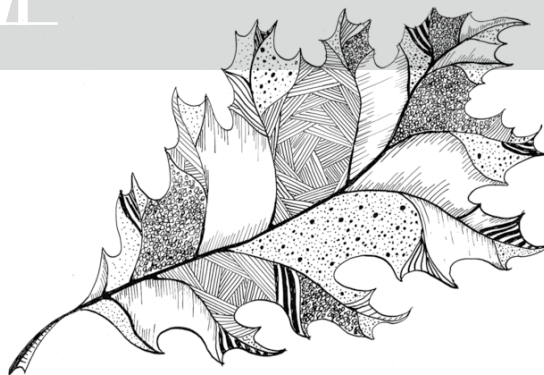
Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук,
профессор, историк литературы,
член Союза писателей России

* Записка доктора В. И. Даля // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. – Пг., 1916. – Вып. 25–27. – С. 68.

Алексей БОРЫЧЕВ

Поэт, физик, кандидат технических наук, лауреат премий в номинации «Поэзия» журнала «Литературный меридиан» за 2013 год и «Зинзивер» за 2016 год, лауреат литературного конкурса «Дебют года – 2014» в номинации «Поэзия» Международного союза писателей «Новый Современник», лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Звезда Рождества – 2016» (запорожские отделения КЛУ и МСПУ), финалист международных поэтических конкурсов, удостоен ряда медалей и дипломов от СП РФ. Был редактором некоторых литературных журналов. С 2007 по 2014 год включительно – постоянный автор журнала «Юность». С 2014 года до настоящего времени – постоянный автор журнала «Смена». Автор нескольких сотен публикаций в центральных, региональных и зарубежных журналах, газетах, альманахах, коллективных сборниках, публиковал стихи в «Литературной газете» и в ряде других изданий, автор девяти книг стихотворений. Стихи печатались в периодике России, Украины, Белоруссии, Молдовы, Казахстана, США, Канады, Германии, Финляндии, Израиля, Австралии, Узбекистана, переведены на иностранные языки, входят в учебники. В настоящее время А. Л. Борячев живёт в Москве.

ОСЕНЬ ТОНКОЙ ГРАНЬЮ...

Осень тонкой гранью начертила день,
И завис над полднем золотистый замок.
Световые нити... Дремлющий олень
На опушке леса... Сетка мелких ямок.

Вот оно – земного хрупкое звено.
Вот оно – что было, а потом исчезнет.
Пейте, пейте залпом времени вино,
Радость заедая чёрствой горя песней.

Ничего другого... Ничего потом...
Ничего – что было. Только настоящим –
Только тем немногим мы ещё живём –
Тем, что видим, слышим. Нетерпенья ящер

Спит, сопит уныло этим ясным днём.
Но, конечно, завтра снова он проснётся.
И на оловянной чешуе на нём
Отразится солнце, стынувшее солнце...

И СЕТКА ЛЕСОВ...

И сетка лесов на болотистых землях,
И мхи, и лишайники, скалы и топь,
И атом, и космос, который объёмлет
Всё это, конечно, и то, и ничто...

И много чего... Даже то, чего нету,
И быть-то не может ни здесь и нигде –
Всё, всё одинаково в разных сюжетах,
Подобно червю и подобно звезде.

И скрипы ступеней, и лунные блики,
И моль, притаившаяся на чердаке... –
В иных измерениях кем-то отлитый
Кристалл, на Господней лежащий руке.

КАК БУДТО И НЕ БЫЛО НИЧЕГО...

Как будто и не было ничего...
Как будто – ни ты не была, ни я...
Шевелится некое существо –
Давно отплывшая боль моя.

И вакуум писем и телеграмм
Уже поглотил и печаль, и грусть.
Осталась, подобная облакам,
Сырая тоска. Буреломы чувств

На мокрой земле, отсырев, лежат.
И нет в буреломах дорог и троп.
Лишь хриплые вороны всё кружат,
Кричат, предвещая судьбы урок.

ЗВУКИ ФАЯНСОВОЙ ГРУСТИ...

Лось шевельнулся в болоте.
Юркнула белка в дупле...
Берег тоски – в позолоте.
Радости берег – в золе.

Звуки фаянсовой грусти –
Вечера летнего алы.
Чьи-то шаги не отпустит
Чёрный горячий асфальт...

Чьё-то веселье – в печали.
Чья-то свобода – в петле.
Меркнут российские дали.
Тучи идут по Земле...

СИМФОНИЯ БЫЛОГО

Я сам не знал, чего хотел от жизни,
И жизнь – чего хотела от меня...
Нектар тоски в хрусталь бессмертья брызны,
Неутолимость вечная моя!..

Покой входил дождём в лесные залы,
Где песни пел пьянящий июль.
Так много было мне! Так было мало! –
Цветущего в глазах лесных косуль.

Как веера, стоцветно распускаясь,
Миры дарили девственный приют:
Леса, лучи, озёра, небо, скалы,
Мерцавшие снопы секунд, минут...

Лесное незабудковое лето!
Со мною ты... со мною только ты!
Но в памяти, в её покоях где-то,
Лишь только там цветут твои цветы.

Лишь только там, увя... о память, память,
К чему хранишь ты блеск былых времён?
Симфония бывшего засыпает,
И бесконечно крепко этот сон!

ЛИСТВА

Вода листвы кипит в котлах
Дождливой душной летней ночи.
Но грозовая ночь прошла.
Вода остыла. Не клокочет...

Я поздно встал. Смотрел в окно.
А в нём листвы шумело море.
Волна бежала за волной
В лесном темнеющем просторе.

Вода листвы грустна, густа –
Вскипала с пеною на ветках.
По прутьям дальнего куста
Текла, струилась сквозь их сетку.

И контур каждого листа
Так чётко, резок, так отточен,
Что влажных листьев густота
С мозаикою схожа очень.

Но вся – колеблемый порыв,
Вся – тишины преображенья
В шуршащей красоты мира,
В законы сложного движенья!

НА ЛЕДЯНОМ АВТОМОБИЛЕ...

На ледяном автомобиле
Зима въезжает в город наш,
Сверкая фарой снежной пыли,
Как детства ясного мираж.

И, по проспектам проезжая,
Бросает звонкие огни,
Невероятная, большая,
Вонзая шпиль мороза в дни.

А ты смеёшься, отряхая
Снежинки колкие с ресниц.
Синицы холода порхают
Над пламенем твоих зарниц...

СТЕКЛО. ВОДА. ЖЕЛЕЗО. ГЛИНА

Стекло. Вода. Железо. Глина.
И больше – больше ничего.
Я вижу страшные картины,
Как некой жизни вещество.

Оно шипит, преображаясь
То в глину, то в железо, то...
В стекла оплавленного жалость,
Разбившуюся о ничто.

В моря, колодцы, океаны,
Где бесконечная вода
Омоет все земные раны
И испарится навсегда!

Стекло. Вода. Железо. Глина.
Как много их.
Как мало нас.
Но ими станем мы отныне
В который раз, в который раз!

САМОЙ-САМОЙ!..

От такой красоты можно лишь умереть,
Потому что с ней жить невозможно...
Это пытка огнём, это жгучая плоть.
Беспощадна, бездушна, безбожна!

От тебя расцветают, как сны, небеса,
Но цветы ядовиты, колючи.
И рыдают лучистых чудес голоса
Беспокойно, тревожно, певуче.

Звёздный мир – воплощенье твоей красоты,
Каждый образ его, каждый атом.
Потому что Вселенную кто, как не ты,
Напитала страстей ароматом!

Потому что в очах – изумрудная высь,
А в улыбке – бессмертие тайны;
И бессильны все чувства, прозрение, мысль
Перед ней, неизбежной, фатальной!

От такой красоты погибают миры,
А погибшие – те воскресают...
Только знай – это всё до поры, до поры –
Той, пока мне тебя не хватает!

ЛЕСНОЕ ПОЛНОЛУНИЕ В АВГУСТЕ

Лес крутился на лунных осях.
Обращаясь в сырую труху,
Светляки истлевали во мху...
Источали покой небеса.

И змеились вокруг времена,
Обвивая зеркалье пространств.
Будто гость из неведомых стран,
Приходила ко мне тишина.

В эти миги, минуты, часы
Я готов был поверить во всё...
В полнолуние лес невесом,
И прозренье – как жало осы!

И – зовущие в сказки огней –
В параллельных мирах светляки

При свечении лунной реки
Становились темней и темней.

Озарённые души берёз,
Уходящие тихо в мечты,
В лунном свете тонули почти,
Откликались в тональности грёз.

И – в былом утопающий я –
Вспоминал вот такую же ночь,
И свою не рождённую дочь,
И тебя, где была ты моя!..

В САДУ

Влажный августовский сад.
Яблоневы души.
Чей-то шёпот, голоса
Дрёмы не нарушат.

Не слетит с ветвей небес
Звёздная синица.
Суетливый мир исчез?
Или это снится?..

Меж деревьев – во тьме стоят –
Лунные олени.
Блики беспокойно спят
На моих коленях.

Серебрятся травы, мхи...
Голоса стихают.
Хочется слагать стихи
И молчать стихами...

ОДНО...

Спасибо всем, кто был со мной жесток,
Кто был несправедлив, надменен, алчен!..
Сиял победой ясный мой восток,
Хоть запад был окраской неудачен.

Спасибо и тебе, трёхмерный мир,
Что мне являл и радость, и томленье.
Хотя мирок души и сир, и сир,
Перед земным склоню свои колени.

Но страшно непредвиденное мне –
Всё то, чего предугадать не в силе.
Его фрагменты вижу в вещем сне,
Как надпись на стареющей могиле.

Вот этого принять-простить нельзя.
Да и кого, кого прощать за это?
Людей, чья мысль молчит, по тьме скользя?
Беспомощных пророков и поэтов?..

В стремительной погоне за руном
Никто века не чувствовал, не мыслил
О том непредсказуемом Одном,
Перед которым всё теряет смыслы!

И как обратно время устремить?
Причину после следствия поставить?

И вот – непокорённое людьми
Небытие над нами жёстко правит...

СВЕРКАЯ...

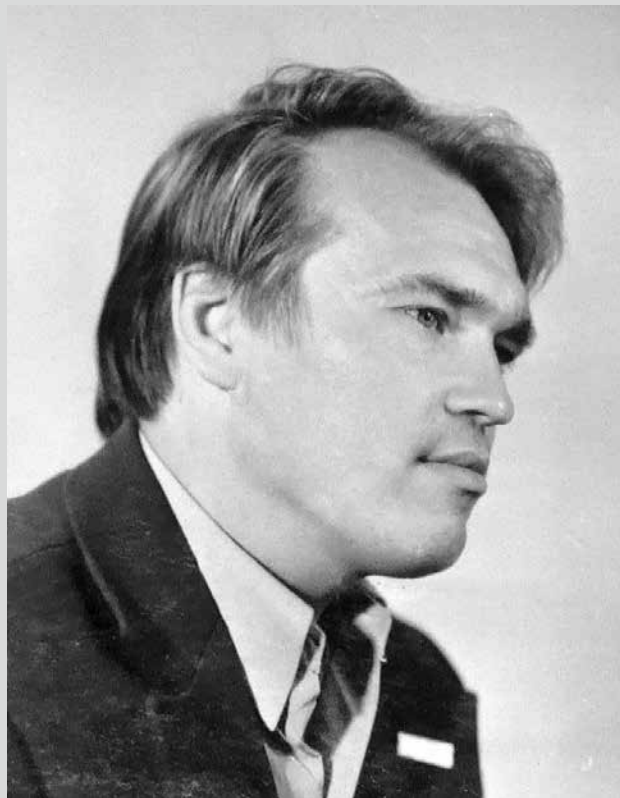
Смотря в бинокли зоркой осени,
Я вижу будущее лето...
Дождливых дней тоскливый косинус
Сентябрь высчитывает где-то.

Как математики, рассеянный,
Как листья по земле, рассеян...

Плывут по небу тучи с севера,
Сверкает сам колючий север.

Сверкает сумрак, сном пронизанный,
Крупа сверкает ледяная.
И беспокойство птицей сизою,
Летая к северу, склоняет

Все мысли и мечты, и в памяти
Свивает гнёздышко забвенья,
А в сердце скупко рассыпает мне
Томительные откровенья.

Георгий КОЛЬЦОВ

Родился в 1945 году в с. Буреть Боханского района Иркутской области. В 1976 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького (посещал семинар известного советского поэта-песенника Л. И. Ошанина). Печатался в журналах «Звезда», «Студенческий меридиан», «Пограничник», «Сибирь». Автор сборников стихов «Корни кедра» (1975) и «Спасательный круг» (издан в 2017 году). В 2018 году в журналах «Берега» (№ 4) и «Молодая гвардия» (№ 10) вышли подборки его стихов. В 1985 году Георгий Кольцов трагически погиб в возрасте 39 лет в г. Кашире Московской области. Там и похоронен.

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Его зарыли в шар земной...
Сергей Орлов

А на земле ручьи звенели,
Цвела сирень,
Старела мать...
Ему б сейчас лежать в постели,
А не на площади стоять.

Продут позёмкой
Зимний вечер.
Проулки, улицы – пусты.
И стынут каменные плечи
Под плащ-накидкой темноты.

Его в Орле или в Иркутске
Ждать перестали земляки.
Ему бы сесть,
Переобуться
И, похоронке вопреки, –

В тот край,
Где пролетело детство,
Вернуться на исходе дня,
В избе родимой отогреться,
А не у Вечного огня.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МОЕЙ МАТЕРИ

Самолёт у трапа замер.
Взгляд скользнул по землякам –
Воспалёнными глазами
Я тебя средь них искал.

Подойду сейчас поближе
И, как в прошлую весну,
Ту слезу, что ветер выжал,
С твоего лица смахну.

Не один, а с младшим братом
В зал, где ты ждала, войду.
Там в полёт зовёт с плаката
Серебром обшивки «ТУ».

Близость встречи или ветер
Подгоняет, торопя...
Неужель на этом свете
Больше нет уже тебя?!

Вышло так, что мы с годами
Разлетелись кто куда.
А вернуться опоздали
Не на день,
А навсегда.

Как бы падать ни спешило
Под колёса полотно,
Довезти к тебе машина
Не успела всё равно...

В темноте белеет ставень.
Брату, что ль, в конце пути
Это право предоставить –
В двери первому войти?

Но, ссутулившись угрюмо, –
Отрепённо одинок –
Он о том же самом думал,
На родной взойдя порог.

В нетерпенье – не в испуге –
Он потребовал: «Входи»,
Чтоб скорей увидеть руки
На твоей сухой груди.

Так частенько ты держала
В них, задумавшись, иглу.
А теперь в цветах лежала
Под иконкою в углу.

Настрадавшееся тело
Прикрывала простыня.
А в ногах твоих сидела
Наша близкая родня.

Причитала тётя Клава,
Как старухи в старину:
«Кто тебе, сестра,
Дал право
Оставлять меня одну?

Ни тепла в избе, ни дыма...
Порвалась надежды нить...
Как теперь я буду мимо
Этих окон проходить?!»

Плач, ознобом пробивая,
Разгулялся по избе...
Почему она, живая,
Так печётся о себе?

Но когда не голосила,
Обессилевши, она,
То совсем невыносимой
Становилась тишина.

Тишины такой пугался,
Молча сам себя ругал.
Горло сдавливал не галстук –
Подступивших слёз аркан.

Зябко вздрагивали плечи,
Хоть я к плачу не привык...
Может, вправду
Мёртвым легче,
Чем оставшимся в живых?

Телеграммы срочной выстрел
Их не ранит, не убьёт...
Мать, прости мне эти мысли.
Здесь мы с Саней. Видишь?
Вот!

Поделюсь я новостями,
Что привёз издалека.
Ну а Саня вновь растянется
Для тебя огонь-меха!

Ты спляши цыганский танец,
Приглуши разлуки боль.
А захочешь, я останусь –
Буду рядышком с тобой.

Ведь тебя мне не заменят
Ни работа, ни жена...
Бьётся раненым тайменем
В сетях ночи
Тишина.

РОДОСЛОВНАЯ

Сколько смешано судеб
И различных кровей!
Добираюсь до сути
Родословной своей.

Дед родился в Николу.
И один на один,
Был пока ещё молод,
На медведя ходил.

Шкуры в старом сарае
Много лет берегли.
От него, Николая,
Николаи пошли.

Но отец мой в атаке
Был сильнее во сто крат.
Выходил он на танки
Со связкой гранат.

А без вести пропавших
Сколько в нашем роду?..
По следам землепашцев
И служилых
Иду.

Не сгибались под ветром,
Не боялись огня.
В честь них
Именем светлым
И назвали меня.

Ну а если я струшу
В горьком беге минут,
Мёртвых прадедов души
Пусть меня
Проклянут.

ДЕРЕВНЯ

То гнев свой меняла на милость,
То вновь становилась строга.
Я вырос в деревне.
Я вырос
В краю, где до неба стога.

Где звёзды мерцали в затоне,
Где рук не хватало в страду,
Где исстари как на ладони
Всегда человек на виду.

Настырный –
Наивный по сути! –
Да и на подъём не тяжёл,
Чтоб в городе выбиться в люди,
Я рано отсюда ушёл.

Дорогой проверен на зрелость,
Я дело искал по плечу..
Мне многое в жизни хотелось,
Но честно признаться хочу,

Что, как бы мир ни был огромен,
Как наш ни оправдан побег,
В стенах деревенского дома
Душа остаётся навек!

РОДНОЙ ДОМ

Валентину Распутину

Снова в тесном доме соберёмся,
Три окошка – к реке под бугор..
А причина, возможно,
Лишь в том вся,
Что здесь мамка живёт до сих пор.

Мы смолистых дровишек наколем,
Засучив до локтей рукава.
На зелёном картофельном поле
Отцвела и пожухла ботва.

С чем сравнить материнскую старость?
С тяжкой участью тихих берёз,
На которых листья не осталось –
Всю по свету ветрище разнёс!..

Старший соль добывает в Усолье.
Младший брат обживает Москву.
Да и я в городок невысокий
Мать давно безнадежно зову.

Рвётся нитка в том месте, где тонко.
Ну а если она не тонка?!
Наша мать, коренная чалдонка,
Дом бросать свой не хочет пока.

Сердцем чует:
Пока он не продан,
Каждый связан надёжным узлом
И с землёю, откуда мы родом,
И с закатом за синим селом...

В доме, где не нажили богатства,
Где пока ещё мама жива,
Заставляет нас всех собираться
Неизбывная сила родства.

* * *

Звёзды в ключьях тумана
Догорают дотла.
Остроугою трёхгранной
Выплывает скала.

Чьё-то робкое эхо
Растворилось в лесу.
Лодки – днищами кверху –
На зелёном мысу.

Облака, как таймени,
Розовеют вдали,
Но скала ловит тенью
Отраженье зари.

По воде, как от рыбы,
Разбежались круги.
Рыбаки! Помогли бы
Снять зарю с остроги.

* * *

С отвоёванного детства,
Пережитого сполна,
Мне досталась в наследство
Только Родина одна,
С речкой,
С лугом,
С голосами

Птиц, поющих надо мной,
С городами и лесами,
Опалёнными войной.
Жизнь свою по воле сердца
Прожигая на бегу,
Неделимое наследство
От пожарищ берегу.
И одна забота только:
Всё наследие моё
Передать своим потомкам,
Уходя в небытие,
С речкой,
С лугом,
С голосами
Птиц, поющих в вышине.
С городами и лесами,
С добрым словом обо мне.

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Колокольчики,
Колокольчики –
Ни конца вам, ни края нет.
То ли морюшко,
То ли полюшко
Этот пляшущий синий цвет...
Озорная пора,
Озёрная!
Я и вспомнить теперь не смогу,
Сколько их,
Колокольчиков, сорвано
На ребячьем моём веку.
Я их ставил в стакан.
Подравнивал.
На пол стряхивал муравья.
Каждый,
Словно птенец подраненный,
Крылья медленно расправлял.
Снова в детство
Вернуться хочется
И по синему полю брести...
Колокольчики,
Колокольчики,
Обеззвученные в горсти.

ПО ТЫЛАМ КРАСНЫХ

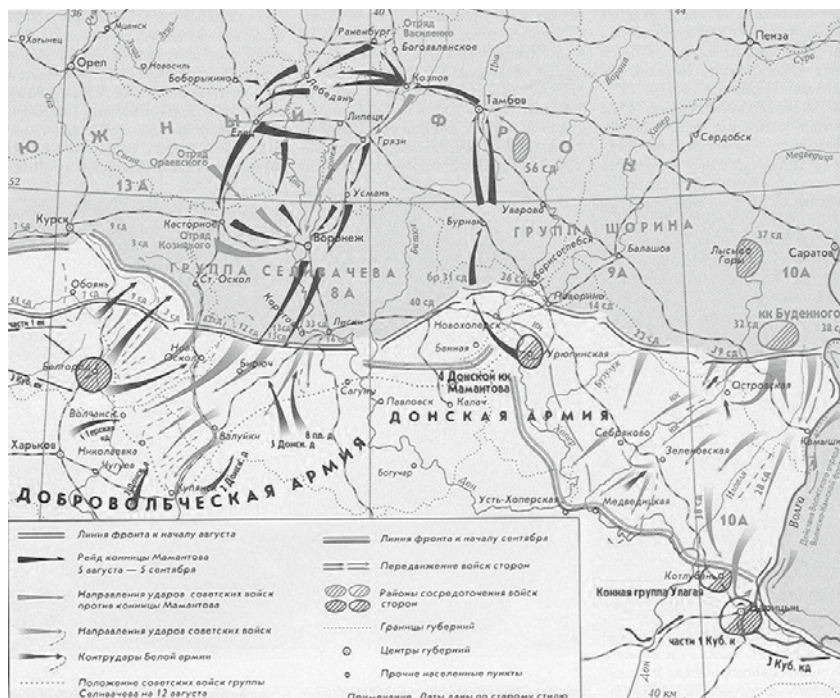
400-КИЛОМЕТРОВЫЙ РЕЙД ГЕНЕРАЛА МАМОНТОВА СПОДВИГ БОЛЬШЕВИКОВ НА СОЗДАНИЕ СВОЕЙ КОННИЦЫ.

В яростном ожесточении Гражданской войны по обе стороны фронта хватало и героизма, и трусости, и безоглядной веры (у кого – в «светлое будущее», у кого – в возвращение спокойной, понятной прежней жизни), и приспособленчества, и бескорыстного романтизма, и жадного мародёрства. Нередко всё это парадоксально уживалось в одних и тех же людях. Среди военачальников белой армии были и адмирал Колчак, в прошлом учёный, полярный исследователь, с манерами английского джентльмена, и как будто бы не склонный к жестокости Деникин, который тем не менее, подчиняясь законам войны, не останавливался перед любым кровопролитием... Что касается генерал-лейтенанта Константина Мамонтова, то

для него, похоже, война со всеми её ужасами стала родной стихией. Он был храбр, решителен, своеволен и безжалостен.

ДОНСКАЯ СТРЕЛА

К концу мая 1919 года положение большевиков было незавидным. В это время вся донская территория была освобождена белыми. 18 июня 1919 года армия генерала Врангеля овладела Царицыном, а отступающие части 10-й армии красных попали под мощные удары 1-го казачьего корпуса под командованием генерал-лейтенанта К. К. Мамонтова (*другое написание фамилии – Мамантов. – Прим. авт.*). Через два дня после взятия Царицына коман-

Рейд 4-го Донского конного корпуса летом – осенью 1919 г.

дующим Добровольческой армией Юга России А. И. Деникиным была утверждена директива о походе на Москву. Донская армия должна была продвигаться на запад, на линию Тамбов – Елец, но вскоре её командование решило нанести мощный удар в глубокий тыл красных. Для этой цели и был создан 4-й Донской, «мамонтовский» корпус. Приказ о его создании 28 июня подписал Деникин. Корпус составили сводные 12-я и 13-я дивизии, где командирами были Секретов и Толкушкин. Казаки хорошо себя чувствовали, отдохнув от кровопролитных боёв. Части полностью укомплектовали, вооружили, снабдили новым обмундированием. Был подобран и специальный конский состав. Перед

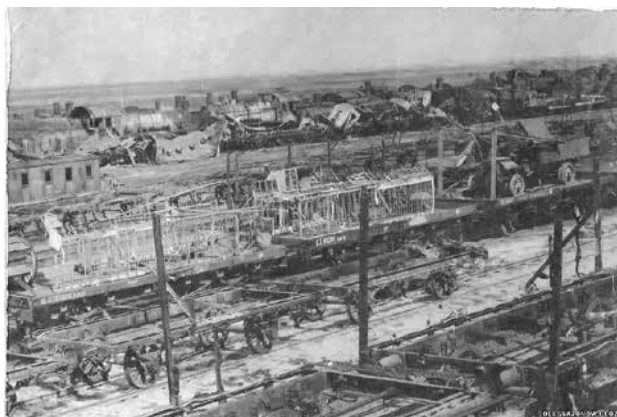
Мамонтов и генерал Плеханов

Мамонтовым была поставлена чёткая задача: «Прорвать фронт противника между Борисоглебском и Бобровом и, разрушив тылы красных, способствовать быстрейшему продвижению Донской армии, имея конечной целью овладение Москвою». Корпус должен был отвлечь значительную силу Южного фронта красных с правого фланга Добровольческой армии, обеспечивая тем самым возможность выполнения запланированного «похода на Москву». Однако в планах донского командования, к сожалению, не было необходимой согласованности и чёткости. Все изменения и уточнения вносились буквально в последние часы перед нача-

лом операции. В данной ситуации Константин Константинович принял самостоятельное решение, и на рассвете 22 июля 1919 года корпус нанёс свой первый удар в стык 8-й и 9-й красных армий в районе небольшого воронежского городка Новохопёрск. Таким образом пробив себе дорогу в тыл, корпус Мамонтова начал свой знаменитый рейд.

СЕЯ СМЕРТЬ И РАЗРУШЕНИЯ

Внезапное появление огромного конного корпуса в красном тылу вызвало не только потерянность, но и полнейшую панику. Без боя был сдан Борисоглебск. Здесь корпус задержался ненадолго, поджидая подхода обозов. Казакам пришлось перейти на самоснабжение. Утром 5 августа с налёта был взят губернский Тамбов. Горожане встречали казаков трёхцветными флагами, хоругвями. Под ноги коней летели цветы. Горожане надеялись, что вернулись долгожданные прежние времена и теперь они не будут испытывать ужасов и страхов перед всеильной ЧК. Теперь наступает время без всякого «коммунистического рая». Не будет

Окрестности Козлова после рейда Мамонтова

пайков, не будет «экспроприаций», грабежей и насилия.

Самого Мамонтова в эти дни можно было часто увидеть в вагоноремонтных мастерских, городском театре, рабочих клубах. Константин Константинович объяснял, что освобождение города само по себе не означает ещё полного освобождения страны от Советов, которые он называл не иначе как «рачьи», и призывал горожан к созданию добровольческих дружин. Под Тамбовом и была сформирована Тульская дивизия. В её состав вошли остатки гарнизона,

перешедшего на сторону казаков. Она ушла в рейд вместе с мамонтовцами.

В это время казачья дивизия Секретова двинулась на Козлов, где размещался штаб Южного фронта. Красные бежали, бросив всё имущество. Был захвачен даже бронепоезд самого председателя Реввоенсовета Л. Д. Троцкого, который успел уехать из Козлова за несколько часов до прихода казаков и забыл свою собачку. На станции Пушкири казаки уничтожили крупный склад артиллерийских снарядов. Оставив в Козлове небольшой отряд, мамонтовцы двинулись тремя колоннами дальше, причём главные силы направились на запад, на Лебедянь. В то же время, сбивая противника с толку и путая все карты красных, части корпуса стали угрожать и другим пунктам. Вскоре казачьи части подошли к Богоявленску. 26 августа разъезд левого фланга находился у станции Песковатка на железнодорожной линии Козлов – Грязи – Воронеж, а правый отряд, выделив около 300–400 штыков с артиллерией, повёл наступление на северо-запад, на уездный городок Раненбург. Защищавшие город красные стали отступать и разбегаться в разные стороны. Подошедший было и завязавший бой бронепоезд красных вскоре был захвачен. Раненбург пал. Казаки очистили его через два часа с подходом главных сил красных в составе пяти батальонов пехоты и кавалерийской бригады 56-й дивизии, поддержанных двумя бронепоездами и аэропланами. Взорвав мост через реку, казаки отошли на Митягино. А затем двинулись на город Лебедянь.

28 августа город был взят без боя. Запасной полк красных и ревком разбежались, когда казаки находились ещё в 18 верстах от Лебедяни. 12-я дивизия, составляющая правую колонну корпуса, в ночь на 31 августа расположилась в районе станции Боборыкино. Две другие дивизии от Лебедяни повернули на Елец. В ночь на 1 сентября (по другим данным – 31 августа. – Прим. авт.) мамонтовцы ворвались в этот старинный город, гарнизон которого встретил их с музыкой. Занятие произошло так быстро, что советские учреждения не успели эвакуироваться и остались в городе. Соппротивление белым оказали только два бронепоезда, с которыми

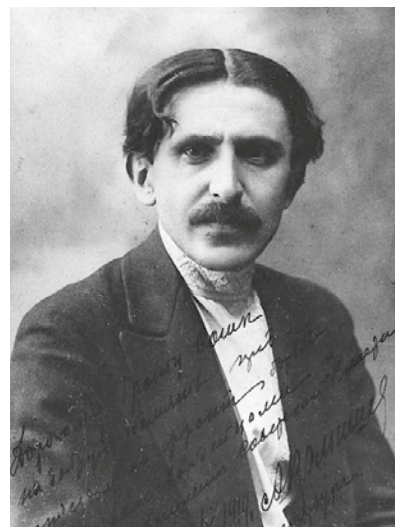
вели бой части 8-й конной бригады. Ими и были захвачены эти бронепоезда. Мамонтовцы захватили в придачу броневики красных. В руки казаков попала починочная автомобильная мастерская Южного фронта, склад боеприпасов, в котором находилось до 50 тысяч 3-дюймовых снарядов, интендантский склад и починочные мастерские 8-й и 13-й армий, вагон винтовок, 20 тысяч пар интендантских сапог и около 60 миллионов рублей. По приказу Мамонтова казаки взорвали 36 вагонов со снарядами, а на станции Измалково уничтожили составы с нефтью и керосином. На станции Боборыкино было захвачено 12 грузовиков с интендантским имуществом. В Ельце генерал всячески старался подчеркнуть освободительную миссию своего рейда. В одном только Ельце жителям выдали по полтора пуда сахара на семью, а каждый работавший на взрывании снарядного склада получил в виде платы по 30 аршин мануфактуры. Была объявлена в городе и запись добровольцев в ряды местной самообороны и Тульской дивизии, выросшей до 3 тысяч штыков. Был создан особый 1-й Елецкий полк.

В боях за Елец погиб комиссар батальона, поэт, драматург А. А. Вермишев. Его, привязанного к лошади, волоком притащили в штаб Мамонтова. Константин Константинович знал, что Вермишев написал на него эпиграмму, но тем не менее предложил перейти на его сторону. Комиссар отказался. Белоказаки подвергли его страшным пыткам: отрезали по частям пальцы, нос, уши, а затем, повесив на заборе вниз головой, изрубили его тело на куски.

Утром 4 сентября корпус из Ельца двинулся тремя колоннами на юг и юго-восток в общем направлении на Воронеж.

ПРИКАЗАНО ВОЗВРАЩАТЬСЯ

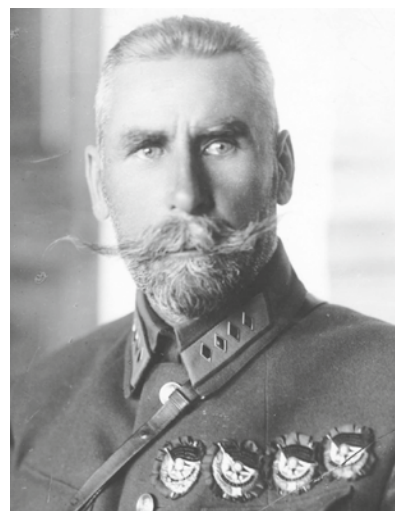
Мамонтов к этому времени вторично получил прямые указания из ставки о немедленном возвращении корпуса назад. Приказ доставили чудом нашедшие его лётчики Битте и Баранов. В случае неповиновения все офицеры предавались военно-полевому суду. На военном совете было решено выполнить приказ Деникина. Правая колонна белоказачков, пройдя за день 70 вёрст, после артиллерийского боя заняла станцию Набережную. Средняя колонна двинулась на Задонск, и утром 5 сентября её передовые части появились у села Борино и села Кривки. Белоказаки разрушили железнодорожные пути у станций Дрязги и Прибыtkово, а у станции Казинка взорвали железнодорожное полотно Грязи – Липецк. Первая попытка овладеть Задонском – «русским Иерусалимом», – на захват которого было брошено два конных полка и один пехотный, не увенчалась успехом. 6 сентября левая колонна корпуса заняла узловую станцию Грязи. В момент её захвата на ней находились 19 паровозов

А.А. Вермишев

Б. Д. Толкушкин

Я. Ф. Фабрициус

Офицеры штаба Мамонтова

и 4 000 вагонов. Здесь мамонтовцы взорвали бронепоезд «Атаман Чуркин» и захватили два эшелона с имуществом бежавших из Воронежа коммунистов. Введя в бой дополнительные силы, мамонтовцы овладели и Задонском. 7 сентября белоказаки ворвались в уездную Усмань. «Вождь» местных большевиков Н. Н. Исполатов, нагрузив бричку своим имуществом, укрылся в лесу. Гарнизон города не стал сражаться. Солдаты просто побросали винтовки, хотя им обещали поддержку бронепоездами. Театр военных действий корпуса Мамонтова занимал огромный район, причём главные силы находились в центре треугольника Лебедянь – Козлов – Липецк, разведывательные и охранные отряды белоказаков были направлены на все стороны. Вблизи корпуса были сосредоточены силы красных, состоявшие из одного пехотного полка на станции Грязи, другой располагался в Липецке. Отряд Я. Ф. Фабрициуса в 4 500 штыков вскоре захватил Елец. Кроме того, около 2 500 штыков располагались в районе Данков – Астапово. В районе Козлова красное командование сосредоточило кавалерийскую бригаду 56-й дивизии с курсантами. Их поддерживали бронепоезда и авиация.

Таким образом, все пути на Москву были Мамонтову, по сути, перекрыты. И Константин Константинович был вынужден идти на соединение с основными силами белой армии. 19 сентября 1919 года мамонтовцы соединились с корпусом Шкуро.

Так закончился 40-дневный рейд казачьей конницы, двухтысячевёрстный рейд, обессмертивший 4-й Донской корпус и его командира. После этого рейда были разрушены железные дороги, телеграфные и телефонные коммуникации в тылу Южного фронта, перерезаны стратегически важные железнодорожные линии Раненбург – Елец и Грязи – Елец – Ефремов, разгромлены и распущены по домам десятки частей Красной армии. Только в одном Задонске было захвачено имущества на колоссальную сумму – 2 259 580 рублей, а по подсчёту красных, белоказаки нанесли общий убыток в этом городе на сумму в 2 347 230 рублей. А сколько было пролито русской крови, о том и говорить не приходится. А она и у белых, и у красных ведь одного цвета...

Виктор ЕЛИСЕЕВ

СГИБНЕВ.

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

Воскресным июльским днём 1919 года в восточном от Томска направлении следовала рота капитана Баранова из 46-го Сибирского стрелкового полка белой армии. Белогвардейцы двигались в волостное село Ново-Кусково Томской губернии для охраны земской больницы.

Погода стояла жаркая и сухая. И если передние телеги начинали двигаться чуть быстрее, на задних сразу становилось нечем дышать от поднимаемой пыли. Впереди и по сторонам обоза следовало конное боевое охранение. Для этой цели имелось достаточное количество верховых лошадей.

На второй день пути рота вступила в пределы Ново-Кусковской волости. Дорога виляла меж берёзовых и осиновых околков, одетых в сочный зелёный наряд. В знойном небе плавали белёсые кучерявые облачка. Солнце стояло в зените и палило нещадно. От буйного разнотравья шибало пряным духовитым настоем, а от обоза – конским потом и дёгтем. В прохладе леса на все голоса насвистывали и нащёлкивали его пернатые обитатели. В траве до звона в ушах трещали кузнечики. В музыку природы вплетался и тонкий комариный звон, и густой

Генерал-майор Степан Михайлович Сгибнев, 1948 г.

гул неотвязных паутов. Всякая живая тварь пела свои песни. Жизнь кипела во всём великолепном многообразии её проявлений.

Степан Сгибнев ехал в середине обоза. Думал о превратностях судьбы. Жизнь, ещё такая недолгая, уже не впервой круто повернула.

Родился он 22 декабря 1898 года в многодетной крестьянской семье двенадцатым по счёту. Замыкающим. Отец, Михаил Павлович, умер от скоротечной чахотки, когда Стёпе исполнилось четыре года.

Детства в общепринятом смысле этого слова у Стёпы практически не было. Типичная судьба типичного крестьянского пацанёнка. Развивающаяся промышленность нещадно пожирала труд, в том числе и детский. Дикий капитализм по-русски порождал и социальную базу для последующих революций. Предупреждения 1905 года не услышали...

В январе 1917-го Степана призвали в царскую армию, направив в Томск, в учебную команду. Там и застала его Февральская революция с её половодьем митингов и красивыми байками о свободе, равенстве, братстве, народовластии и о войне до победного конца.

Улицы полнятся возбуждёнными, радостными толпами людей с красными бантами на лацканах пальто. Реют красные знамёна. Звучат революционные песни. После свержения самодержавия в обществе господствуют либеральные настроения, все ждут значительных перемен к лучшему. А в частях русской армии проходят митинги. Перед солдатами выступают ораторы самого разного толка. И прилично одетые господа, и волосатые интеллигенты, и ещё какие-то крикливые личности. Наперебой болтают о свободе, равенстве, братстве, народовластии, о войне до победного конца.

Властители дум зовут в светлое будущее, ко всеобщему счастью, которое с неизбежностью постигнет последующих за ними. Звучат туманные намёки на Учредительное собрание, должно воздать каждому от «общего пирога».

Про братство, равенство, а особенно про свободу Степан всё понял и самодемобилизировался. Дезертировал, в общем. Эх, успеть бы, не опоздать к вожделенному дележу «общего пирога», хапнуть бы кусок пожирнее. Демократия же, братцы!

«Куски», и те, которые пожирнее, и те, что попостнее, расхватили другие. Первая в мире революция из ряда цветных увенчалась полным успехом – развалом страны и армии! Жизнь пошла вразлом. Пороховая бочка бессмысленного и беспощадного русского бунта гроыхнула в очередной раз. За Февральской по-

следовала Октябрьская революция. Затем в Сибири объявился верховный правитель – Колчак Александр Васильевич – с его правопорядком.

Русские принялись убивать русских. Одни – по убеждению, другие – по принуждению. В ночь под наступающий 1919 год Степана Сгибнева загребли. Загребли рядовым в колчаковскую армию. Так по воле судьбы он оказался в белой армии. И сейчас Степан пылил в Ново-Кусково. Пылil по приказу подполковника Пепеляева Анатолия Николаевича.

Кто таков этот Пепеляев, Степану до недавнего времени было совсем не интересно. Да и сейчас по большому счёту тоже.

Приказы в армии обсуждать не положено. Положено исполнять. Без умения подчиняться в армии карьеру не сделаешь. Хотя рядовой Сгибнев меньше всего на свете думал о карьере военного в то время.

Слева направо: Башкатов, Хабаров, Сгибнев. Томск, 1919 год

Личный состав роты расквартировали в селе. Солдаты обустроились на новых местах и принялись нести службу. Ни тягот тебе, ни лишений, которые устав предписывает преодолевать с надлежащей стойкостью. Лафа.

А воинская дисциплина? А воинской дисциплине при таких обстоятельствах рано или поздно наступает каюк. С кончиной дисциплины войсковая часть перестаёт быть таковой. Анархия не может быть матерью порядка, хотя батька Махно утверждал обратное.

В роте с течением времени сформировались кружки по интересам. Кто увлёкся картами, кто женщинами, кто охотой с рыбалкой. Почти все увлечения сопровождались возлияниями. Возливались самогоном, или самосидкой по-тутошнему. Самогон тот ещё детонатор в наших палестинах разных баламутств и перестроек.

Очередное баламутство затевалось в тесной горнице дома Сухачёва Александра Ивановича, тускло освещаемой висячей лампой. Густым слоем плавал сизый табачный дым. За столом, уставленным бутылками с мутноватым самогоном и деревянными чашками с немудрящими деревенскими закусками, допоздна засиделась небольшая холостяцкая компания. Унтер-офицеры: Иосиф Хабаров, Фёдор Романцев, Николай Серебряков, Николай Силко, Николай Новиков, ротный фельдшер Александр Башкатов и рядовой Степан Сгибнев живописно расположились вокруг накрытого стола.

Компания как компания. Ничем для тех лет ни разу не примечательная. Странновато, пожалуй, выглядел самогон, ещё по первому разу разлитый по стаканам и остававшийся стоять не тронутым. Согласитесь, грубейшее нарушение традиций русского застолья.

Сотрапезники смолили самокрутки, не жалея самосада, и оживлённо переговаривались негромкими голосами (и снова грубое отклонение от канонов широкой русской пьянки), поглядывая на хозяйскую половину избы. Участники тайной вечера явно опасались быть подслушанными.

Обсуждался замысел. Замысел восстания, которое должно было начаться с ликвидации больничного караула. Для этой цели и созда-

ли специальную ударную группу под началом Степана Сгибнева. Но вот к часовым запросто на кривой кобыле не подкатишь. Необходимо знать пароль. Иначе, будь ты даже трижды специальная группа, подойти к караульному помещению не удастся. Лезть напролом? На авось? Сколько прекрасных замыслов авось-то и загубило!

Поэтому постарались учесть малейшие детали. Тем более что расклад сил до последнего времени по-прежнему оставался не в пользу заговорщиков.

Да, ребята готовили заваруху. Бунт или восстание? Забегать вперёд не буду с ответом – время покажет. Удачно завершится затея – значит, восстание. Нет – то бишь бунт случится.

В роте бузотёров, готовых рискнуть, насчитывалось всего тридцать восемь человек. Тогда как кулацкие добровольцы с офицерами обладали несомненным превосходством.

Конечно, среди личного состава имелось и немало насильно мобилизованных солдат и унтеров, которые, как справедливо полагали заговорщики, должны примкнуть к восставшим. А вдруг бабка скажет надвое – и пиши пропало, не выкажут бойцы желания бунтовать?

Потому-то и намечалось в первую очередь ликвидировать больничный караул, представлявший мятежникам наиболее организованной боевой единицей.

По плану восстания сигналом к выступлению должны были послужить выстрелы в районе больницы. Причём каждая из групп имела своё чётко определённое задание.

Предусматривались планом и кой-какие военные хитрости, обманные меры. К примеру, дабы сбить с толку офицеров и кулацких добровольцев, заговорщики с началом стрельбы начинают кричать: «Тревога! Партизаны наступают!» Выскочившие на улицу идейные борцы за белое дело тут же и уничтожаются. Причём желательным холодным оружием во избежание случайных жертв среди мирных жителей.

Пароль? Да хрен с ним, с паролем! Скажем, что срочно заболели...

Обсуждать стало нечего, и за столом воцарилась гармония – зазвенели стаканы: сперва выпили за победу красных над колчаковцами,

потом – за мировую революцию, следом – за успех задуманного восстания. После каждого тоста за столом становилось оживлённое и оживлённое. Пошли разговоры.

На следующий день группа Степана Сгибнева выступила последней, но действовать ей предстояло первой.

Время выдвижения выбрали, рассчитывая к наступлению сумерек занять исходные позиции. Шли молча. Студёный порывистый ветер пронизывал насквозь лёгкие форменные тужурки из шинельного сукна, слепил глаза колючей снежной крупкой. Широкая деревенская улица была тиха и пустынна. Нигде ни души. Село будто вымерло. Собаки влаивали в отдалении с нагоняющим тоску подвывом, с роковой безошибочностью предвещая появление покойника или покойников.

Степан шёл, не замечая ничего вокруг. Даже пронзительного, по-зимнему сурового холода. Волнение, охватившее его, изливалось изнутри лихорадочным жаром. Он вспотел. Слишком большая ответственность свалилась на него перед самым выступлением.

Задача перед ними стояла на первый взгляд чёткая и ясная – ликвидация караула в районе больницы. В случае неудачи делить вину будет не с кем, спрос за неправильные решения с одного человека, с него – Степана Сгибнева.

Сильно смущала жестокая необходимость ликвидации часовых. К сожалению, физическое уничтожение часовых в данных обстоятельствах – единственно приемлемый вариант. Любым способом. Рассусоливать и жевать сопли времени не будет. Если на посту окажутся кулацкие добровольцы, задача значительно облегчится – прикладом по башке, и делу конец. А если насильно мобилизованные? Сгибнев не хотел проливать невинной крови. Но нет у него права и рисковать судьбой восстания. А вдруг тот же насильно мобилизованный солдатик сдуру возьмёт и поднимет тревогу? Переполошится караул, начнётся стрельба, шансы, как минимум, выровняются, значит, смело ставь крест на успехе всего восстания. Ведь по-прежнему заговорщики находятся в численном меньшинстве.

Больница стояла на довольно высоком взгорье в окружении белоствольных берёз. Её бревенчатые, крашенные яркой охрой и крытые железом корпуса выглядели опрятно и даже чопорно на фоне печального предзимнего запустения. Левее по тому же взгорку возвышался добротный особняк доктора Лампсакова под высокой железной крышей, не уступавшей больничным. Он высокомерно довлел над почерневшими кособокими избёнками деревенской улицы, притулившейся внизу у самых Соколов. Её именовали на селе почему-то Матершинной.

Степан Сгибнев со своей сравнительно малочисленной группой шёл в открытую.

Как раз в это время начальник больничного караула младший унтер-офицер Мотов, успев наведаться к сестре-хозяйке больницы, где угостился стаканом чистейшего, словно сле-за, крепчайшего, словно первач, медицинского спирта, воспитывал дневального:

– Я тебе что, хрен твоей морде, балалайка, что ли? – допытывался он у молодого художавого солдата, стоявшего у выходной двери с независимым видом. – Отвечай, когда тебя спрашивают!

– Никак нет!

– Что значит «никак нет»?

– Не балалайка.

– Так почему ж ты, хрен твоей морде, мне сёдни опять сапоги не почистил?

– А такого даже в царском уставе не было записано, чтоб дневальный сапоги кому-то чистил...

Караульные свободной смены коротали время всяк по-своему. Одни задавали храпака на деревянных нарах, укрывшись форменными тужурками, другие резались в подкидного дурака, третьи чинили обмундирование. Но звуки громкого воспитательного процесса заставили свободную смену оставить нехитрые занятия и полностью сосредоточиться на прослушивании бесплатного концерта. Даже храп прекратился.

Судя по всему, разговор грозил обернуться крупными неприятностями для дневального, но в это время с треском распахнулась дверь, и в караульное помещение ворвались заговорщики,

*Ново-Кусково. Вид на больницу. Сейчас
это музей Гражданской войны*

моментально взяв под прицел винтовок опешивших караульных. Незадачливый дневальный едва успел отскочить в сторону, давая им дорогу.

– Всем оставаться на местах! Руки вверх! – сурово приказал Сгибнев, занимая меж тем позицию с наганом наготове у ружейной пирамиды.

Запоздало, по вполне понятным причинам, среагировав, унтер Мотов метнулся к двери, но дорогу ему преградил более расторопный дневальный.

– Куда, сволочь?!

Рука по-прежнему высокого воинского начальника скользнула к кобуре, однако снова бдительный дневальный оказался быстрее: перехватив запястье одной рукой, с помощью другой ловко заломил верхнюю конечность унтера за спину.

– Слухай, Сгибнев, ну а нас-то, остальных, чего на мушке держите? – вдруг вознегодовал один из караульных, степенный рыжеватый солдат. – Мы ж такие ж, как и вы, так принимайте в свою компанию. Нам ить тоже не по нутру власть колчаков, мать её разъети-то. Вместе и будем крушить христопродавцев. Верно, ребята?

– Верна!..

– Правильна!.. – дружно загалдели остальные караульные.

– Ну, раз такое дело, разбирайте оружие! – просиял Сгибнев.

– А с этим-то что делать будем?

– В распыл его!

– К стенке!

– Вы за нас кровью умоетесь, хрен вашей морде! – подал голос младший унтер-офицер. – Изменники! Иуды проклятые!..

– Кончай баззззз! – оборвал его Степан. – Марш на выход!

Мотова вывели во двор и поставили у бревенчатой стенки караульного помещения.

Унтер напоследок завопил: «Измена!» Но грохнувший выстрел оборвал крик на полуноте.

– Вот тебе и хрен твоей морде! – ткнул прикладом безжизненное тело недавний дневальный. – Доорался, гад! – И, вскинув винтовку на плечо, потребовал: – Давай, Сгибнев, командуй дальше. Кто там у нас на очереди?

– Айда, к штабу! – коротко распорядился Степан...

...Что было дальше? Новорождённый красный отряд после восстания отправился в рейд по нижнему Причулымью. Путь отряда пролегал по незнакомым таёжным местам с редкими селениями, расположенными по берегам Чулыма и его притоков. Началась суровая сибирская зима. Бойцы зябли, не имея зимнего обмундирования. Ничем не подбитые суконные бушлаты плохо держали тепло. Грелись в движении. На привалах жались поближе к кострам. Полностью удавалось согреться только на ночёвках в деревнях или на таёжных заимках.

Боевой путь отряда закончился в Молчанове 23 декабря 1919 года. Здесь его застало известие о вхождении в Томск частей 5-й армии Восточного фронта красных, в состав которой он и был вскоре включён в качестве стрелкового батальона.

Так началась карьера Степана Михайловича Сгибнева, выходца из народа, малообразованного, но смекалистого, от природы умного. Что называется, был никем – стал всем. Он и пережил вместе с нашей армией все поражения, без которых, собственно, и не было бы Великой Победы. А в августе 1945 года генерал-майор Степан Михайлович Сгибнев, будучи командиром 293-й стрелковой дивизии, принял капитуляцию и личное оружие японского генерал-майора Намуры.

Александр СУХАЧЁВ

Валерий РУМЯНЦЕВ

* * *

Январской тусклою зарёй,
Что свет с небес едва впустила,
Над охладевшей землёй
Метался ангел белокрылый.
И с высоты на чёрный лес,
На льдом окованные реки
Он сыпал белый снег с небес,
Чтоб белым сделать всё навеки.
И покрывалась белизной
Вся грязь в природе понемногу,
И наступал на мир стеной
Покой, торжественный и строгий.
Но чужд покой людским сердцам,
И разгораются кострища.
Мир – хижинам, война – дворцам,
А людям – зрелища и пищу.
Спасаясь от зимы огнём,
Они весну зовут с надеждой.
И, плюнув слякотным дождём,
Умчался ангел белоснежный.

* * *

Я недвижим лежу в постели
И сквозь стекло смотрю на свет.
Уже четвертую неделю
Как сил из дома выйти нет.

А за стеклом под синим небосводом,
Как пух, летят куда-то облака,
И пенные стремительные воды
Уносит говорливая река.
Обветренные вымытые скалы
Стоят по пояс в струях ледяных.
Огромные, как шапки аксакалов,
Охалки трав устроились на них.
Сверкает солнце в брызгах-самоцветах,
Сверкает снег на склонах дальних гор.
Ковром цветов всё устелило лето,
Вокруг построив каменный забор.
А там, вдали, чернеющие ели
Отважно держат натиски лавин.

И даже из обезумевших селей
Сквозь ели не прошёл бы ни один.
На белом фоне лоскутком сукна
Ущелье словно резаная рана.
Такой вот вид из моего окна –
Неутомимого телеэкрана.

О СОВЕСТИ

Есть в сердце человека две пружинки,
Они хранят баланс добра и зла.
Одна из них холодная, как льдинка,
Другая раскалилась докрасна.
И сердце человека выбирает,
Какую из пружинок предпочесть.
Вот почему в сердцах людей бывает
И эгоизм, и доброта, и честь.
Одна пружинка совестью зовётся,
И кто пружинку эту предпочтёт,
Тому удел нелёгкий достается:
Он весь в сомнениях мучительных живёт.
Диктует совесть поступать по чести,
И это вызывает часто злость.
Ум, доброта и справедливость вместе
Стоят у многих в горле, словно кость.
Без совести жизнь незамысловата.
Душа в сомнениях не бьётся, не болит.
Себя ни в чём не мысля виноватым,
Бессовестный живёт, как пуп земли.
Беря от жизни всё, что удаётся,
Рассеянно плюёт на всех вокруг
И барственно над совестью смеётся,
Её считая за смешной недуг.
Без совести легко прожить на свете,
Но те, кто выбирает этот путь,
Рискуют, что их собственные дети
Когда-нибудь решат их в грязь спихнуть.

* * *

И свет, и тьма, и боль, и страх,
И хлеб, и зрелища, и войны,
И Галилей, и Фейербах,
И горы, и полей раздолье,
И небеса, и бег реки,

И пенье птиц, и смех гиены –
Всё в этой жизни пустяки
Перед загадкою Вселенной.

* * *

Большое знание несёт большое горе.
Куда несёт, зачем несёт – загадка.
Но в знании, огромном, словно море,
Есть горечь настоящей шоколадки.
Кому-то сладких плиток суррогат
Покажется на вкус безукоризнен.
Но в каждом суррогате скрыт яд,
Крадущий часто смысл из нашей жизни.
Бессмысленность – источник наших бед,
И полный штиль куда опасней бури.
Неизлечим духовный диабет,
А инсулина чувств не существует.

* * *

Огонь костра воспоминанья будит,
Хоть много лет прошло уже с тех пор.
Моя душа вовеки не забудет
Тот ветром раздуваемый костёр.
Тогда я жил под именем Джордано,
Теперь сменил и имя, и лицо,
Но, как и прежде, полчища баранов
Кидают хворост на костёр отцов.

* * *

Когда в душе отчаянье и боль
И кажется, что жизнь – пустая шутка,
Не забывай, что всё перед тобой
Всего лишь отражение рассудка.
А отражение порою может лгать,
Коль зеркало кривое попадётся,
Поэтому не торопись страдать,
Быть может, всё ещё и обойдётся.

* * *

Стою на вершине, и ветер колышет
Остатки волос на моей голове.
Грудь воздухом гор с упоением дышит,
И чувство свободы всё крепче во мне.
Стою на вершине. Как весело падать,
Должно быть, отсюда в зовущий провал.
Но прежде летать научиться мне надо,
Я этой науки ещё не познал.
Хоть, кажется, крылья растут за спиной,
Рассудок твердит, что всё это – мираж.
Дух гор для меня испытанье устроил,
Не нужно впадать в неестественный раж.
И я не впадаю. А как бы хотелось.
И птицей колотится сердце в груди.
Но главное – здесь зарождается смелость,
А всё остальное ещё впереди.

* * *

Когда все мысли спутаны в клубок
И не желают выходить на волю
И кажется, что даже пары строк
Ты написать не в силах будешь боле,
Когда обступит жизни суета,
Словно толпа поклонников артиста,
И белизна тетрадного листа
Всё остаётся первозданно чистой,
Пронзит вдруг сердце сладостная боль,
Предвестница его прикосновенья, –
И в звуках музыки предстанет пред тобой
Прекрасное, как чудо, вдохновенье.

* * *

Жить на своё усмотрение –
В этом свободы соль,
Только вот тем не менее
Это ещё и боль.
Жизнь на своё усмотрение
Не из утех одних.
Часто это горение,
Чтобы согреть других.

Моя детская память глубоко хранит эпизоды из жизни моей семьи. Они даже через многие десятилетия вызывают волнующие и непростые воспоминания о том времени. Помню как-то, мне было тогда около трёх лет, мы с отцом прогуливались в саду. День был солнечный, тёплый и весенний, овеянный утренней свежестью и ароматом цветущих в саду яблонь, груш и вишен. Слышалось щебетанье птиц, жужжание пчёл и шмелей, стрекот кузнечиков. Разноцветные бабочки неспешно порхали над казавшимися волшебными бело-розовыми цветами вишен и слив. Сад был наполнен весёлым гомоном вечно спорящих синичек, щеглов, чижей, воробушков и крикливых скворцов. Отец взял меня на руки. До сих пор помню их теплоту и надёжность. Я потянулся к испускавшему завораживающий медовый аромат распустившемуся соцветию вишни, хотел сорвать его. Отец, разгадав моё намерение, наклонил цветущую веточку вишни к моему лицу и на задательство произнёс:

– Вдохни аромат цветущей вишни, и ты почувствуешь запах вишнёвого мёда. Если сорвёшь цветок, то пчёлки, которые добывают нектар из цветков, меньше принесут его в до-

мик-улей, а значит, меньше будет и мёда, в который пчелы перерабатывают нектар. Кроме того, труженицы-пчёлки и разноцветные бабочки, перелетая с одного цветка на другой, опыляют их, после чего из цветков вырастают плоды – вишни, яблоки, груши, ягоды малины и смородины. Поэтому никогда не срывай таких цветков. Они подарок природы всем нам – детям, взрослым, пчёлкам, бабочкам и всем другим существам. Это основа жизни.

Не всё я понял тогда в словах отца, но навсегда запомнил это весьма познавательное наставление. Позже я узнал от отца, почему белые бабочки больше летают над белыми цветками фруктовых деревьев, лимонные бабочки – над деревьями цветом сродни лимонному, а разрисованные цветами радуги крылатые создания резвятся над деревьями с цветками смешанной комбинации цветов. Природа наделила их свойством скрываться от своих естественных врагов (птиц), сливаясь с цветовой гаммой цветущих деревьев и других растений.

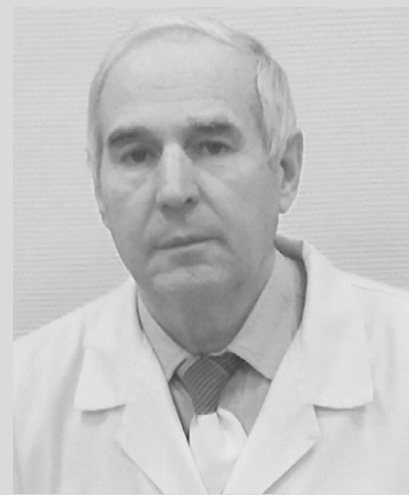
Отец любил природу. Наша усадьба практически вся была засажена плодовыми деревьями и ягодными кустарниками. В саду были разные сорта яблонь, груш, вишен, слив.

В тридцатые годы он от колхоза проучился на курсах по садоводству и огородничеству. Это дало ему возможность грамотно, с учётом агротехники заложить и в дальнейшем вырастить первый колхозный сад. С помощью прививок он систематически обновлял сад новыми сортами. В нашем огороде всегда был питомник, где он из семян разных сортов плодов выращивал саженцы. Я всегда удивлялся, как он бережно и трепетно относился к их выращиванию. Эта любовь к маленьким живым стебелькам проявлялась на его русском лице необыкновенной улыбкой, спокойствием и деловитостью. Растения чувствовали его любовь к ним и отвечали тем же – росли бурно, не болели и хорошо плодоносили. Эта любовь к садоводству, по-видимому, передалась по наследству и нам. Отец перед войной планировал посадку второго, более масштабного колхозного сада.

Война не только лишила детства, но и обрушила всю нашу жизнь. Деревня находилась вдалеке от основных направлений движения фашистских полчищ. Поэтому к нам наведывались небольшие немецкие команды за фуражом и продовольствием, которые отбирались у жителей с помощью местных полицаев. Эти же «бандитские команды», как мы их называли, проводили в деревнях и сёлах зачистки коммунистов, советских работников, активистов. Семьи их подлежали уничтожению, дома сжигали часто вместе с семьями. Мой отец перед войной работал председателем сельсовета и с точки зрения немецких властей считался неблагонадёжным, поэтому он сам и вся наша семья подлежали уничтожению. Списки неблагонадёжных семей готовили для немецких властей местный полицай Косцов и его приспешники – урядник и староста. Из моей памяти до сих пор не исчезла жуткая картина одного дня, который должен был стать последним днём жизни моей семьи.

Летом 1943 года мы – дети (шестеро) и мать – находились в своей хате, когда услышали за окном во дворе грубую незнакомую речь. Прильнув к окну, я увидел военных с винтовками, некоторых – с автоматами в руках. Высокий рыжеволосый немец в офицерской форме (как я потом узнал), размахивая рукой с пистолетом, отдавал какую-то команду другим немцам и полицаям, находящимся рядом с ним. Те бегом начали выносить сено из сарая и укладывать его под стены нашего бревенчатого дома. Все мы с ужасом и в слезах бросились прятаться на печку. Мать держала годовалого брата Володю на руках, стояла перед образами, причитала и молилась. Резко распахнулась дверь, и в хату ввалилась группа страшных злодеев во главе с полицаем Косцовым – немецкий рыжий офицер и несколько немцев с автоматами наперевес, которые сразу направили чёрные смертельные стволы в нашу сторону, а мы кучкой, в страхе и слезах, сидели в углу на печке. Полицай, тыча винтовкой в мать, говорил офицеру, что она жена председателя сельсовета,

Виктор СЕМЕНОК

Врач высшей категории, несколько лет проработавший в Центральной районной больнице в знаменитой на весь мир станции Вёшенской, хорошо знавший Михаила Шолохова, не раз оказывавший медицинскую помощь великому писателю.

а муж её (наш отец) находится в партизанах, поэтому всех нас надо немедленно расстрелять и сжечь вместе с домом. Мать вместе с ребёнком пошатнулась, с трудом удерживая младшего братика, рыдая, просила пощадить хотя бы невинных детей. Полицай тыкал винтовкой в спину матери и продолжал что-то ещё объяснять немецкому офицеру. Я видел, как рыжий поднял вверх руку, как защёлкали направленные в нашу сторону автоматы и винтовки. Слезы застилали мне глаза. В ожидании чего-то ужасного и неизбежного я рукой пытался протереть глаза от слёз.

И вдруг как гром среди ясного неба в хату ворвались душераздирающий вой и ба-

Памятник детям войны в Ульяновске

бий крик. Бабы загородили нас живой стеной, хватали за руки и одежду солдат и в слезах с мольбой просили пощадить невинных детей. Это были простые русские женщины-колхозницы, жившие по соседству: бабушка Варвара Арсоновна, тетка Фёкла, тетка Грициха, старая-престарая Замудриёниха, её дочь Настя. Эти последние, кстати, были дальними родственницами полицая Косцова. Все, кто был до этого в хате, оцепенели. Полицай и немцы тупыми взглядами уставились на офицера, ожидая команды-приговора. Тот повернул голову в их сторону, что-то невнятно сказал, и немцы неохотно опустили автоматы и винтовки. Косцов отошёл от матери. В хате установилась мёртвая тишина. Только мы, затаив дыхание, еле-еле всхлипывали, боясь пошевелиться, да на полу билась ошалевшая от ужаса и сердечной боли женщина – наша мать. Офицер сунул пистолет в кобуру, махнул рукой в сторону двери, и все немцы, толпясь, гурьбой вышли из хаты. Старший брат Вася и сестра Саша, не веря в чудесное спасение, кубарем слетели с печки и уставились в окна. Бабы всё плакали, обнимали

нас и оттаскивали от окон. Немцы уходили от нашей хаты, урядник грозил винтовкой, видя нас в окнах.

Вспоминая этот до боли и слёз жуткий эпизод, я часто задавался вопросом, что заставило немецкого рыжего офицера остановить расправу над нашей семьёй. Жалость к безвинным детям или трезвый расчёт, а может, биологическая реакция организма на воющих женщин, вопиющих в мольбе о помощи к Всевышнему? Как бы там ни было, но мы остались живы благодаря коллективному материнскому инстинкту простых деревенских русских женщин, помешавших дьявольскому намерению немецкого офицера.

После этого случая мы постоянно прятались. Ходили озираясь и прислушиваясь. Днём мать уводила нас в лес, в болотистую местность, на ночь разными тропами приводила в деревню, размещая на ночлег у добрых людей. Так мы выживали, пока советская армия не прогнала немцев. В конце лета 1943 года ночью в нашей деревне появились партизаны, выловили полицая Косцова и расстреляли его. Моя мать, Матрёна Наумовна, 1908 года рождения, родившая, но не успевшая вырастить шестерых детей, после этих событий стала седой и больной и 10 ноября 1943 года умерла, оставив нас малолетними сиротами, так как отец в это время был на фронте и письма от него по понятным причинам к нам не доходили. Старшей из нас была моя сестра Саша, 1934 года рождения. Ей пришлось быть для нас, меньших, нянькой, воспитательницей и кормилицей, пока не вернулся с фронта отец.

После освобождения нашей деревни трудности и нужда для нас, а также и других детей – жителей нашей деревни – не закончились. Зима 1943–1944 года была особенно тяжёлой. Голод, холод, тиф, скарлатина и другие детские болезни «косили» детей беспощадно, уносили в могилу очень многих. Почти в каждой семье нашей деревни половина детей вымерла из-за отсутствия медицинской помощи и от голода. Отец, вернувшись с фронта, увидел в живых только нас троих – Сашу, меня и младшего брата Володю. Все мы, дети войны, были хилыми,

тощими, с подорванным здоровьем и психикой. Такая же участь постигла всех детей оккупированных и блокадных территорий. Детство детей войны начиналось с холода, голода, болезней и ужасов фашизма, а также их последствий. Все эти события оставили глубокие незаживающие раны в нашей памяти. Выжившие бледные худенькие девочки и тощие босоногие хлопчатики в моей деревне были лишены самого счастливого периода жизни, называемого детством. У нас его отняла война.

Страхи ушли лишь с окончанием войны, но её последствия ещё долгое время давали о себе знать. Самое голодное время пришлось на послевоенные 1945–1947 годы. Летом было лучше, собирали щавель, крапиву, лебеду. Из них новая мать (отец женился) готовила похлёбку, от которой ещё больше хотелось есть. Весной копались в колхозных полях, выискивая мороженую картошку, чаманы, как мы почему-то называли её мягкие, уже оттаявшие клубни. Из них выпекали чёрные с песком лепёшки. Кушали их с хрустом на зубах, отчего животы у детей раздувались и постоянно болели. Большую радость приносило начало лета, когда мы убегали в лес, срывали сосновые длинные шишки, ели их с наслаждением, закусывая диким щавелем и чесноком. Это было для нас восхитительное лакомство.

Обуви и одежды не хватало. Сельчане сели коноплю для получения пеньки, её пряли, ткали, и получалось грубое полотно, из которого шили нам брюки, рубахи, постельное бельё. Красили их отваром дубовой коры или ольховых шишек – для получения одежды серо-коричневого или серо-чёрного цвета, и этому были рады.

Зимой в длинные тёмные и холодные вечера, лёжа на печи с отцом, мы, дети, слушали его рассказы о предвоенной поре, военном периоде, а особенно интересно было слушать рассказы о его детстве, которое пришлось на 1907–1912 годы. Это был удивительно увлекающий и волнующий рассказ, придававший далёкому прошлому реальные очертания. Так я узнал о своих предках-казаках, прадеде и деде, о зарождении нашей деревни и её жителей.

По рассказам отца, заселение наших краёв произошло в начале XVIII века, когда польский пан Пётр Корецкий осваивал промышленное производство стекла на территории Черниговской губернии, в пойме реки Ипуть и её притоков Унеча и Ширакина. Выбор вельможного пана был обусловлен двумя благоприятными факторами – наличием природного чистого песка по берегам рек и озёр и высокоэнергетического лесного материала в виде обширных массивов вековых смолистых сосен и могучих дубов, которые в изобилии произрастали в этих местах. Они при горении создавали высокую температуру, требующуюся для варки стекла. «Водные дороги» по рекам давали возможность легко и малозатратно доставлять готовую продукцию в крупные центры, такие как Чернигов, Гомель, Брянск. Команда Петра Корецкого и заложила основу будущих деревень в виде отдельных заводиков, называемых гутами. Так на реке Ипуть образовалась деревня Завод-Корецкий, а на реке Ширакина – родная моя деревня Гута-Корецкая.

В царское время, рассказывал отец, детям бедного сословия приходилось очень даже нелегко. Детства они практически не знали. К практической домашней работе детей привлекали уже с пятилетнего возраста. В школу отправляли с 8–9 лет, и то не всех, а только тех, кого родители могли на время освободить от хозяйственных забот. Учились зимой четыре месяца, так как другое время года было занято различными деревенскими работами. Работали много, спали мало. Отучившийся две зимы, как тогда говорили (по-нынешнему два класса), человек считался грамотным. О продолжении образования никто больше и не думал.

Первый урок в школе всегда начинался с «божьего слова». Зубрили и пели «Отче наш». Кто плохо учился или что-то нарушал, получал линейкой по голове, или неслуха ставили в угол на зерно ячменя или гречихи голыми коленками. Главным учителем в школе считался священник, и, как правило, дети его уважали, но в душе немного побаивались. При встрече с ним дети почтительно кланялись и истово осеняли себя крестом – молились, дабы он не

пожурил их – тогда не избежать дома порки. Школа из четырёх классов открылась в нашей деревне только после революции.

...Ненавязчиво и терпеливо отец пробуждал в нас чувство живого интереса к родному краю, его неповторимой природе – могучим дубравам, тенистым липовым рощам, прозрачным березнякам. Он знакомил нас с обычаями и традициями местного люда, с поверьями и приметами наших мест. Незаметно ему удалось «влюбить» нас в нашу, как сегодня говорят, малую родину. Из рассказов отца мы узнали, что наша деревня раскинулась по кромке плато с семью холмами, именуемыми местными жителями «буграми». У подножья самого высокого холма находится деревня Лопатни, вдоль которой протекает река Унеча, и бьют холодные

родники (криницы). Лопатинский холм богат залежами белой, как чистый снег, глины. Если спуститься ниже по течению реки Унеча, то справа увидим Судилов бугор, у подножья которого раскинулась деревня Кожухово, где также бьют ключи с прозрачной ледяной водой.

Деревня Гута-Корецкая расположилась вдоль речки Ширакина и бывшего озера Юрок между Михеевым бугром, на котором находится деревенский погост, и Майдановым бугром, где когда-то варили дёготь. Майданчик богат красными глинами. У подножья этих холмов находятся несколько древних и особо чтимых источников с чистейшей мягкой водой, особенно выделяется по вкусу вода Тереховской криницы. На западном склоне Майданчика бурлит родник с ласкательным названием Криничка. Верующие люди красочно оформили подступы к роднику и почитают его святым.

В детстве после войны мы сбегали с Майданчика попить чистой родниковой воды из Кринички. С вершины этого холма в мае и июне до самого горизонта открывался великолепный вид на цветущий разноцветьем луг. Сначала луг радовал глаза светло-зелёным весенним цветом, потом сменялся жёлто-оранжевым от цветения пышной лотати. В начале июня луг превращался в малиновое волнуемое от лёгкого тёплого ветерка море, переливающееся волнами от цветения луговых изящных розочек. С Майданчика хорошо виден высокий удлинённый Михалкин бугор, поросший сосновым молодым лесом. Раньше местные жители и землевладельцы бережно относились к природным богатствам. Лесозаготовки проводили выборочно и только в декабре-январе. Весной восполняли выпиленные участки молодыми посадками, сохраняя таким образом природный ресурс.

Живым свидетелем ушедшей эпохи остался лишь один раскидистый могучий дуб-великан, растущий на бывшем подворье моего прадеда казака Рокаля в селенье Ганновка, от которого сегодня остались две одинокие хаты...

Виктор СЕМЕНОК

*Встреча детей войны со своим детством
у Тереховской криницы (слева направо:
Ваня, сын Саши Валера, я и Вова)*

Виталий ДАРЕНСКИЙ

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ПАМЯТИ

АЛЬМАНАХ «ВОЛЯ ДОНБАССА» КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЦЕЛОЕ

Издание альманаха «Воля Донбасса» Союза писателей ЛНР было давно ожидаемым: это уже третий альманах этой серии, посвящённый теме войны на Донбассе (ранее выходили «Время Донбасса» и «Выбор Донбасса», ставшие вехами литературного движения ЛНР). Как и в первых двух, его авторами стали не только авторы из ЛНР и ДНР, но и россияне. Книга издана при содействии Интернационального союза писателей (ИСП). Был проведён открытый литературный конкурс, и по его результатам отобраны 26 поэтов, восемь прозаиков и два драматурга, чьи произведения и вошли в альманах.

Литература Донбасса о войне, начавшейся в 2014 году, давно уже стала знаковым явлением в современной русской литературе. К её неоспоримым достоинствам относят возрождение лучших качеств литературы о войне, которые были явлены в своё время авторами старших поколений – солдатами Великой Отечественной. Эти особые качества – «оголённость» человеческой души перед лицом смерти, обнажающая её до самого дна и делающая невозможной никакую ложь и фальшь; особый военный стиль, в

котором выброшено всё лишнее и язык оживает своей внутренней силой, – всё это действительно вновь ожило в донбасской прозе и поэзии.

Новый альманах, как и предшествующие, полностью посвящён военной теме, однако в нём явственно ощутимо изменение ракурса её видения и соответствующее этому изменение тональности. Как и прежде, большинство текстов имеют «репортажный» характер, написаны если не по «горячим следам» событий, то по не менее горячим воспоминаниям, однако в них появилось новое измерение – особая дистанция памяти, заставляющая перейти от непосредственного переживания событий не только к их осмыслению (это было и раньше), но уже и к новой «картине мира», порождённой опытом прошедших исторических событий. Как известно, классика русской военной литературы – роман «Война и мир» – создан полвека спустя после описанных в нём событий. Наиболее значимые произведения о Великой Отечественной войне также выходили лишь начиная с 1960-х годов, а завершающий эту тему шедевр – роман «Прокляты и убиты» В. Астафьева – также только через полвека, в 1990-х. В нашем же случае

даже пятилетняя дистанция от начала войны уже привела авторов к её цельному художественному осмыслению.

Общую смысловую доминанту всех произведений альманаха можно определить как преобразование памяти – это не просто память о трагических событиях, но её преобразование в новый опыт народа, который будет передан будущим поколениям. В этом преображении память о войне предстает в первую очередь как память о человеческих поступках, о нравственном выборе и смысловых прозрениях людей, втянутых в водоворот событий. Над общим разделением мира на «своих» и «врагов» надстраивается новое видение и тех, и других не только как героев, жертв и преступников, но и как в равной степени участников одной общей драмы Истории, разделившей людей на своих и чужих, но всё равно судимых по одним и тем же законам Божиим и человеческим. Война лишь выявила в людях то, что было в них и раньше, но проявлялось скрыто и под личинами. Война и разделение на врагов сделала внутреннее и скрытое внешним и явным; война поставила эксперимент, а его результаты должны теперь исследовать писатели, исполняя порученное им народом ремесло – говорить то, что тоже пережито, но не высказано другими.

Первый раздел альманаха – «Поэзия» – очень удачно открывается стихотворением Елены Заславской «Новая заря», которое, как нам кажется, является смысловым и эмоциональным камертоном всего альманаха. Тот смысловой стержень преобразования памяти, о котором сказано ранее, явлен в этом стихотворении весьма зримо и по-настоящему пронзительно:

*Душа моя, о чём ты плачешь?
О ком ты плачешь и болишь,
Не веря, что убитый мальчик –
Убийца, нацик и фашист?*

*Зачем заранее прощаешь
Всех каинов, проливших кровь?
Так, общей болью причащаясь,
Ты узнаёшь, что есть любовь.
И ею как щитом хранима*

*Вся наша русская земля.
Уходит ночь. Над Третьим Римом
Восходит новая заря.*

В этом стихотворении дан «код» русского мировоззрения. Начинаясь словами библейского псалмопевца «Душа моя, о чём ты плачешь?», оно начинается с основы основ – жалости и сострадания ко всем людям без исключения, и в первую очередь к тем, кто был обманут и творил зло не по своей воле. Вот это и есть внутренняя основа христианской души, которую в наше время «не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный» (Ф. Тютчев). Отсюда рождается любовь в библейском смысле – не как чувство, которое не вечно, но как способ мысли и мировосприятия, который приобщает нас к Вечности. Такая любовь «заранее прощает всех каинов, проливших кровь», – это Христова любовь, на которую отчасти способны и люди. Именно такой любовью «как щитом хранима вся наша русская земля», и только благодаря ей, как чудо, Русь стоит тысячу лет. Именно поэтому она и стала Третьим Римом – хранителем преемства священного Православного царства, которое, по пророчествам святых, ей дано нести до конца мира сего.

По этой мистической линии происходит разделение людей и в наше время. По одну сторону – русские, по другую «Европы сытой холуи», как сказано об этом в другом её стихотворении:

*Для вас, Европы сытой холуи,
Зажглись артиллерийские зарницы!*

Эта война праведная и сродни мученическому подвигу, о чём нам и напоминает взятый автором эпиграф из стихотворения Н. Гумилёва о Второй Отечественной войне, позже оболганной и переименованной в Первую мировую: «И воистину светло и свято / Дело величавое войны...» Поэтому и сам поэт ощущает себя как воина на этой священной войне против тьмы мира сего. Его слово – на грани бытия и живёт болью о всех живущих и умирающих:

*И ты исчезнешь в тёмной бездне,
Погаснет тонкая свеча.
Зачем же ты слагаешь песни,
Болишь, светла и горяча?*

Удивительно то, что в альманахе есть несколько сильных стихотворений историософского содержания, казалось бы, очень далёких от конкретики войны, но, несомненно, порождённых её опытом. Таким же библейским духом наполнено стихотворение Натальи Литвиненко (Перепелки):

*Не ищите града земного,
Не ругайте 20 век.
Мы увидим, честное слово,
Что не видел ещё человек.*

*Будем бледны, и гладны, и сиры,
Сгинем мертвы в изгибах земли.
И сего прекрасного мира
Больше уж не увидите вы.*

*Неуместны права человека,
Как он хрупок, хладом палим,
Мир не знал подобного века –
До другого, что будет за ним.*

Столь апокалиптическое видение истории – это дар православной души, уже почти забытый современной поэзией. Удивительно, как поэты Донбасса чувствуют мировое призвание русского слова. Людмила Гонтарева грустит:

*Где вы, озимые строки,
пышная всходов речь,
тонкая мудрость Востока,
гудящая прозы печь?*

*Громких томов – пустыня.
И только молчанье – вверх
взмывает. Но небо стынет
и сеет бумажный снег.*

Нет, есть в нас и тонкая мудрость Востока, и молчание, из которого рождается неведомое

вещное слово! Таких «озимых строк», родившихся после долгой зимы молчания души, – много в этом альманахе.

В этом обзоре мы не можем упомянуть всех поэтов, представленных на страницах альманаха, и сознательно делаем выбор в пользу текстов, не связанных с одной лишь конкретной войны, но несущих в себе вот такие «пророческие» прозрения и мирообъемлющее видение жизни. Это важно не только для развенчания пошлого мифа о литературе Донбасса как о якобы региональной и замкнутой на местной тематике, но и в силу реальной ценности этих произведений, относящихся к вершинам того, на что вообще способна современная литература. Ведь задача современной литературы не только художественная, это в первую очередь необходимость преодолевать скудость и ущербность экзистенциального опыта современного человека, оторванного от великих традиций прошлого и загнанного в свой узкий мирок мифов и предрассудков «современной» цивилизации. Литература призвана разрушать этот мирок и распахивать душу вечному и неведомому. В альманахе есть удивительное стихотворение как раз об этом – о том, как растёт душа:

*Чужих стихов прочитанные строчки,
Как мотыльки, сгорают надо мной.
Тянусь, приподнимаюсь на носочки –
Так шире горизонт. Мой след земной...*

*На каждый час, на каждое мгновенье
Достаточно ли слов и тишины?
В чужих стихах, их строчках – откровенья,
Мечты и страхи, и чужие сны...*

*Одни горят – и грея, и питая.
Они сияют, разгоняя мрак,
Другие – мрак и стужу нагоняют...
Они живут... В моём, в иных мирах...*

Так пишет Марина Бережнева своё «метафизическое» стихотворение. Нам кажется, оно совсем не случайно оказалось в её подборке. Ведь это столь реальное чувство

открывающейся запредельности – это тоже особый опыт военной поры. Всем памятна строка песни из кинофильма «Батальоны просят» огня, которую исполнял Н. Караченцов: «Как ни странно, в дни войны / Есть минуты тишины». Вот такая неожиданная тишина и рождает то совершенно особенное состояние, о котором говорится в этом стихотворении.

В альманахе представлены и стихотворения Юнны Мориц – поэтессы, соединяющей в себе много разных эпох: когда-то её строчку взял эпиграфом к своему стихотворению Н. Асеев, в своё время споривший с Н. Гумилёвым, а теперь она гремит своей стихотворной публицистикой, отзываясь на все мировые события. Вот, например, о санкциях:

*Санкции – разве они из-за Крыма?
Врёте! А чистая правда без грима –
В том, что покуда Россия жива,
Санкции будут расти, как трава!*

*Санкции будут за вдох и за выдох,
Будут они в нескончаемых видах...*

*Санкциям если назначили цену,
Чтобы они подлежали обмену, –
Значит, у сделки цена такова:
Чтоб не осталась Россия жива!*

Но кроме стихотворной публицистики с её редкой остротой и слова, и смысла Ю. Мориц остаётся и поэтом пророческого слова, формулирующим мощные прозрения сути истории. Вот её слова о сущности бытия России:

*Иди, Россия, себе навстречу,
Себя не мимо – не в бездну бед,
Иди навстречу себе, как речью
Идёт навстречу прозренья свет!*

Вот тот «путь России», о котором спорят уже два века лучшие умы, – «себе навстречу!» Не «в Европу», и не в мифическое «светлое будущее», а к себе. Потому что другой такой нет. И любое отклонение на ложный путь – не к себе, а куда-то по чужой указке – неизбежно

приведёт к «бездне бед». И сама Россия являет себя только как прозрение, она не дана чужим и злым умам. Это прозрение открывается и в речи поэта как тайновидца России.

То особое ощущение, появившееся в 2014 году, что Донбасс на какое-то время стал «сердцем», духовным центром Русской земли, хорошо выразила в своём стихотворении Марина Орлова:

*Только столица сейчас прорастает
в Донецке,
Как и великая Русь – прорастает
в Донбассе.*

В стихотворении «Донецкий ветер» поэт вопрошает, словно переживая какое-то внезапное прозрение:

*Отчего у здешних людей
так прекрасны лица?
Отчего у здешних людей так красивы дети?*

Это именно прозрение, а не вопрос. Наверно, людям посторонним так не покажется – чтобы увидеть эту красоту, нужно ею жить и чувствовать её в себе. Однако нельзя сказать, чтобы это впечатление было лишь субъективным. Действительно, и это замечали многие, у людей на Донбассе появилось что-то особенное в лицах, придающее им тихую внутреннюю красоту.

Такая красота появляется тогда, когда человек почувствовал особый вкус жизни после смертельного риска. Донецкий поэт и бард Владимир Скобцов умеет афористически передавать такой опыт. Вот его строчки:

*Скажи себе строго:
– И хуже бывало.
И боли так много,
что водки всё мало.*

*Не будь атеистом,
душа не блудница,
здесь к Богу так близко,
что грех заблудиться.*

Автор не стесняется тут совмещать в одном сюжете и человеческую слабость, и человеческую высоту: ведь и то, отчего бывает «водки мало», и то, что приводит человека к Богу, – это обычно одно и то же испытание. Такова человеческая душа, и нужна поэтическая смелость для того, чтобы показать её во всей её внутренней неоднозначности, в её окольных путях к свету.

Московский поэт Лаура Цаголова захватывает нас своими стихами, в которых парадоксально сочетаются мистичность и натурализм, эпичность и афористичность. Здесь для погибших «смерть оказалась светом», а «моей России вечность лет», ибо она существует «с незапамятных наитий». Поэт очень изысканно передаёт состояние души между временем и Вечностью:

*Пустующих дворов тетрадные листы
Осваивают дробь дождливых сожалений.
Там, очень высоко, где помыслы чисты,
От нас уже не ждут особенных умений.
Сноровки узнавать о главном между строк
Не требуют творцы заоблачного «вкратце».
Нездешний мир привык додумывать мирок,
В котором без нужды опасно оставаться.*

При всех своих стилистических и смысловых аллюзиях на Пастернака и Рильке этот стих по-настоящему свеж и самобытен. Такую медитативную лирику трудно встретить в наше время, и поэтому весьма отраднo, что она публикуется в Луганске и называется «Песня Горловки». Но есть у Лауры Цаголовой и строки, эпически мощно схватывающие метафизику России и русской судьбы – победу бессмертия над смертью и близость рая души:

*А после бабы запоют,
заохают заукойно.
И этот плачущий уют,
подмога думе колокольной,
занянчит душу мертвеца
до первой радости младенца.*

*Жизнь продолжается с конца,
растёт у Млечности под сердцем.*

*Спешит Небесный Краевед
из милости проговориться:
– Моей России столько лет!
Здесь Рай был некогда столицей...*

Тема преображённой памяти, приобщающей нас к вечности, дана у Владислава Руксанова:

*Но память выцветшим конвертом
расставит все как надо точки –
и через годы в строй бессмертный
войдёт твой путь отдельной строчкой.*

Раздел прозы начинается отрывком из романа Алексея Ивакина «Чернухино. ИК-23» о событиях, произошедших с заключёнными одной исправительно-трудовой колонии, находящейся рядом с Дебальцевом. Когда начался обстрел, охрана разбежалась, и з/к оказались одни под убийственным огнём украинской артиллерии. Проза А. Ивакина – яркая, точная, динамичная. В построении образа – явный набоковский импрессионизм; вот, например, как сказано о ногах з/к, замёрзших в ледяной грязи: «ноги до колен превращаются в колодки, обтянутые ошпаренной кожей». (У кого так отмерзали ноги – тот знает, что точнее этого уже не скажешь.) Особое его достоинство – умение наполнять бытовые детали глубинным символизмом. Например: «Тех, кому не повезло, оттащивали в душевые. Там хоть кровь стекала в канализацию. Война всех уравнивает. Вместе лежали и "смотрящие", и "опущенные". И таскали мёртвых тоже вместе. Понятия остались в довоенной жизни».

К сожалению, все зверства украинских войск, описанные здесь автором, документально подтверждены. Текст абсолютно реалистичен вплоть до действующих лиц, спрятанных здесь под псевдонимами. Именно такие речи говорили и военные, отделяя от толпы з/к тех, кто согласился «защищать Украину» в рядах Нацгвардии за амнистию и «1000 долларов месяц» (в этом, правда, обманули и погнали в бой бесплатно), и тех, кто не согласился и кого обманом погнали в поле на расстрел. Их

действительно было сто двадцать два, а выжило двое. Об этих двоих и ведётся повествование. Они выжили чудом, упав в канаву и отползая в сторону от места зверской казни. Они видели: «...над чёрно-белым полем повис многоголосый вой. Солдаты Украины обливали раненых бензином из канистр. Потом поджигали.

Таял снег, высыхала грязь, сгорали люди.

Если бы Хохол и Боцман смотрели кино, то они решили бы, что это пропаганда. Но они лежали в грязной ледяной луже, накрытые тополиными, вишнёвыми и абрикосовыми сухими ветвями, и смотрели, как горят костры из людей.

Сначала один, потом другой потеряли сознание. Может быть, поэтому и остались живы.

...По краю заснеженного поля шли солдаты с красно-чёрными нашивками на руках. Просто разливали бензин на раненых, потом поджигали их. Впрочем, не все. Некоторые просто ржали над судорогами горящих. Некоторые же плясали вокруг человеческих костров и орали...

Вот и всё.

Когда-то по этому полю, как и по другим полям бескрайней России, шли солдаты в другой форме, цвета фельдграу, чаще всего они не жалели патроны. Потому что бензин был дорог, патрон дешевле. Этим, которые были одеты во "флору", бензина было не жалко. Волонтёры, за которыми прятались заокеанские партнёры, на бензин не жалели гривен».

Во всём мире уже знают про Одессу, но до сих пор мало кто знает, что Одесса была только началом и подобные зверские сжигания людей живём украинские нацисты практиковали потом неоднократно. Историки когда-то напишут об этом целое большое исследование, ибо свидетельств и свидетелей этих преступлений осталось более чем достаточно. Известно также, что некоторые из тех, кто сжигал людей живём, считаются на Украине «героями» и носят военные награды. Это и неудивительно, если главный украинский «герой» гауптман Р. Шухевич тоже начинал свои «подвиги» на службе фюреру со сжигания в Белоруссии целых деревень вместе с жителями.

Достоинство текста А. Ивакина состоит отнюдь не в документировании военных преступлений Украины. Как и во всякой настоящей русской прозе, главная её цель – увидеть путь преобразования человека. Два бывших з/к, сидевших по очень серьёзным статьям, попадают к ополченцам. Один из них гибнет в первом же бою, прикрывая отход остальных. Оставаясь добровольно на почти верную гибель, вчерашний з/к преобразуется в Человека в высшем смысле этого слова: «В глазах его появилось что-то такое, что невозможно описать словами. И усталость от жизни, и понимание того, что пробил твой час, и готовность уйти. Ну и что, что разбойник? Вторым в рай, после Христа, тоже разбойник вошёл. А ноги Иисусу вообще проститутка обмывала».

Если бы нам нужно было представить себе тоже бывшего з/к Александра Матросова, подползавшего вплотную к немецкому дзоту, то мы могли бы перечислить эти строки А. Ивакина – и их было бы достаточно.

Так преобразуется бывший преступник: увидев человеческое зверство в его самом крайнем проявлении, он самой силой вещей выброшен на сторону добра – ведь кроме сопротивления этому зверству у него теперь уже иного пути нет. Конечно, автор в этом своём сюжете берёт самый экстремальный случай, однако эта экстремальность позволяет лишь более наглядно увидеть внутреннюю логику жизни. Суть этой логики в том, что не просто так человек пойдёт воевать, если его к этому не принуждают. Он добровольно пойдёт воевать и умирать только в том случае, если он вдруг столкнулся с чем-то таким, чему необходимо противостоять уже ценой собственной жизни и жизни других людей. Случай сжигания раненых экстремальный, но он и является самым мощным символом того зла, с которым уже невозможно жить рядом. Увидев такое зло, люди берут в руки оружие, и другого выхода нет.

Тема бывших заключённых на войне вообще очень важна и символична. Как известно, одним из хамских трюков украинской пропаганды всегда был миф о том, что в ополчении Донбасса, как и вообще среди населения Дон-

басса, много уголовников. В реальности как раз наоборот, это среди украинских карателей бывшие уголовники всегда составляли большую и очень важную категорию людей, из них в 2014 году набирали целые батальоны. Идя на войну за досрочную амнистию, они фактически просто возвращались к своей преступной деятельности и устанавливали свои порядки «зоны» на больших прифронтовых территориях, занимаясь террором, грабежом и убийством людей. В одной только Луганской области достоверно известно о сотнях замученных ими людей. В составе ополчения бывшие заключённые тоже бывали, но они здесь не составляли какую-то заметную численность. Здесь их было на порядок меньше, чем на украинской стороне. Это тоже точно известно.

Но здесь важен в первую очередь литературный и мировоззренческий аспект этой темы. Украинская пропаганда основана на расистской психологии Запада – делении людей на так называемых успешных и на отребье (white trash, буквально «белый мусор», – термин, используемый в обиходной речи в США для обозначения социальных «лузеров»). На этом делении, лицемерно спрятанном за мантрами о «свободе и демократии», основаны все отношения в западном обществе, и на нём же основано отношение Запада ко всему остальному миру – он изначально относится к категории «отребья».

Русское мировоззрение не допускает такого циничного антихристианского отношения к людям. Для нас любой человек – это образ Божий, имеющий высшее достоинство и способный преображаться, преодолевая свои грехи и недостатки. Русская литература – это литература преображения человека; её самый главный и магистральный сюжет – это та «история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его», о которой говорит Ф. М. Достоевский в завершении «Преступления и наказания». В русской литературе бывший преступник – это всегда перерождающийся и обновляющийся человек. Повесть А. Ивакина – в этом магистральном сюжете.

Если текст А. Ивакина и своим натурализмом, и своей экзистенциальной глубиной и напряжённостью сразу погружает нас в самую суть войны, данную без всяких масок и умолчаний, то следующие за ним тексты показывают её иные стороны, но по-своему не менее важные. Повесть луганчанина Дмитрия Митрофанова «Жаркое лето 14-го» – это воспоминания водителя «Скорой помощи». Эти люди тоже много повидали и в тылу, и почти на передовой, и это в любом случае ценно как человеческий документ. Но и художественные достоинства этого повествования не вызывают сомнений. Обстоятельно и точно автор рассказывает о событиях – здесь можно узнать много важных фактов, тщательно собранных и сконцентрированных в небольшом тексте. В такой концентрации создаётся впечатление очень большой интенсивности событий, хотя на самом деле они переживались совсем не так, поскольку были отделены друг от друга затишьями. Но в том-то и преимущество литературы, что она способна этот «размазанный» во времени опыт сжать в одну точку. Один случай выезда, описанный автором, – на квартал Шевченко – я видел и сам и, возможно, видел самого автора – водителя «Скорой», но не запомнил его лица. Это недалеко от моего дома. В тот день около 9 утра миномётный обстрел прошёл квартал по диагонали – первая мина упала на кладбище возле часовни старца Филиппа, вторая – между школами (38-й и 14-й), третья – как раз там, куда потом и приехала «Скорая» – у подъезда, сзади от бывшего супермаркета «Марс», четвёртая – в детский сад у дома с бывшей телефонной станцией, последняя – в гаражи за троллейбусной линией. По звуку тогда казалось, будто по земле идёт великан, страшно топая ногами по земле...

Безыскусное повествование автора не только ценно с фактографической точки зрения, но часто имеет неоспоримые художественные достоинства. Вот, например, его описание весьма типичной ситуации: «Пока врач занимался оформлением бумаг, мы стояли на выезде и слушали, куда упадёт очередной снаряд. Как-то особенно нервничала медсестра, страх

одолевал её. Бесконечные причитания сменялись молитвами и даже обещанием налить каждому по стакану спирта в случае успешного возвращения». Когда молитвы перемежаются с обещанием налить стакан спирта, причём последний рассматривается как ещё более действенное средство спасения, – это принято называть трагикомической ситуацией, которая лучше всего передаётся именно тогда, когда сам повествователь её и не замечает. А книжному выражению «страх одолевал её» здесь позавидовал бы сам М. Жванецкий.

Многие свидетельства автора представляют собой ценный исторический документ, и их следует использовать в будущем именно в этом качестве. Уникальна рассказанная им история легендарного танка Т-72, прикрывавшего развязку дорог возле бывшего ВВБАУШа, вид колонны полугражданских ополченцев перед штурмом аэропорта, зрелище только что освобождённых Хрящеватого и Новосветловки и многое другое, талантливо рассказанное автором, войдёт в историческую летопись нашего города.

Помимо прочего, автор отличается и природными аналитическими способностями – он не только точно замечает, откуда именно «укры» ведут обстрел, но и сделал точно такой же вывод о главной цели этих обстрелов, как и профессиональные военные эксперты. Автор пишет: «Применяемая ВСУ тактика, прежде всего, решала задачи новых украинских властей по удалению враждебно настроенного населения Донбасса... перепуганное обстрелами население было вынуждено бежать. Приверженцы Украины бежали в Украину, "сепаратисты" – в Россию. Те, кто остался с оружием в руках или без такового, подлежали уничтожению. В случае успешного военного возвращения свободной от населения территории Донбасса, враждебное население осталось бы в России, дружественное вернулось, свободное жильё и землю раздали бы участникам АТО. При таком раскладе Донбасс стал бы действительно украинским.

Летом 2014-го всё так и вышло. Большинство жителей покинули свои дома. Первая часть поставленной задачи была выполнена,

но оставшиеся в практически окружённом городе люди и его защитники не сдавались. На примере Новосветловки все понимали, чем грозит сдача города Украине».

Если же кто-то сочтёт такой план государственно организованного геноцида невероятным, то тем самым лишь продемонстрирует свою наивность и неосведомлённость. И дело даже не в том, что украинские «вояки АТО», никого не стесняясь, сами озвучивали этот план, а на одежде некоторых из их трупов были нашивки с надписью «Рабовладелец» (так они понимали свою роль на Донбассе, что тут подлаешь). Намного серьёзнее то, что такой план является самой обычной стратегией марионеток Запада – например, он совсем недавно дважды был осуществлён в сербской Краине, а затем в Косово.

Поэтому особый смысл имеет и рассказ Кирилла Часовских «Оперетка. Эпизод». Это воображаемый сюжет об одном из возможных – самом худшем – вариантов нашего будущего. Это рассказ-предупреждение. О том, что реально произойдёт, если будет реализован сценарий якобы «разрешения конфликта» путём введения международных миротворческих сил, активно продвигаемый на Западе вопреки Минским соглашениям. Тот сценарий, о котором любит упоминать американский куратор киевских марионеток К. Волкер. Это не что иное, как сценарий геноцида населения республик Донбасса по косовскому сценарию. Характерно, что в рассказе одну из ключевых ролей играют как раз албанские и косовские «миротворцы», со знанием дела налаживающие свой наркотрафик через Изварино и по ходу расстреливающие местных жителей, не вовремя подвернувшихся им под руку. Автор тоже ведёт повествование с большим знанием того, как всё это делается в других горячих точках мира под бдительным контролем специалистов из Госдепа. А как осуществляют геноцид украинские власти, особо представлять себе и не требуется – они это наглядно демонстрируют начиная с 2014 года в зоне военных действий.

На примере этих действий автор очень хорошо показывает и как будет создаваться

глобальная информационная ложь западными СМИ, ведь эти технологии лжи мы ежедневно наблюдаем и на множестве других примеров. В рассказе есть ещё один очень острый аспект – это предательство Новороссии самой Россией, которое может произойти в случае возвращения марионеточной прозападной власти (что сделало бы возможным и весь этот сценарий). И как, скрываясь от новой власти, будут продолжать бороться герои Новороссии. Один из них, поменяв паспорт и внешность, становится учителем истории. Он действует: «Важно – закладывать в эти пустые головы то, что необходимо. Важно – не попадаться как можно дольше или, что ещё лучше, вовсе не попасться. Возможно, страна полностью просрана и летит в пропасть. Возможно, что у него ничего не получится. Но он не имеет права сдаться. Даже если всё будет уничтожено, он обязан сохранить максимум из того, что есть. Он – вирус из прошлого, который должен проснуться через десять, сорок, через тысячу лет и сделать то, что не смогли все они, здоровые, крепкие, тренированные, вооружённые, сделать в 2014. Он должен».

Пока такие люди существуют, Россия непобедима.

К сфере художественного воображения относится и рассказ Василия Бокаева «Цена коррекции» – о том, как погибший ополченец, у которого в Горловке погибли жена и дочь, чудом оказывается не сразу на том свете, а на некоторое время попадает в прошлое – в 1993 год. Пытаясь предотвратить будущие события, он ликвидирует всех будущих лидеров «майдана», а затем подрывает себя гранатой, отправляясь далее по назначению. Конечно, такой сюжет кажется несколько наивно-эмоциональным, но в нём есть и важный подтекст: ведь действительно, казалось бы, не было бы людей, начавших войну, – не было бы и войны. Но, увы, не всё так просто. Если глобальным диктаторам нужна война на подконтрольной им Украине, то она в любом случае будет. Подонки-исполнители, к сожалению, всегда найдутся.

Новелла Николая Иванова «Северный ветер» вновь возвращает нас к грубой конкретике войны – но не в те натуралистические кошмары,

о которых писал А. Ивакин, а во внутреннюю, душевную часть военного быта и боёв. Здесь очень точно, во всех деталях показан бой, есть убитые и раненые, но сам рассказ совсем не об этом. Он – о душе, точнее, о душах людей, оказавшихся здесь. Автор – заслуженный мастер военной прозы и нынешний глава Союза писателей России – незаметно погружает читателя во внутренний мир героев так, что уже почти сразу они начинают нам казаться близкими и давно знакомыми людьми. В небольшое повествование об одном бое российского добровольца (ночная атака «вояк» из бывших заключённых) вместились и вся его личная судьба – потеря любви, воспоминания о другой войне, – и портрет всего его поколения – не «потерянного», как принято кем-то считать, а как раз наоборот, нашедшего себя в войне за спасение своей великой Родины.

Рядом с прозой мастера совсем не скромно смотрится и яркий рассказ луганского автора Андрея Кузнецова «Автобиография». Это современная версия «Повести о настоящем человеке» (эту повесть её герой и читает по совету врача перед операцией). Автор уникально вживается в состояние тяжело раненного бойца, чудом уцелевшего под обстрелом (вся его группа погибла) и не меньшим чудом не замёрзшего в снежной степи, а доползшего до своих без руки и с перебитой спиной. И ему ещё предстояло победить и отчаяние от своей ненужности на гражданке и даже вернуться в строй.

Рассказ ростовчанина Богдана Штыбенко «В двух часах от мира» весьма интересен в фактическом отношении, показывая сопереживание русских людей, наблюдающих бои и бедствия людей через границу и оказывающих всю возможную помощь, фиксируя при этом факты обстрела украинскими войсками российской территории, о которых сейчас уже почти забыли. Не менее важно и чисто художественно обретение автора – то, как он показал парадоксальный контраст мирной и военной жизни, соседствующих совсем рядом.

Наконец, нельзя не упомянуть и маленький, столь умирительный рассказ луганчанки Светланы Тишкиной «Форточник» – о том, как

почти сроднились люди и птицы в дни войны, когда люди делились последним, не давая погибнуть с голоду братьям нашим меньшим. И голубь, чувствуя, что его спасут, вдруг стал без страха залетать на кухню, с разгона ударом открывая форточку. И так некоторые голуби выжили тогда, в блокаду летом 2014-го. Хотя сколько их тогда валялось на земле – от взрывов у них останавливалось сердце! Автор от жалости даже не уничтожала осиное гнездо на балконе, пока осы не закусили её до полу-смерти. И такие хозяйки, спасавшие брошенных котиков, собак и голубей, хотя сами уже почти голодали, были тогда явлением массовым среди тех, кто остался. По контрасту с теми, кто бросил их на голодную смерть и уехал. Война обнажает сущность людей до конца.

В разделе альманаха, посвящённом драматургии, – два произведения. «Opus 23» луганчанина Олега Ивашева – хороший сценарий для фильма. В основе сюжета – история тайной продажи украинским генералом целого эшелона бронетехники ополченцам летом 2014 года. Похожих историй было много, поэтому случай достаточно типичный. На основе такого сюжета можно весьма компактно показать «анатомию» украинской армии в её человеческом «материале». И этой возможностью автор очень удачно воспользовался. Типичные образы – это не столько сам генерал, показанный ситуативно, сколько два украинских «главных героя» с поэтическими Вуйко и Моцарт. Если первый – это достаточно стандартный типаж недалёкого «западена» с его инфантильными мечтами «про Европу», то второй – это современный тип человека из артистической богемы, не по своей воле оказавшегося на войне. Как водится, это образ достаточно известный по романам об обеих мировых войнах – человек искусства служит духовным контрастом ужасам войны. В финальной сцене он расстреливает очередью из автомата дорогой трофейный рояль, дабы он не достался жадному генералу. Эта романтическая сцена не очень реалистична, однако удачна для сценического эффекта, как и целый ряд других. Сюжет явно изначально написан под стиль «экшн» и был бы весьма

удачен на экране, если фильмы об этой войне будут сниматься.

Пьеса «Перемирие» дончанина Алексея Куралеха также сделана по всем законам этого жанра и готова для воплощения на сцене. Сюжет, правда, тоже не отличается особой реалистичностью, хотя вполне вероятно, что похожие ситуации могли быть и на самом деле. Но предложенный автором сюжет ценен не этим, а тем, что позволяет поставить художественный эксперимент – свести лицом к лицу врагов, но так, чтобы они не могли воевать и вынуждены были общаться. Во время краткого перемирия обе враждебные стороны высылают в нейтральную зону своих людей для ремонта сельского дома, в котором осталась лишь одна хозяйка – беременная женщина с домашней скотиной. Поэтические герои символичны: «укры» Че Гевара и Шумахер; ополченцы Ной и Ахилл. Первые отсылают на Запад, причём Че Гевара действительно «болен «революцией» (что весьма точно, поскольку исторически и большевики, и бандеровцы были революционерами, по своим характерам и методам похожими, как близнецы); Шумахер же символизирует стремление к так называемой успешности. В свою очередь, Ной и Ахилл символизируют вечные начала человечества: первый – спасение праведников в море греха и деградации; второй – честь и безрассудный героизм. Беременная женщина – также архетип: она символизирует единую для всех Родину, страдающую от раздоров, но которую когда-то будут восстанавливать вместе бывшие враги.

Правда, Че Гевара сам же и сомневается в смысле «революционных» преобразований: «Знаешь, я раньше думал, гражданская война – это когда встаёт вся страна: половина за красных, половина за белых. Кто кого. Чья правда – тот и победит. А выходит, народ на трибунах сидит и смотрит, как две команды друг друга мочат. Будто бои без правил. Или футбол: "Шахтер" – "Динамо"... Ждут тупо, чья возьмёт. А реально – всем пофиг!.. А если всем пофиг, для чего тогда всё? В чём смысл?! Объясни!» Да, к сожалению, до всего этого людям на Украине приходится доходить своим умом,

ибо историю они не знают. Впрочем, в наше время её и нигде не знают. И поэтому можно манипулировать людьми по тем же стандартным лекалам, как и раньше, разжигая войны по всему миру, как это успешно и делает Запад. И сто лет назад Гражданская война на территории бывшей Российской империи была точно такой же – разожжённая внешними силами, устроившими революцию и натравившими одну часть народа на другую. И абсолютное большинство в ней не участвовало, лишь наблюдая со стороны, как два процента населения яростно истребляет друг друга. И победили тогда вовсе не те, «у кого правда», а те, кто был более подлым и жестоким. Но когда это стало понятно, уже невозможно было что-то изменить. То же самое повторилось и сто лет спустя – на украинском и прочих «майданах» бывшей Российской империи.

Сюжет пьесы развивается ярко, но при этом очень логично: герои начинают с игнорирования друг друга, затем переходят к спорам с жестоким мордобоем, наконец вместе работают и выпивают, естественно, становясь почти друзьями. Правда, под конец Ахилл засовывает в вещмешок «украин» взведённую мину, но Ной открывает тайну и спасает их от гибели. Ополченец кричит: «Героям слава!», на что «украины» отвечают: «"Шахтер" – чемпион!» Кроме того, предупреждают друг друга о засадах на пути назад, а под конец вместе попадают под обстрел, который идёт непонятно с чьей стороны. Не важно, повторим, могло ли всё это произойти в реальности – суть не в этом. Автор создал экспериментальную ситуацию, в которой реальные враги смогли встретиться и по-человечески поговорить, а не разойтись врагами. Такое в реальной жизни как раз и происходит очень часто, хотя, естественно, и не на нейтральной полосе фронта. Задача драматурга – сконцентрировать эту ситуацию в рамках плотного сюжета с живыми, а не абстрактными героями. Как нам кажется, автору это удалось как по содержанию, так и по сценическому воплощению. Этот эксперимент крайне важен именно для того, о чём мы писали выше, – для преобразования памяти. В пьесе охвачены все точки зрения на происходящее, читатель и зри-

тель может узнать много таких подробностей, о которых не сообщали СМИ ни на той, ни на другой стороне, – но над всеми частностями стоит целостное видение гражданской войны на Украине как неизбежного результата всех тех обманов, которым подвергался народ до этого. Вследствие которого возникли разделение и ненависть. Невозможно просто «примирение» между сторонами в том состоянии, в котором они сейчас находятся. Мир наступит только тогда, когда Украина перестанет врать своим гражданам буквально во всём – начиная со лжи о светлом «европейском будущем» и заканчивая мифами о «сепаратизме» и «российской агрессии».

При всей своей многообразной тематике альманах «Воля Донбасса» обладает смысловой и художественной целостностью. Но это не только целостность общей темы, но в первую очередь – это целостность той мудрой и героической «картины мира», которую несут в себе столь разные авторы, совсем не случайно объединённые под одной обложкой. О главной сути этой «картины мира» очень точно написала Наталья Литвиненко (Перепелка):

*Война присутствует намёком,
Как взгляд тяжёлый за спиной.
Она не только о высоком,
Но чаще в жизни бытовой...
Вот стол.
Вот хлеб.
Под град событий,
Под их победы и печаль
Простым вещам их вкус забытый,
Простым вещам их смысл сокрытый
Она способна возвращать.*

Этот маленький стихотворный шедевр можно было бы даже поставить эпиграфом ко всему альманаху. В этих проникновенных строчках, в которых явно слышится мелодика А. Твардовского, очень ёмко выражен тот опыт переживания войны, который хранит народ и который так ярко передали нам авторы, – как дар преображённой памяти, который останется с нами навсегда.

Соня

Лариса Витальевна провела мно-о-ого бессонных ночей в поисках внутреннего душевного консенсуса. Дело в том, что она – роскошная успешная женщина, преподаватель консерватории, супруга топ-менеджера (с большой буквы «Т»), потомок очень солидной фамилии, – не успев оглянуться, обнаружила себя мамой взрослой уже дочери. А эта самая дочь, всегда умная и послушная девочка, взращённая в любви к музыке и искусству и вообще выпестованная за немалые средства, вдруг презрела условности и, отбившись от рук, влюбилась! Сколько вокруг было приличных мальчиков! Сколько прекрасных партий и престижных комбинаций! Но Алла выдумала себе любовь и вышла-таки замуж за (страшно сказать!) медбрата. Как? Как могло случиться такое несчастье? Единственная наследница очень солидной фамилии, не унаследовав семейной гордости и надругавшись над молодой ветвью безупречного генеалогического древа, с необъяснимым упор-

ством до сих пор утверждала, что счастлива. Лариса Витальевна этого не понимала. Жизнь же для неё самой потеряла всякий смысл. И это несмотря на то, что она уже стала помимо своей воли бабушкой двух внуков.

Однажды, музицируя грустным октябрьским вечером, она вдруг приняла решение. Оно явилось к ней неожиданно, но обрелось в голове так ясно и отчётливо, словно слово Божье в ушах Моисея. Оборвав на высокой ноте полонез Огинского, подобрав полы атласного «в пол» халатика, она, вскинув свою гордую голову, прошествовала в длинный холл, завернула в кабинет мужа и величественно сообщила Георгию Альбертовичу, что наконец готова попробовать войти в семью младшего медицинского персонала чудесной, внимательной, тёплой и доброй бабушкой. А ещё лучше, если бы в её, Ларисочки Витальевны, семью вошли дети этого самого персонала. Ибо, как ни крути,

а они являлись её внуками, единственными и родными кровиночками. Вертя в длинных ухоженных пальцах крупный локон своих пышных волос, она попросила мужа незамедлительно сообщить дочери о только что принятом решении. Георгий Альбертович, будучи человеком не только терпеливым (его долгая и счастливая супружеская жизнь служила тому бесспорным доказательством), но и чутким, особенно к чудесным вспышкам разума своей многолетней пассии, ничего не спрашивая, чтобы не спугнуть нечаянно вспомнившего о нём ангела, облегчённо вздохнул и потянулся к мобильному телефону. «Теперь, возможно, всё изменится, – подумал он, – и не нужно будет выдумывать совещаний и "оч важных" совещаний, для того чтобы заехать ненадолго к своим обожаемым внучатам».

С утра в субботу жёлтый могучий клён за окном продолжал латать серые дыры асфальта, покрывая их сусальным золотом листвы. Дворник Рушан (даром что художник) не спешил сгребать всю эту роскошь в кучи, сидел на лавочке, раскуривая самодельные папиросочки одну за одной, и любовался красотой чудесной русской осени. Колечки дыма из его рта плыли вверх, принимая причудливые формы, и растворялись в туманном влажном воздухе двора. В это время медленно и величественно, как бильярдный шар в лузу, во двор закатилась огромная блестящая чёрная «ауди». «Ауди» остановилась у подъезда номер три и замерла.

– Е-е-едет! – заголосила стоящая на табуретке возле окна Сонечка.

– Др-р-ринь! Др-р-ринь! – затрещал телефон в комнате.

– Господи! Не успеваю! – схватила за сердце Аллочка.

Картина раннего субботнего утра в квартире 8 являла собой: маму Аллу «на грани истерики», собирающую детей на выходные к бабушке (а на самом деле готовящуюся представить под мамины очи дипломную работу «Мои дети»); папу Витю, пришедшего с дежурства и способного думать только одну мысль: «Спать!»; четырёхлетнюю Сонечку, мысли которой, наоборот, роились, как маленькие пчёлки,

кусались, жужжали, но не задерживались на месте, отчего никак не получалось додумать хоть одну до конца; и, наконец, младшего (двух с половиной лет) Вову, для которого вся эта суэта нечаянно обернулась одним большим плюсом – тс-с-с! – он не успел съесть свою утреннюю кашу, и теперь уж об этом точно позабудут – вон как носятся!

Мама сильно нервничала, пытается превратить воронье гнездо из непокорных дочкиных спиралек в две приличные косички. Соня только успевала айкасть:

– Ай, мама, не надо косичек! Пусть моя голова будет одуванчиком. Ай, больно!

– Алла, ты же мать! Не надо насилия! – вяло взывал к жене папа.

Сонечку нарядили в чудесный василькового цвета сарафанчик и застегнули на ножках новые синие туфельки. Мама, выкрикивая наставления детям, носилась по квартире, делая миллион дел сразу. Многорукий бог Шива обзавидовался бы, наблюдая, какой скорострельностью обладают современные мамы в дурмане срочных утренних сборов.

– Поздоровайся с бабушкой, потом с дедушкой, но не говори «привет», говори «здравствуйте», как приличная девочка...

– Я всегда здороваюсь, – обиделась Соня.

– Не накручивай волосы на палец! Не грызи косичку. За столом кушай над тарелкой и не разговаривай с набитым ртом. Локти на стол не ставь!..

Ахая время от времени и хватаясь за голову, мама в панике то и дело кидалась в сторону папы с возгласами:

– Витя! Где я положила маленький кружевной платочек?!. Да нет же, не этот – этот ужасный!.. Витя, выпшишься, когда всё закончится!.. Соня, ты отвлекаешься! Кому сказала, не вертись... – И снова, только уже обращаясь к дочери: – Обувь снимай руками, а не наступая самой себе на пятки. Ты прыгаешь при этом, как чокнутая курица. Нет, не спорь, именно как курица. Нет, мне виднее. Следи, чтобы туфельки стояли рядом аккуратно. Не трогай ничего на полочках и столиках, ничего не бери, не спросив разрешения, и, боже мой!.. не ковыряй в носу...

Соня очень старалась запомнить все мамины наставления, но мысли всё равно отвлекались, жужжали и разлетались.

– Мама, давай ты просто скажешь, что мне можно, – решила предложить она.

Папа, взирая воспалёнными глазами на родной дом, превращённый неизвестной ведьмой в сумасшедший, повторял:

– Боже мой, Алленок, ты посмотри, как ты ребёнка запугала, будто он не к родной бабушке едет, а к королеве английской на приём. Хороши же они будут после твоих наставлений – пристукнутые внуки.

– Поверь, лучше пусть пристукнутые! – вздыхала мама. – Может, Вову оставить? Он ведь и вытворить что-нибудь может...

– Вова хоёсый, – защищался Вова, сидя на табурете и сложив ручки на коленках.

– Они оба могут, и ты ничем не поможешь. Ничего, решение принято, может, всё и обойдётся...

Вынырнув из машины, полированный и явно незнакомый с практическим значением выражения «осень в спальном районе», сапожок Ларисы Витальевны угодил прямоком в лужу. Его красная блестящая подошва раненым зверьком отразилась в тёмной водичке.

«Что ви, что ви, не надо идти. Здесь не убрано!» – хотелось крикнуть Рушану, но он не смел сказать ни слова, приклеенный к лавке сознанием своей причастности к бардаку, оставленному осенним ветром, и общему погодному недоразумению.

Сапожок постоял несколько секунд в луже и, медленно подрагивая, вполз в недра блестящей машины.

Аллочка сама вывела детей. Она подошла к ветровому стеклу и, наклонясь к матери, сказала: «Здравствуй, мама».

Лариса Витальевна, сразу приметив немодную синтепоновую курточку дочери, с нескрываемым ужасом смотрела на неё. Не стирая с лица потрясённого выражения, она клюнула Аллу куда-то мимо щеки.

На заднем сиденье автомобиля красовались новенькие детские кресла, от которых у Сони просто дух захватило. Она сразу вообра-

зила себя принцессой, которую сажают в блестящую карету. Всё, буквально всё вызывало в ней трепет и восхищение: блестящие приборы, сверкающие ручки, бабушка, которая казалась не бабушкой, а сказочной королевой – воздушной, неземной и прекрасной. Мама посадила их с Вовой в машину, чмокнула в носики, пожала пухлые ручки. Она осталась стоять у подъезда в своей тусклой курточке и долго смотрела вслед удаляющейся чёрной «карете». Милая, светлая, всегда весёлая мама показалась Соне вдруг такой маленькой! И грустной...

А мимо самой Сони уже мелькали и смеялись другими дома и скверы, и улицы вскоре перестали быть узнаваемыми. Бабушкина блестящая карета плыла по улицам столицы, неся в своем мягком чёрном животе драгоценное наследие. Вова сидел молча и, видимо, всю дорогу думал, стоит ему заплакать от непонятного и волнующего приключения или всё же повременить.

Квартира, пережившая накануне всплеск домоводства, стала походить на мавзолей. Или на операционную. Поэтому Вова всё-таки заплакал, едва переступив порог, повинувшись неясному, но неприятному ощущению своей чужеродности. Выручил дед.

– Карапузики! Родненькие! – Георгий Альбертович выскочил к внукам, растопырив руки, и малыши тут же повисли на нём. Дед со своей круглой головой и брюшком очень напоминал Карлсона, только чуть постарее.

И время полетело! Георгий Альбертович, так давно мечтавший о легальной роли дедушки, с упоением изображал поезд дальнего следования, который, правда, бесконечно сбивался с роли и время от времени то взбрыкивал задними копытами и ржал, как лошадь, то начинал выдувать клубы пара и протяжно гудел: «Ту-туууу». Ему даже пришлось побывать в роли прекрасной незнакомки в парикмахерской, которой дети тщательно пытались расчесать лысину, игнорируя факт отсутствия волос (Сонечка была уверена, что делать причёску можно и понарошку – было бы воображение).

Роль пациента хирургического отделения была освоена дедом наиболее успешно. Он,

устав бегать и ползать, с удовольствием лежал на диване, предварительно договорившись с «врачами» о применении только инновационных бумажных инструментов. Дантист Вова пытался вытребовать настоящие плоскогубцы для удаления плохих зубов. Но никто не понял значения слова «закободупочки», которых малыш упорно домогался. Когда очередь дошла до уколов, пациент был вынужден уносить ноги, отчего врачи всласть побегали по квартире, наполняя её смехом и аборигенскими криками.

Лариса Витальевна морщилась от громких визгов детворы, то и дело растирая тонкими пальчиками виски и уходя на кухню заваривать кофе с корицей всякий раз, когда сдавали нервы. Она вынашивала планы проверить наличие музыкального слуха у внучки, как только её Гоша нарежется с внуками.

После обеда, когда Вова, обескураженный белоснежной скатертью, всё-таки измазал рубашечку, сделав, однако, правильный выбор между скатертью и собственной одеждой, Лариса Витальевна уложила внуков спать в разные комнаты. Вову она положила в кабинете Георгия Альбертовича, а Сонечку определила в спальню.

Это была большая светлая комната с молочно-белыми обоями и красивыми шторами в три ряда. Посреди комнаты стояла большая кровать с резными спинками, накрытая чудесным покрывалом, на котором цвели причудливые цветы разных размеров. Огромные полированные шкафы из тёмного дерева и комод подпирали стену с одной стороны комнаты. Возле другой волшебным сверкающим сооружением величественно расположилось трюмо, а рядышком стояла маленькая круглая табуреточка – пуфик.

Сонечка лежала в огромной кровати. Она специально подвинулась в самую середину. Головка её утопала в кружевных подушках, которые пахли, как скошенная трава на лугу, как утренняя роса в деревне, а может, даже ещё лучше, чем-то таким, что девочка ещё не успела узнать. «Я совсем как принцесса», – думала она, и эта мысль была приятна. Сонечка лелеяла эту мысль, и всё её существо наполнялось

блаженством. «Я живу в прекрасном замке, а за окном летает мой ручной дракон, и где-то далеко прекрасные принцы смотрят на портрет чудесной принцессы Сонечки и мечтают о ней».

За окном залаяла собака. Девочка приподнялась на кровати, и тут взгляд её нечаянно коснулся трюмо. На полированной поверхности стояли фигурные флакончики, множество разноцветных коробочек и шкатулок были составлены одна на другую. И такие красивые были эти шкатулочки! И такими блестящими и таинственными казались многочисленные флакончики!

Соня тихонько спустила босые ножки на мягкий коврик и на цыпочках подошла к зеркалу. «Ничего страшного не случится, если я посмотрю глазками», – подумала она. И стала смотреть. Казалось, само время замерло. Свет, льющийся в комнату в тонкую щель между тяжёлыми шторами, заколдованно повис в пространстве комнаты. Даже дыхание остановилось. И Соня сама не смогла бы сказать, как вдруг получилось, что маленький пузырёчек с шишечкой-крышечкой оказался вдруг в её руках. Она отвинтила крышечку и понюхала. Чуть-чуть. Ведь понюхать – это не брать без спросу! Запах был – это Сонечка могла с точностью констатировать, – но какой, она никак не могла разобрать. И Соня решила чуть-чуть брызнуть себе в ладошку. Видимо, мама это и имела в виду, когда говорила: глаза боятся, а руки делают. М-м-м! Как вкусно пахли духи! Такой солнечный прозрачный жёлтенький запах! (Соня с поразительной точностью умела определять звуки и запахи). Но флакончиков было много, и понюхать их хотелось все. Следующий запах Сонечка поймала другой ладошкой. Он наполнил её запахом фруктового мармелада. На третьем флакончике, который пах снежными искрящимися звёздами в морозном небе, обнаружилось, что ладошки кончились, и пришлось брызгать на локти. Локти вскоре закончились тоже, да и запахи смешались так, что трудно было отличить, чем предыдущий отличался от вновь открытого.

Тогда Сонечка взялась за пушистые кисточки с пудрой. У мамы не было таких коробочек,

поэтому Соня сомневалась, правильно ли она всем этим пользуется. Кисточкой она поводила по розовым ушкам. Открыв другую коробочку, с миленькими чудесными цветочками на крышечке, она обнаружила маленькие круглые ёмкости с разноцветной пудрой: синенькой, коричневой, розовой. Рядом лежала маленькая кисточка, и Соня решила, что это краски. Тут же оказались и карандаши. Они лежали на виду, а значит, были не такие уж совсем запретные. Ведь папа, когда не хочет, чтобы нашли его коробочки с разными лекарствами, убирает их в ящик и закрывает на замок. Совершенно очевидно, что он не хочет их никому показывать. А тут всё было на виду, даже расставлено красиво! Краски блестели в коробочке, но вот бумаги не было. Тогда Сонечка нарисовала себе носик, как у котёнка, чёрненькой красочкой. Чёрная пудра нечаянно просыпалась на щёку. Девочка попыталась вытереть её ладошкой, но получилось только хуже. Пришлось рисовать усы. Пусть котёнок будет с усами. А вот тёмно-синим карандашом Соня знала что делать – она подправила себе брови, чтобы была красивая радуга над каждым глазом, и нарисовала стрелочки на верхних веках, как бабушка, только подлиннее, как у Шамаханской царицы с картинки в книжке. «А ресницы у той царицы были длинню-ю-ющие, – вспомнила Соня. – Ладно, у меня ещё вырастут, какие мои годы».

Помады у бабушки Лары были яркие, вкусно пахнущие, в блестящих кругленьких трубочках. Соня взяла ту, что пахла клубникой, и сначала попробовала немножко – вдруг она и на вкус как клубника? Но вкус у помады оказался отвратительный. Бяка какая-то! И как только женщины такой гадостью мажут себе рот? Но ведь она, Соня, тоже почти женщина. А значит, и ей придётся терпеть ради красоты эдакую вот бяку на губах. Надо потренироваться. Но какую выбрать? Выбирать оказалось трудно. Пришлось красить по очереди, чтоб никакой помаде не было обидно.

Прекрасная принцесса в зеркале становилась всё краше. Соня забыла всё на свете. Сколько прошло времени, до сих пор доподлинно неизвестно, но только в конце концов девочке

ужасно захотелось в туалет. Мало-помалу этот неудобный физиологический момент вернул её в реальную жизнь. И туда же, в реальность, вдруг вмешался ужас содеянного. Что же делать?! Как она пойдёт в коридор со следами преступления на лице?

Соня внимательно осмотрела все ящички и коробочки, надеясь найти салфетки, но, видимо, бабушка Лара умывалась всё-таки в ванной комнате. Не найдя ничего, чем можно было бы стереть прекрасный лик, девочка запаниковала. О-о-очень уже хотелось писать. Живот начинал отчаянно болеть. Но выйти вот так в коридор было невозможно. Ведь мама её предупреждала! Мама её просила! И что же теперь скажет бабушка?

Вдруг Сонин взгляд упал на большой цветок у окна. Он рос в глиняном горшке величиной с огромную кастрюлю, похожую на ту, в которой мама варила летом варенье. Сонечка отодвинула шторку и решила, что будет незаметно, если она аккуратненько попишет прямо в горшок. Заодно и цветочку хорошо будет.

Соня пристроилась, оттопырив попу. Только вот аккуратненько почему-то не получилось. Не так-то просто, будучи девочкой, угадать цель и направление! Что-то пошло не так и не туда, потому что предательский ручеек побежал

из-под шторы прямо к кровати – ой-ей-ей! мамочки! – и... был остановлен мягким белым ковриком.

Соня заплакала. Ей стало страшно и грустно оттого, что она так подвела маму и наверняка расстроит бабушку. Девочка сидела на огромной белоснежной кровати, размазывая по щекам слёзы и вытирая их белой маечкой, а потом, когда маечка намокла, краешком пододеяльника. «Хоть бы мне провалиться», – подумалось ей, и в отчаянии она провалилась прямо в подушки. Щедро засолив их слезами, она в конце концов уснула.

Осторожно заглянув в комнату, Лариса Витальевна прочувствовала, что вкладывали люди в слово «остолбенеть». Сонечка спала, как ангел, опустив на пухлые щёчки пушистые ресницы и приоткрыв маленький детский ротик. Её милое личико во сне было счастливо и безмятежно. Каким же разительным и ужасным казался контраст между этим самым милым созданием и тем, что оно натворило!

Взору Ларисы Витальевны открылось непостижимое произведение современного авангарда, смело нанесённое яркими мазками на белоснежные кружевные наволочки и шёлковые пододеяльники. Яркие пятна красной помады хаотично перемежались с мазками чёрной туши и карандаша. Эти пятна казались Ларисе Витальевне ранами, которые кровоточили и болели, и эта боль в равной степени отдавалась в её собственной груди. Она прижала руки к сердцу, как будто зажав его руками. «Ошибка, ошибка, ошибка!» Как она могла подумать, что эти дети наследовали её кровь, её гены?!

– Го-оша! Го-о-о-оша!

Георгий Альбертович пил на кухне чай. По истерическим ноткам в голосе жены он понял, что произошло то, чего он так боялся, – малыши не оправдали надежд. И Лариса в состоянии тихой истерики. Сердце заухало, отдаваясь в ушах болезненным стуком. «Давление», – вяло подумал он.

В ушах зашумело, и жаркая духота стала подниматься из живота в грудь и выше, подступая к горлу.

– ...Знала с самого начала. Этот человек ей не пара. Кто его мать? Она же... он же... Боже мой! – голос жены доносился рвано, как с порывами ветра. – И ты, ты меня не поддержал тогда. А надо было её отправить в Лондон. Это всё ты... Всё ты... Всю жизнь ты её слушал, и вот... Она похоронила себя в нищете, она предала нас! Где теперь твои гены? Где наше будущее? За что-о-о? – судорожно всхлипывал и надрывался голос.

– Лариса, не говори так. Так нельзя.

– Тряпка!

– Лара, дети спят. Возьми себя в руки!

Но Лариса Витальевна не замечала ничего. Голос её с громкого шипящего шёпота давно перешёл на сдавленный крик, и собственные слова, вымученные и взращённые внутри долгими репетициями, теперь прорвались, подобно стихии, смывающей на своём пути плотины, заслоны, нравственные устои и воспитание. Они, произнесённые вслух, как будто обретали плоть и становились осязаемыми, а выплескиваясь, подогревали её, давали опору, от которой она отталкивалась, обретая новые силы.

– ...Упрямая тварь, глупая и упрямая! Кого она могла произвести от этого?.. А ты?! Ты хорош! Лазал, как дурак, на коленках! А-а? Старый ты дурра-а-ак!

– Лара...

Жаркая духота затопила лицо и полыхала во лбу, как олимпийский огонь, вознесённый на пьедестал. И такая вялость вдруг накатила на Георгия Альбертовича! Он вдруг понял, как устал. Он так много работал. Он так сильно любил. Любил семью и дочку. Он считал, что это главное – делать то, что получается, и любить. Аллочка – чудесная девочка, ласковая и упрямая. В кого она такая упрямая? Он улыбнулся. Лара – красавица, она так переживала за свою репутацию! Глупенькая. Какая разница, что скажут их друзья? Какая разница, что они не сделали свадьбу дочери такой, о какой мечтали? Какой во всём этом смысл, если можно просто любить и дышать... Можно было дышать...

Георгий Альбертович судорожно оттянул у рубашки ворот. Очень, очень хотелось вдохнуть, но не получалось. На грудь наступили

тяжёлым свинцовым ботинком. И стало больно. Георгий Альбертович скользким мешком сполз со стула и упал.

– Деда! Миленький деда!.. – Перепачканное мокрое личико в обрамлении прекрасных чёрных кудряшек вдруг повисло над ним, как ангелоподобное, закрывая светильник на потолке. Оно ярко и неестественно светилось по контуру. Унося прекрасное видение неземной красоты ангела с собой, Георгий Альбертович закрыл глаза.

Возвращался он неохотно. Если бы Георгия Альбертовича спросили, он наверняка не смог бы в подробностях изложить суть преимуществ своего дезертирства на ту сторону бытия, но то ли несколько часов реанимационных мероприятий бригады «Скорой помощи», то ли прекрасный светящийся лик неземной красоты ангела с синими бровями, нечаянно прихваченный с собой из грешного мира, заставили его всё-таки засомневаться в правильности скоропелого выбора и вернуться. И вот Георгий Альбертович, измученный, но снова ощущающий боль в груди и сквозняки в комнате, открыл глаза. Маленький черноволосый ангел упрямо ждал его возвращения. Он чуть не потерялся, чуть не остался один, маленький глупыш... но

сейчас он был рядом в своём лучшем василькового цвета сарафанчике, умытый и сияющий розовыми щёчками.

– Деда, – прошептал ангел.

– Гоша...

– Папа...

Словно гвоздики, слова эти впивались в его мозг, застревали в нём и требовали ответа. Словно маленькие жала, болели и жгли они сонное сознание. Всё семейство стояло сейчас возле его кровати: Ларочка, Лариса Витальевна, непохожая на себя, вся какая-то съёжившаяся, жалкая и растерянная; Аллочка, милая маленькая его доченька, с красными, опухшими от слёз глазами. Рядом с капельницами суетился зять его, Виктор, в синих штанах и такой же синей рубашке-распашонке с дурацкой прямоугольной шапочкой на голове. За спинку кровати нырнула и снова показалась кудрявая головка, похожая на одуванчик, с разлетающимся в разные стороны лёгким пухом волос. Головка то выглядывала, то исчезала, но чёрные блестящие глазки сияли в ответ на слабую улыбку деда. Из-под кровати время от времени вылетала, картаво урча, маленькая машинка. Через некоторое время за ней выползал двухлетний малыш и через минуту снова терялся под высокой больничной кроватью.

Слабый осенний свет едва сочился в широкое окно, дрожал на стенах, на обеспокоенных лицах людей, на спинке кровати пастельными фиолетовыми оттенками. Длинные тени тянулись через комнату, словно резиновые. Георгий Альбертович лежал тихо-тихо. Он ещё не полностью пришёл в сознание, но ему казалось, что очень важно сейчас лежать тихо, чтобы не спугнуть счастье.

Ульяна КОРЧАГИНА

Инокания Виктория на могиле отца Виктора

Как быстро проходят столетья,
И люди сменяют людей,
Лишь память, оставшись бессмертной,
Живёт в сердцах внуков, детей...
Она, оживив лет преданья,
Нас учит добру, красоте.
Мы память храним в назидание,
Уроки суровые те,
Что учат любить, и трудиться,
И верить всем сердцем, душой,
И так непрестанно молиться,
Достигнуть удел неземной...

О ДЕТСТВЕ

Моя бабушка, Людмила Павловна Махно (после принятия монашеского сана – ино-

Посвящается моей бабушке Людмиле и дедушке протоиерею Виктору, которые послужили для меня примером мужества, стойкости и настоящей христианской любви.

Екатерина МЕДВЕДЕВА,
внучка инокини Виктории
и протоиерея Виктора

МОЯ БАБУШКА – ИНОКИНЯ ВИКТОРИЯ

киня Виктория), родилась в селе Самойловка Саратовской области 27 сентября 1938 года. Родители, Надежда Львовна Балабуца и Павел Абрамович Махно, были невероятно талантливыми и интеллигентными людьми. Он – директор школы, превосходный математик, поэт. Она – учитель в школе, член партии. В семье было двое детей: младший брат Лев – будущий протоиерей Лев Махно – и Людмила.

Недолго длилось беззаботное детство моей бабушки. С началом войны прадедущка, Павел Махно, ушёл на фронт. По воспоминаниям боевых товарищей, был храбрым и мог повести за собой весь взвод, получил звание политрука и был убит 28 января 1942 года. Прабабушка, Надежда Махно, осталась с двумя детьми на руках, но вскоре после смерти мужа заболела

Бабушка Людмила

Люда с братом Львом

и умерла. По одной из версий, была отравлена бандеровцами. Так маленькие Людмила и Лев остались без родителей.

Но по воле Бога свершилось чудо: Агриппина, или баба Груня, родная тётя детей, вышла тихим вечером и задремала, когда фигура её брата Павла в военной форме появилась перед ней. Брат, стуча сапогами, попросил взять детей под опеку. Фигура исчезла так же внезапно, как и появилась, а Груня спустя время поняла, что брат пришёл с того света просить о спасении сына и дочери.

О ВОСПИТАНИИ В ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЕ

Так и получилось, что маленькие Людмила и Лев стали жить со своей родной тётей Агриппиной Абрамовной и её мужем Степаном Марковичем. Бабушка Груня воспитывала племянников в вере православной, труде и молитве.

Храм бабушка всегда любила и даже удивлялась, потому что никогда там не уставала. По словам одного прозорливого старца, отца Иоанна Маслова, бабушкины детские молитвы спасали её всю жизнь. А жизнь была нелёгкой... С малых лет Людмила

ходила за водой и пасла коров, помогала по хозяйству, а ещё нужно было учиться. Бабушка Люда рассказывала, что порой мало времени оставалось на выполнение домашнего задания, и она, прочитав немного перед началом урока, с уверенностью шла отвечать, ведь память была превосходная. Ещё рассказывала про спор с учительницей. В ответ на объяснение теории Дарвина и конкретно на утверждение о происхождении человека от обезьяны она смело заявила: «Вы, может быть, и от обезьяны, а меня Бог сотворил!»

СИЛА ДУХА И ВЕРЫ

Бабушкин прямой, твёрдый и справедливый характер пригодился ей на протяжении всей жизни, когда приходилось из руин восстанавливать храмы, отстаивать права церкви и ухаживать за детьми... Надя, Вера, Люба, София, Пётр и мой папа Павел – всех нужно было выучить, воспитать, накормить, нужно пошить ризы для церкви и помочь по церковным делам дедушке.

Шитьё всегда было любимым занятием бабушки. Она прекрасно шила все виды одежды, новогодние костюмы и особенно трепетно относилась к изготовлению церковного убранства и одеяния для священнослужителей. Золотые, серебряные, зелёные, синие и красные парчовые и всевозможные другие ткани всегда были у неё в запасе. И каждый раз, навещая бабушку, я находила её за работой в окружении верных друзей.

В последние годы жизни, когда бабушку Люду мучили боли, она спасалась шитьём – чувствовала силы для богоугодного дела, ведь большинство сшитых ею риз уходило на храмы.

А как прекрасно она готовила! До сих пор помню вкус пирожков с яблоками, с капустой, любимый всеми внуками рецепт. Как я всегда радовалась горячему пирожку от бабушки!

Меня всегда искренне удивляла бабушкина сила веры, её твёрдость, жизнелюбие и энергичность, с которыми она выносила все трудности. Наверное, люди ценили это и потому всегда приходили к ней. Она принимала их и помогала в трудно-

стях, притягивала своей добротой, умением сопереживать.

Возможно, причиной также стал невероятный талант бабушки рассказывать истории из жизни, а жизнь у неё действительно была интересная. Она настоящая рассказчица! Никогда не забуду, как часами засиживалась у бабушки и слушала её истории. Она грамотно говорила, всё помнила до деталей, а ещё успевала обсудить и последние новости, и книги, которые прочитала накануне, а читала бабушка между делами

Бабушка Люда с детьми в приходе села Старославино

Протоиерей Виктор Медведев

и очень много. Иногда даже не верилось, что она не смогла в своё время получить высшего образования: знала очень много, училась всю свою жизнь и была готова одержать победу в споре над самым знающим профессором.

Особенно бабушка любила духовные книги, в которых можно почерпнуть вечные истины, заставляющие размышлять и дающие пищу не только для ума, но и для души. О любви к нашей стране и настоящем патриотизме, об искренних и настоящих отношениях между людьми. Именно такую книгу «об ушедшей России» завещала мне прочесть бабушка перед своим уходом. Книга М. Имшенецкой «Забятая сказка» досталась мне от бабушки как память о ней.

Из всех историй, рассказанных моей бабушкой, мне особенно запомнились следующие.

Во времена советской власти Церковь была гонима и религию запрещали, служителей культа, как тогда называли священников, ссылали в деревни, жизнь их была трудной.

Мой дедушка, протоиерей Виктор, отличался прекрасным богословским образованием, ходил только в костюме и шляпе, и бабушка всегда была одета неброско, но нарядно и аккуратно. Такую яркую пару заметили органы КГБ и просили их дать подписку на сотрудничество. Это означало выезд за границу, покровительство и те редкие по тому времени блага и удобства, которые были недоступны остальным.

Бабушка и дедушка отказались от предложения, несмотря ни на какие уговоры и запугивания. Не страшно им было перебираться из города в село со всеми детьми, взять на себя восстановление храма, терпеть трудные времена гонений со стороны власти, которая постоянно следила за ними и даже препятствовала восстановлению храма. С этим связана ещё одна история.

Очень трудно было достать стройматериалы для храма, и бабушка попросила водителя и вместе с помощницей Шурой отправилась в лес. Им пришлось сторожить стройматериалы всю ночь, чтобы их не своровали. Бабушка ничего не боялась, потому что знала, что Господь ей помогает.

Много испытаний выпало на бабушкину долю, но все она вынесла с мужеством и стойкостью. Одному человеку это не под силу, нужно быть с Богом.

ЗНАКОМСТВО С ДЕДУШКОЙ

Все эти перипетии судьбы бабушка, конечно же, делила с моим дедушкой, протоиереем Виктором, их судьбы удивительно переплелись в одну, главным в которой была их пламенная и преданная любовь друг к другу, детям и Богу. Дедушка был послан ей, и я никогда не забуду рассказ об их знакомстве.

Бабушке было 9 лет, дедушке – 10, когда они стали замечать друг друга в храме. Витя читал на клиросе, и Люда всегда удивлялась, как правильно и аккуратно он читает, «как старик».

Однажды произошёл случай, который сильно сблизил молодых людей. Дедушка из паломнической поездки привёз две иконы – одну святого Виктора, а вторую Людмилы – и стал извиняться перед Львом, что не нашёл иконы для него, а привёз его сестре, Людмиле.

Люда приняла икону и скромно улыбнулась. После этого случая она стала проявлять симпатию к Виктору. А дедушка спустя много лет вспоминал, что впервые тогда увидел бабушкины красивые белые зубы и её улыбку.

Поженились они вскоре после того, как бабушке исполнилось 18 лет, дедушка был на год старше. Бабушка решила, что Виктор её не обидит, и сразу дала согласие будущей свекрови. Так они и прожили вместе в любви и согласии 38 лет.

ПРИМЕР ДЛЯ МЕНЯ

Для меня мой дедушка, протоиерей Виктор, и бабушка Людмила – это пример служения Богу и людям. Сколько духовных чад, нуждающихся в совете, приходило к дедушке, и каждого он мог утешить, найти верное слово... И бабушка всегда, до последнего дня, была окружена людьми, верными и преданными. Так много людей пришли проводить её в последний путь. Я знаю, что бабушка своей жизнью заслужила их любовь и уважение.

Приняв монашеский сан, она до конца продолжала помогать церквям, непрестанно шила одеяние для священнослужителей, утешала каждого приходящего.

Особенно бабушка радовалась богослужениям, которые совершал протоиерей Павел, настоятель Ильинского храма, её сын и мой папа. Он пошёл по стопам отца Виктора и так похож на него внешне и отношением к людям. Рождение протоиерея Павла предсказала монахиня Серафима. Сказала, что «сын тоже будет академистом» (окончит духовную академию), и дей-

ствительно, папа стал священником. Бабушка была рада промыслу Божьему и всегда знала, что тот, кто молится Богу, никогда не будет Им оставлен, эта молитва – за весь род. Перед смертью бабушка Люда вручила внучке Ольге икону с посланием: «Не бойся смерти, смерть есть к жизни возрождение, к жизни той, где смерти нет...»

Моя бабушка Людмила прожила жизнь достойно и преставилась 13 июля 2018 года. Она продолжает жить в нашей памяти и сердцах, и мы поминаем её в своих молитвах. Вечная и благая память моему дедушке, протоиерею Виктору, и бабушке, инокине Виктории.

НАШ НАСТАВНИК

На страницах литературно-исторического журнала «Александр» нередко появляется информация о деятельности МБУ «Центр патриотического воспитания имени генерала Н. Е. Рогожкина», с которым у нашего издания сложились дружеские отношения. В этом номере по многочисленным просьбам ребят мы публикуем материал, написанный самими воспитанниками центра.

Ольга Николаевна Воробьёва начала свою трудовую деятельность в 2008 году в муниципальном бюджетном образовательном учреждении «Межшкольный учебный комбинат» в должности инженера по технике безопасности, совмещая её с должностью учителя технологии.

Образование высшее, окончила с отличием Мичуринский государственный аграрный университет в 2009 году, присуждена квалификация «учёный-агроном» по специальности «Фруктоводство и виноградарство», в 2011 году присуждена степень магистра, занесена в Книгу почёта за отличную учёбу и активное участие в общественной жизни университета. В 2011 году окончила Мичуринский государственный педагогический институт, присуждена квалификация «учитель биологии».

Ольга Николаевна принимала участие в составлении программ по технологии. Постоянно повышала свой профессиональный уровень. В 2011 году прошла профессиональную переподготовку по программе «Менеджмент в образовании НПО и СПО». В 2015 году прошла повышение квалификации по программе «Организация образовательного процесса, обеспечивающего достижение планируемых результатов в соответствии с ФГОС». В своей работе в Межшкольном комбинате много внимания уделяла внедрению передовых методов обучения, проделала большую работу по созданию материальной базы комбината. Постоянно нацеливала педагогический коллектив на плодотворную работу, охотно делилась педагогическим опытом, оказывая практическую помощь. Ею разработаны несколько программ по допрофессиональному и

профессиональному обучению. В 2015 году назначена заместителем директора по УВР МБОУ МУК. Постоянно работала над повышением своего профессионального уровня, пользовалась заслуженным авторитетом среди коллег и учащихся.

В 2017 году в связи с ликвидацией Межшкольного учебного комбината совместно с Д. О. Хромовым открыла МБУ «Центр патриотического воспи-

Дать указание и сидеть ждать отчёта – это не про неё. Ольга Николаевна не задумываясь берётся за всю «пыльную» работу, выезжает «в поля» – организует концерты ко всем праздникам, ставит танцевальные номера с детьми, выезжает с волонтерами в детские дома и дома престарелых, лично переодевается в Снегурочку, развозит нуждающимся посильную помощь и дарит хорошее настроение.

тания имени генерала Н. Е. Рогожкина» и стала заместителем директора.

Для Ольги Николаевны не существует невыполнимых задач. Ни одно мероприятие центра не обходится без её чуткого контроля, она всегда даёт верное направление в решении рабочих вопросов.

Отзывчивость, компетентность, соучастие – это основные черты, которые помогают Ольге Николаевне сплотить вокруг себя коллектив. Коллеги знают, что по любому вопросу можно обратиться к Ольге Николаевне и рассчитывать как минимум на понимание, поддержку и чёткое видение решения проблемы.

Требовательная к себе и окружающим, порой непоколебимая, она ставит, казалось бы, невыполнимые цели, но легко достигает результата.

Довольна жёсткая в серьёзных рабочих вопросах, она совершенно мягкая и впечатлительная в общении с детьми в детских домах и с участниками военных действий, все истории пропускает через себя, всегда поддержит, всегда обнимет и часто не может сдержать своих слёз и эмоций, понимая, как много людей, у которых нет самого необходимого: дома, семьи, – которые нуждаются не столько в деньгах, сколько в человеческой доброте, в душевном разговоре, людей, которым необходимо просто выговориться, чтоб их выслушали.

В этом вся Ольга Николаевна Воробьёва – добрая, чуткая, понимающая, сочувствующая. И это здорово! Потому что в ежедневной суете очень важно оставаться Человеком, человеком с открытым сердцем, заботливой хранительницей домашнего очага, любящей мамой.

САДУ ШОЛОХОВА — ОДИН ГОД

«За Доном в лесу прижилась тихая, ласковая осень. С шелестом падали с тополей сухие листья. Кусты шиповника стояли, будто объятые пламенем, и красные ягоды в редкой листве их пылали, как огненные язычки. Горький, всепобеждающий запах созревшей дубовой коры заполнил лес. Ежевичник – густой и хваткий – опутывал землю; под сплетением ползучих ветвей его искусно прятались от солнца дымчато-сизые, зрелые кисти ежевики».

В этих строках из бессмертного произведения Михаила Александровича Шолохова **«несказанным очарованием»** раскрывается донская степь, и таким же несказанным очарованием звучат шолоховские строки, когда приезжаешь в станицу Вёшенскую. Терпкий вкус и пряный аромат настоящего на степных травах ветра, неброские пейзажи, сошедшие со страниц шолоховских книг, вызывают желание перечитать произведения Михаила Александровича, посетить донской казачий край, сделать его краше и внести свою небольшую лепту, дополнив уникальную природу красивыми растениями, гармонично вписав их в уникальный пейзаж.

24 сентября в Государственном музее-заповеднике М. А. Шолохова прошла совместная акция сотрудников ландшафтного отдела музея, Союза писателей России, учёных и воспитанников казачьих классов Мичуринска по посадке деревьев в Саду писателей России им. М. А. Шолохова и экологическо-литературном лесопарке «Жемчужина Евразии».

Прошёл год с момента закладки Сада писателей России в станице Кургинской. Сад преобразился, деревья окрепли, территория благоустроена. По поручению председателя СПР Николая Иванова учёными и писателями Анатолием Трубой и Геннадием Щербенёвым были высажены 15 яблонь на месте погибших саженцев, и общее количество деревьев выросло на два, так как в этом году исполняется 61

год Союзу писателей, а также год прибавился к времени существования ростовской писательской организации. Саженцы для посадки сортов Вишнёвое и Лоба традиционно были предоставлены ФНЦ им. И. В. Мичурина. Было принято решение о ежегодном увеличении деревьев по количеству лет Союза писателей России.

Селекционер Щербенёв отметил профессиональный уход за писательским садом, хорошую приживаемость и провёл обрезку деревьев. Порадовало то, что руководство музея не ограничилось формальным подходом, а подошло к уходу за садом с душой и усердием.

Ещё одним мероприятием стала посадка саженцев калины, боярышника и грецкого ореха, привезённых мичуринцами для экологическо-литературного лесопарка «Жемчужина Евразии», разбитого близ станицы Вёшенской по инициативе заместителя директора музея Шолохова Тараса Турчина и ставшего настоящим украшением шолоховских мест.

А завершила озеленительную акцию посадка двух вишен сорта Тургеневская на импровизированной земле писателей Орловской области в лесопарке, которую осуществил Анатолий Труба.

Отрадно, что совместная работа продолжается. Были достигнуты договорённости о плане работ на 2020 год. В частности, на весну запланирована высадка Аллеи писателей в упомянутом выше уникальном экологическо-литератур-

ном лесопарке «Жемчужина Евразии». Обеспечение посадочным материалом ложится на Анатолия Трубу, а подготовительные работы осуществляются силами сотрудников Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова. Не будет забыт и Сад писателей России им. М. А. Шолохова, где также продолжатся работы по развитию и благоустройству.

Анатолий ТРУБА

